ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА КАРЛА V.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА КАРЛА V,

СЪ

ОПИСАНІЕМЪ УСТРОЕНІЯ ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ЕВРОПѢ,

ОТЪ РАЗРУШЕНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДО НАЧАЛА ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬГЕЛЬМА РОБЕРТСОНА,

Доктора Богословія, Ректора Эдинбуржскаго Университета, Историографа Шотландіи.

Переводъ съ Англійскаго

ИВАНА БАРЫШОВА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. П. Бургъ, 9го Іюля 1835 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

КНИГА I.

КНИГА II.

КНИГА III.

КНИГА IV.

КНИГА I.

Карлъ V родился въ Гентѣ двадцать четвертаго Февраля тысяча пятисотаго года. Отецъ его, Филиппъ Прекрасный, Эрцгерцогъ Австрійскій, былъ сынъ Императора Максимиліана и Маріи, единственной дочери Карла Смѣлаго, послѣдняго Государя изъ Бургундскаго Дома. Мать его, Іоанна, была вторая дочь Фердинанда, Короля Арагонскаго, и Изабеллы, Королевы Кастильской.

Рядъ счастливыхъ происшествій открылъ путь юному Карлу V къ наслѣдованію такихъ обширныхъ владѣній, какими не повелѣвалъ еще ни одинъ Европейскій Монархъ со временъ Карла Великаго. Богатыя земли Маріи Бургундской были назначены для другаго Дома, потому что отецъ обѣщалъ ея руку единственному сыну Французскаго Короля, Людовика XI; но этотъ своенравный Государь, изъ ненависти къ Бургундскому Дому, предпочелъ лучше отнять у Маріи нѣкоторыя владѣнія силою, нежели упрочить ихъ всѣ за собою посредствомъ брака, и этимъ неблагоразуміемъ, гибельнымъ для своего потомства, предалъ Нидерланды и Франшъ-Конте въ руки соперника. Изабелла, дочь Кастильскаго Короля Іоанна II, не имѣя никакой надежды получить благородное наслѣдіе, которое оставила внуку, проводила раннія лѣта своей жизни въ бѣдности и неизвѣстности; но Кастильцы, раздраженные братомъ ея, Генрихомъ IV, Государемъ слабоумнымъ и порочнымъ, всенародно объявили его неспособнымъ

къ дѣторожденію, а супругу его обвинили въ невѣрности. Когда же онъ умеръ, то отвергнувъ Іоанну, которую онъ всегда, и даже на смертномъ одрѣ, признавалъ законною своею дочерью и которую Собраніе Чиновъ провозгласило наслѣдницею Королевства, они принудили ее удалиться въ Португалію, а Изабеллу возвели на престолъ Кастильскій. Фердинандъ былъ обязанъ Арагонскою короною неожиданной смерти старшаго своего брата, Неаполитанское же и Сицилійское Королевства пріобрѣлъ, нарушивъ святость договоровъ и презрѣвъ узами крови. Ко всѣмъ этимъ владѣніямъ Христофоръ Колумбъ, геніальнымъ подвигомъ, которому, по смѣлости и успѣху, нѣтъ подобнаго въ лѣтописяхъ рода человѣческаго, присоединилъ новый свѣтъ, служившій своими богатствами важнымъ источникомъ могущества и величія Государей Испанскихъ.

Донъ Іоаннъ, единственный сынъ Фердинанда и Изабеллы, и старшая дочь ихъ, Королева Португальская, были въ цвѣтѣ молодости похищены смертію, и потому всѣ надежды родителей остановились на Іоаннѣ и ея потомствѣ. Такъ какъ супругъ ея, Эрцгерцогъ, былъ чужой для Испаніи, то они разсудили за благо пригласить его въ эту землю, чтобы, живя въ ней, онъ привыкъ къ ея законамъ и нравамъ, а Кортесное Собраніе скорѣе признало наслѣдственныя права его супругою, которыя безъ того не были бы дѣйствительны. Филиппъ и Іоанна, проѣзжая въ Испанію черезъ Францію, получили въ этомъ Королевствѣ самый пышный пріемъ. Эрцгерцогъ, какъ владѣтель Фландріи, присягнулъ Людовику XII въ вѣрности и занималъ мѣсто государственнаго Пера въ Парижскомъ Парламентѣ (1502). Въ Испаніи приняли высокую чету со всѣми почестями, какія толь-

ко могло внушить родственное расположеніе къ ней Фердинанда и Изабеллы и почтеніе ихъ подданныхъ; Кортесы Арагоніи и Кастиліи вскорѣ послѣ пріѣзда Эрцгерцога и Инфантины признали ихъ законными наслѣдниками престола.

Но при наружныхъ изъявленіяхъ удовольствія и радости, тайное безпокойство овладѣло душею обоихъ Государей. Важная и строгая чинность Испанскаго Двора была такъ тягостна для Филиппа, Государя молодаго, веселаго, любезнаго, страстно любившаго общества и удовольствія, что онъ вскорѣ началъ изъявлять желаніе возвратиться на родину, обычаи которой болѣе согласовались съ его нравомъ. Фердинандъ, замѣчая разстройство здоровья своей супруги, съ смертію которой онъ могъ лишиться управленія Кастиліею, легко предусматривалъ, что Филиппъ, уже обнаруживавшій нетерпѣніе царствовать, никогда не дастъ ему удержать вліянія на это Королевство, и опасеніе уступить часть своей власти возбудило зависть въ честолюбивомъ Государѣ.

Изабелла видѣла съ чувствами, свойственными матери, какъ равнодушно и небрежно обращался Эрцгерцогъ съ ея дочерью, лишенною всѣхъ пріятностей наружности и всѣхъ дарованій, укрѣпляющихъ привязанность мужа къ женѣ. Умъ Іоанны, всегда слабый, часто подвергался разстр йству. Она любила Филиппа такъ страстно и такъ нескромно, что возбуждала въ немъ не взаимность, а отвращеніе. Ревность ея, къ которой поведеніе супруга давало много причинъ, была соразмѣрна любви, и часто открывалась въ самыхъ странныхъ поступкахъ. Изабелла хотя и чувствовала недостатки своей дочери, однако не могла не сожалѣть объ ея уча-

сти. Непремѣнное намѣреніе Эрцгерцога въ самую зиму уѣхать во Фландрію безъ супруги довершило несчастіе послѣдней. Изабелла убѣждала его не покидать жены въ добычу тоскѣ и унынію, которыя могли быть для нея пагубны, потому что ей приближалось время разрѣшиться отъ бремени. Іоанна умоляла его отложить отъѣздъ хотя на три дня, чтобы имѣть удовольствіе праздновать вмѣстѣ съ нимъ день Рождества Христова. Фердинандъ, представя ему, какъ неблагоразумно онъ поступитъ, если оставитъ Испанію, не познакомясь съ духомъ и не пріобрѣтя любви будущихъ своихъ подданныхъ, просилъ его не ѣздить по крайней мѣрѣ черезъ Францію, съ которою былъ тогда въ открытой войнѣ. Филиппъ, не смотря ни на законы человѣколюбія, ни на правила благоразумія, упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, и двадцать втораго Декабря отправился въ Нидерланды по дорогѣ на Францію (1).

Съ самаго отъѣзда его Іоанна впала въ глубокую, мрачную задумчивость (2), и въ этомъ состояніи произвела на свѣтъ Фердинанда, втораго сына, который получилъ въ послѣдствіи времени Королевства: Венгрію и Богемію, а наконецъ былъ Императоромъ. Одна Іоанна въ цѣлой Испаніи не радовалась его рожденію. Нечувствительная ни къ какимъ удовольствіямъ, она думала только о возвращеніи къ супругу, и не могла получить душевнаго спокойствія до тѣхъ поръ, пока не прибыла въ слѣдующемъ году (1504) въ Бриссель (3).

---

(1) Petri Martyris Angielii Epistolae, 250, 253.

(2) Id. Epist. 255.

(3) Mariana, lib. 27, c. 11, 14. Flechier Vie de Ximen. I, 191.

Филиппъ, проѣзжая черезъ Францію, имѣлъ свиданіе съ Людовикомъ XII и заключилъ съ нимъ договоръ, въ надеждѣ прекратить имъ всѣ несогласія между Франціею и Испаніею. Но Фердинандъ, дѣла котораго шли въ то время весьма благополучно въ Италіи, гдѣ великій полководецъ, Гонзальвъ Кордуанскій, торжествовалъ при всякомъ случаѣ надъ Французами, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на договоръ своего зятя и продолжалъ войну еще живѣе, нежели прежде.

Между тѣмъ Филиппъ, казалось, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ Испаніи и ожидалъ спокойно, пока смерть Фердинанда, или Изабеллы, очиститъ ему путь къ одному изъ ихъ престоловъ. Кончина тещи его дѣйствительно приближалась. Безвременная потеря старшей дочери и сына нанесла жестокой ударъ ея сердцу. Не видя себѣ утѣшенія ни отъ Іоанны, немощи которой съ каждымъ днемъ увеличивались, ни отъ зятя, даже не хотѣвшаго оказывать наружныхъ знаковъ почтенія несчастной супругѣ своей, она начала постепенно изнемогать душею и тѣломъ, и, протомясь нѣсколько мѣсяцевъ, скончалась въ Мединѣ дель Кампо двадцать шестаго Ноября тысяча пять сотъ четвертаго года. Она была столько же славна добродѣтелями, сколько и мудростію, и въ тройственномъ званіи, Королевы, супруги и матери, достойно заслуживаетъ высокія похвалы, которыми превозносятъ ее Испанскіе Историки (1).

За нѣсколько недѣль до смерти, сдѣлала она завѣщаніе. Зная неспособность Іоанны къ правленію и не имѣя расположенія ввѣрить его Филиппу, поведеніемъ котораго была весьма недоволь-

---

(1) P. Mart. Ep. 279.

на, она назначила Фердинанда Регентомъ, или Правителемъ Кастиліи до того времени, когда внукъ ея, Карлъ, достигнетъ двадцатилѣтняго возраста; сверхъ того отказала своему супругу половину доходовъ отъ Индіи и Командорства трехъ военныхъ орденовъ, которыя присвоила верховной власти, потому что подданные, получая ихъ, становились почти совершенно независимы (1). Но, еще не подписывая этого завѣщанія, выгоднаго для Фердинанда, она взяла съ него клятву, что онъ ни вторымъ бракомъ, ни другими средствами не будетъ стараться лишить Іоанну, или ея потомковъ, наслѣдственнаго права на свои Королевства (2).

Тотчасъ по смерти Изабеллы, Фердинандъ пересталъ именоваться Королемъ Кастиліи и повелѣлъ всенародно провозгласить ея Государями Іоанну и Филиппа. Но въ то же время, по завѣщанію Изабеллы, онъ вступилъ въ права Регента и, спустя короткое время (въ 1505 г.), заставилъ Кастильскій Кортесъ признать себя въ новомъ званіи. Это удалось ему однако не безъ труда; онъ открылъ въ Кастильцахъ нѣкоторые признаки холодности и нелюбви къ себѣ, которыми очень обезпокоился. Соединеніе Кастиліи съ Арагоніею, продолжавшееся почти тридцать лѣтъ, не такъ еще искоренило древнюю и наслѣдственную ненависть между ихъ жителями, чтобы гордые Кастильцы покорились безъ ропота правленію Короля Арагонскаго. Личный нравъ Фердинанда, хорошо извѣстный Кастильцамъ, еще болѣе вооружалъ ихъ

(1) P. Martyr. Ep. 277. Mar. Hist. lib. 28, c. 11. Ferreras Hist. Génér. d'Espagne, tom. VIII, 263.

(2) Mar. Hist. lib. 28, c. 14.

противъ власти его. Подозрителенъ, дальновиденъ, строгъ, бережливъ, онъ привыкъ смотрѣть на самыя пустыя дѣйствія своихъ подданныхъ съ недовѣрчивостію и умѣренно награждать самыя высокія заслуги; а по смерти Изабеллы, любезныя качества которой и пристрастіе къ Кастильцамъ часто смягчали его суровость, сталъ еще строптивѣе. Правленіе его было особенно ненавистно Грандамъ; зная опасныя преимущества, предоставленныя имъ по феодальнымъ постановленіямъ, онъ старался сократить непомѣрную власть ихъ, распространяя Королевское судопроизводство, покровительствуя обиженнымъ вассаламъ, увеличивая льготы городовъ и принимая другія, равно благоразумныя мѣры (1). По всѣмъ этимъ причинамъ соединилось противъ него множество недовольныхъ въ Кастиліи, и хотя они еще открыто не дѣйствовали, однако Фердинандъ ясно видѣлъ, что при малѣйшемъ поощреніи отъ новаго Короля они отважатся на всякую крайность.

Не меньше было волненіе въ Нидерландахъ, когда тамъ получили извѣстіе о смерти Изабеллы и о вступленіи Фердинанда въ управленіе Кастиліею. Филиппъ имѣлъ не такой нравъ, чтобы спокойно уступить свою власть честолюбивому тестю. Если немощи Іоанны и малолѣтство Карла содѣлывали ихъ неспособными къ правленію; то онъ, какъ мужъ, былъ настоящій попечитель своей жены, и какъ отецъ, ближайшій опекунъ своего сына. Этимъ законнымъ правамъ и общему расположенію народа Кастильскаго недостаточно было противуполагать силу завѣщанія, самая подлинность ко-

(1) Marian. lib. 28. c. 12.

тораго казалась сомнительною, а содержаніе отзывалось явною несправедливостію. Прибытіе Дона Іоанна Мануэля еще сильнѣе воспламенило негодованіе Филиппа и придало новую бодрость его намѣреніямъ. Мануэль былъ посланникъ Фердинанда при Императорскомъ Дворѣ; узнавъ о кончинѣ Изабеллы, онъ немедленно явился въ Брисель съ надеждою, что при Дворѣ юнаго и щедраго Государя скоро достигнетъ власти и почестей, которыхъ никогда бы не дождался въ службѣ у стараго и скупаго на награды. Онъ еще въ то время, какъ Филиппъ жилъ въ Испаніи, своею приверженностію къ нему снискалъ полную его довѣренность; а, занимаясь дѣлами подъ руководствомъ Фердинанда, пріобрѣлъ тонкость и оборотливость ума, отличавшія этого Монарха и необходимыя для разстройства его предпріятій (1).

По совѣту Мануэля отправили пословъ требовать отъ Фердинанда, чтобы онъ удалился въ Арагонію и уступилъ управленіе Кастиліею тѣмъ лицамъ, которымъ поручитъ его Филиппъ до своего прибытія въ это Королевство. Кастильскіе дворяне, недовольные Фердинандомъ, получили поощреніе не повиноваться ему. Въ то же время заключенъ былъ договоръ съ Людовикомъ XII, которымъ Филиппъ льстился пріобрѣсть его дружество и помощь.

Между тѣмъ Фердинандъ употреблялъ всѣ средства хитрости и политики для удержанія захваченной власти. Черезъ Конхиллоса, Арагонскаго дворянина, онъ вошелъ въ частныя сношенія съ Іоанною и убѣдилъ ее утвердить право свое на регентство. Но эта хитрость не укрылась

(1) Zurita Annales de Aragon, tom. VI, p. 12.

отъ проницательности Дона Мануэля: письмо, въ которомъ Іоанна изъявляла свое согласіе, было перехвачено; Кончиллоса посадили въ тюрьму; даже Іоанну заключили въ ея дворцовыхъ покояхъ и удалили отъ нея всю Испанскую прислугу (1).

Досада Фердинанда, когда онъ узналъ объ открытіи своихъ намѣреній, еще болѣе увеличилась успѣхами повѣренныхъ Филиппа въ Кастиліи. Нѣкоторые дворяне удалились въ свои замки, другіе въ города, гдѣ имѣли вліяніе; они составили между собою союзы и начали собирать своихъ вассаловъ. Дворъ Фердинанда почти совсѣмъ опустѣлъ: при немъ не осталось ни одной важной особы, кромѣ Архіепископа Толедскаго — Ксименеса, Герцога Альвы и Маркиза Деніи; домы же посланниковъ Филиппа были ежедневно наполнены лучшею знатью.

Разгнѣванный удаленіемъ вельможъ Кастильскихъ, уязвленный, быть можетъ, мыслію, что молодой политикъ разрушилъ его предпріятія, Фердинандъ рѣшился, противъ законовъ природы и благоприличія, скорѣе лишить свою дочь и потомство ея Кастильской короны, нежели отказаться отъ регентства. Планъ его былъ столько же смѣлъ, сколько самое намѣреніе злобно. Онъ просилъ въ супруги себѣ Іоанну, мнимую дочь Генриха IV, незаконное рожденіе которой служило основаніемъ Изабеллина права на престолъ Кастильскій, и надѣялся еще разъ овладѣть имъ, возобновивъ ея несправедливое притязаніе, между тѣмъ какъ прежде самъ неоднократно сра-

(1) P. Mart. Ep. 287. Zurita Annales, tom. VI, p. 14.

жался для его уничтоженія. Но Эмануилъ, Король Португальскій, во владѣніяхъ котораго жила Іоанна, не согласился на неестественный бракъ ея, потому что имѣлъ въ супружествѣ одну изъ Фердинандовыхъ дочерей отъ Изабеллы, и сама несчастная Принцесса не изъявила расположенія къ предложенному замужству, очистясь долговременнымъ пребываніемъ въ монастырѣ отъ всѣхъ честолюбивыхъ желаній (1).

Фердинандъ былъ однако неистощимъ въ средствахъ для удовлетворенія своего властолюбія. Встрѣтивъ неудачу въ Португаліи, онъ обратился къ Франціи и сталъ искать руки Жермены Фуасской, дочери Виконта Нарбонскаго и Маріи, сестры Людовика XII. Несчастная война этого Короля съ Испанцами въ Неапольскомъ Королевствѣ, заставила его съ радостію принять предложеніе, давшее честный предлогъ къ заключенію мира. Фердинандъ же, который не имѣлъ подобнаго себѣ Государя въ умѣніи жертвовать страстями выгодамъ и честолюбію, такъ сильно негодовалъ на зятя, что изъ мщенія не только отвлекъ отъ него Францію, но даже хотѣлъ лишить его наслѣдственнаго Арагонскаго престола, и потому едва не рѣшился опять раздѣлить Испанію на особыя Королевства, хотя соединеніе ихъ было славнѣйшимъ дѣломъ его царствованія и главною цѣлію его политики; согласился возвратить прежнія владѣнія и права Неаполитанскимъ дворянамъ, державшимъ сторону Французовъ, и престарѣлый, вступилъ въ несообразное супружество съ осьмнадцатилѣтнею

(1) Sandov. Hist. of Civil Wars in Castile, Lond. 1655, p. 5. Zurita Annales de Aragon, tom. VI, p. 213.

Принцессою, не смотря на то, что оно подвергало его посмѣянію (1).

Этотъ бракъ, лишивъ Филиппа единственнаго союзника и грозя ему потерею многихъ Королевствъ, ужасно обезпокоилъ его и убѣдилъ Дона Іоанна Мануэля въ необходимости принять другія мѣры относительно дѣлъ Испанскихъ (2). Онъ далъ наставленіе Фламскимъ посламъ при Дворѣ Испанскомъ объявить, что Государь ихъ имѣетъ сильное желаніе окончить свои раздоры съ Фердинандомъ дружескимъ образомъ, и готовъ принять всѣ условія, способныя возстановить согласіе, которое должно существовать между тестемъ и зятемъ. Хотя ни одинъ Государь не нарушалъ такъ много торжественныхъ обязательствъ, какъ Фердинандъ, однако онъ чрезвычайно любилъ переговоры, или довѣряя чистосердечію другихъ, или полагаясь на тонкость ума своего, и потому охотно принялъ предложеніе своего зятя и вскорѣ (24 Ноября 1505 г.) заключилъ съ нимъ договоръ въ Саламанкѣ, которымъ постановлено было, чтобы Іоаннѣ, Фердинанду и Филиппу управлять Кастиліею вмѣстѣ, а государственные доходы и право награждать чинами раздѣлить между Фердинандомъ и Филиппомъ пополамъ (3).

1506 г. — Но Филиппъ думалъ всего менѣе о соблюденіи этихъ условій. Утверждая ихъ, онъ хотѣлъ только занять Фердинанда, и безпрепятственно пріѣхать въ Испанію. Хитрость удалась. Фердинандъ, при всей своей проницательности, сначала не подозрѣвалъ его намѣренія, и хотя, догадавшись, склонилъ Французскаго

(1) P. Mart. Ep. 290, 292. Mariana, lib. 28, c 16, 17.
(2) P. Mart. Ep. 293.
(3) Zurita Annales de Aragon, VI, 19. P. Mart. Ep. 293, 294.

Короля не только отсовѣтовать путешествіе Филиппу, но даже грозить ему войною въ случаѣ упорства; хотя убѣдилъ Гельдернскаго Герцога напасть на его Нидерландскія владѣнія, однако онъ, не взирая на это, отправился въ Испанію съ своею супругою въ сопровожденіи многочисленнаго флота, на который посажено было значительное сухопутное войско. Жестокая буря принудила ихъ искать убѣжища въ Англіи, гдѣ Генрихъ VII, въ угодность Фердинанду, продержалъ ихъ болѣе трехъ мѣсяцевъ (1); наконецъ они получили свободу ѣхать, и послѣ безопаснаго плаванія пристали благополучно къ Корункѣ въ Галиціи (Апр. 28). Фердинандъ намѣревался воспрепятствовать ихъ высадкѣ вооруженною силою, но не осмѣлился этого сдѣлать.

Кастильскіе дворяне, дотолѣ принужденные скрывать свои чувствованія и притворствовать, открыто объявили себя за Филиппа послѣ его прибытія. Знатнѣйшія особы въ сопровожденіи многочисленныхъ вассаловъ стекались со всѣхъ концевъ Королевства къ новому Государю. Всѣ порицали Саламанкскій договоръ, всѣ согласились отказать въ управленіи Кастиліею Фердинанду, который, отдѣливъ отъ нея Арагонію и Неаполь, обнаружилъ нерадѣніе объ истинномъ ея благѣ. Фердинандъ, между тѣмъ, оставленный почти всѣми Кастильцами, разстроенный ихъ мятежемъ и волнуемый нерѣшимостію, мирно ли сложить свою власть, или оружіемъ поддержать ее, настоятельно требовалъ свиданія съ зятемъ, который, по совѣту Мануэля, тщательно избѣгалъ этого. Видя наконецъ, что число и ревность Филипповыхъ приверженцевъ съ каждымъ днемъ воз-

(1) Ferrer. Hist. VIII, 285.

растаютъ, Арагонской Король убѣдился въ тщетности своего намѣренія противоборствовать зятю, и изъявилъ въ особенномъ договорѣ (27го Іюня) согласіе отречься отъ управленія Кастиліею въ пользу Филиппа, удалиться въ наслѣдственныя свои Арагонскія земли и быть довольну Командорствами военныхъ орденовъ и тою частію Индійскихъ доходовъ, которую завѣщала ему Изабелла. Хотя свиданіе между Государями уже было не нужно, но съ обѣихъ сторонъ назначили его изъ приличія. Филиппъ явился въ избранное мѣсто съ блестящею свитою Кастильскихъ дворянъ и значительнымъ отрядомъ воиновъ. Фердинандъ прибылъ безъ всякой пышности, его сопровождало верхомъ на мулахъ небольшое число невооруженныхъ слугъ. При этомъ случаѣ Донъ Іоаннъ Мануэль имѣлъ удовольствіе показать оставленному имъ Государю великое свое вліяніе на Филиппа, а Фердинандъ, котораго перехитрили, у котораго отняли присвоенную власть, терпѣлъ эти двѣ жесточайшія для него обиды въ присутствіи прежнихъ своихъ подданныхъ (1).

Вскорѣ потомъ онъ удалился въ Арагонію, и надѣясь, что какой нибудь благопріятный случай призоветъ его опять въ Кастилію, не замедлилъ объявить, хотя съ великою тайною, что договоръ, заключенный имъ съ зятемъ, какъ вынужденный силою, ни къ чему его не обязывалъ (2).

Филиппъ принялъ новую власть съ юношескою радостію. Несчастная Іоанна, отъ которой онъ получилъ её, не выходила во все продолженіе этихъ

---

(1) Zurita Annales de Aragon, VI, 64. Mar. lib. 28, c. 19, 20. P. Mart. Ep. 304, 305, etc.

(2) Zurita Annal. de Arag. VI, 68. Ferrer. Hist. VIII, 290.

дѣлъ изъ глубокой меланхоліи; рѣдко позволялось ей показываться въ общество; отца къ ней не допускали, хотя онъ часто желалъ съ нею видѣться; самъ же Филиппъ болѣе всего домогался, чтобы Кортесъ объявилъ её неспособною къ правленію, поручивъ ему одному нераздѣльную власть до совершеннолѣтія ихъ сына. Но привязанность Кастильцевъ къ природной своей Государынѣ была такъ велика, что хотя Мануэль успѣлъ подкупить нѣкоторыхъ членовъ Кортеса, собравшагося въ Вальядолидѣ, хотя иные изъ нихъ готовы были сами по себѣ удовлетворить новаго Государя въ первой его просьбѣ; однако большая часть представителей не хотѣла согласиться на объявленіе, которое почитала оскорбительнымъ для крови своихъ Монарховъ (1), и всѣ единодушно провозгласили Іоанну Королевою, а Филиппа Королемъ Кастиліи, сына же ихъ, Карла — Принцемъ Астурійскимъ.

Это было почти единственное достопамятное происшествіе въ правленіе Филиппа. Онъ умеръ отъ лихорадки (25го Сент. 1506 г.), на двадцать осьмомъ году жизни, не носивъ и трехъ мѣсяцевъ Королевскаго сана, котораго такъ домогался (2).

Все бремя верховной власти надъ Кастиліею долженствовало пасть на Іоанну. Но неожиданная смерть супруга была для нея жестокимъ ударомъ, который довершилъ разстройство умственныхъ ея силъ и неспособность къ правленію. Во все время болѣзни Филиппа она находилась при немъ безотлучно, не смотря ни на какія убѣжде-

---

(1) Zurita, ibid. VI, p. 75.
(2) Marian. lib. 28, c. 23.

нія, и однакожъ, когда онъ умеръ, она не пролила ни одной слезы, изъ ея груди не вырвалось ни одного стона. Тоска ея была нѣма, неизмѣнна, поселилась навсегда въ ея сердцѣ. Іоанна продолжала имѣть объ мертвомъ супругѣ ту же нѣжную заботливость, какъ объ живомъ, и хотя позволила наконецъ предать его погребенію, но вскорѣ велѣла перенести изъ могилы въ свои покои, положила его въ великолѣпной одеждѣ на пышную постель и не сводила съ него глазъ, ожидая счастливой минуты, когда онъ возвратится къ жизни, потому что слышала отъ одного монаха, будто какой-то Король ожилъ послѣ четырнадцатилѣтней смерти. Вмѣстѣ съ этой странной любовью сохранилась и ревность Іоанны. Она запретила своимъ фрейлинамъ подходить къ постели, на которой лежалъ мертвой Филиппъ, принимала къ себѣ однѣхъ только родственницъ; даже произвела на свѣтъ Принцессу Екатерину при помощи своихъ собственныхъ прислужницъ, чтобы не впустить бабки, хотя на этотъ случай нарочно выбрали для нея весьма пожилую (1).

Женщина при такомъ состояніи ума была неспособна управлять большимъ Королевствомъ; Іоанна, которая только что оплакивала свою потерю и молилась о душѣ супруга, даже почитала занятіе общественными дѣлами преступнымъ небреженіемъ о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ нему. Но, уклоняясь сама отъ управленія, она, по странной завистливости, не хотѣла поручить его никому другому, и никакія убѣжденія подданныхъ не могли склонить ее избрать Регента, и подписывать бумаги, необходимыя для отправленія правосудія и для блага Королевства.

(1) Mar. Hist. lib. 29, c. 3 и 5. P. Mart. Ep, 318, 324, 328, 332.

Смерть Филиппа повергла Кастильцевъ въ величайшее недоумѣніе: Регентъ былъ необходимъ и по умственному разстройству Іоанны, и по малолѣтству ея сына; но между дворянами ни одинъ такъ не возвышался своими заслугами, чтобы народъ единодушно призвалъ его къ этому высокому служенію, и потому всѣ естественнымъ образомъ обратили взоры на Фердинанда и Императора Максимиліана. Первый требовалъ регентства, какъ попечитель своей дочери и въ силу Изабеллина завѣщанія; послѣдній, какъ законный опекунъ внука, котораго онъ, по немощамъ его матери, почиталъ уже Королемъ Кастильскимъ. Но принудившіе недавно Фердинанда отказаться отъ управленія Королевствомъ, трепетали при одной мысли такъ скоро возвратить ему прежнее достоинство. Они страшились призвать Государя, который былъ неспособенъ прощать и въ которомъ воспоминаніе объ ихъ поступкѣ и своемъ униженіи естественнымъ образомъ прибавило чувство оскорбленной гордости къ недостаткамъ, имъ уже извѣстнымъ. Максимиліанъ не встрѣчалъ никакого подобнаго препятствія, но за то онъ не зналъ законовъ и обычаевъ Кастильскихъ, не имѣлъ войска и денегъ для поддержанія своихъ притязаній; самое требованіе его не могло быть уважено безъ торжественнаго объявленія о неспособности Іоанны управлять Королевствомъ, а этого оскорбленія Кастильцы, уже по одному приличію, никогда не хотѣли ей сдѣлать, не взирая на гласность ея слабоумія.

Однако Донъ Іоаннъ Мануэль и нѣкоторые дворяне, почитавшіе себя наиболѣе подверженными гнѣву Фердинанда, приняли сторону Максимиліана и предложили ему всѣми силами поддерживать его требованіе. Максимиліанъ, всегда

смѣлый и рѣшительный на словахъ, но слабый и медленный на дѣлѣ, охотно принялъ ихъ предложеніе. Но слѣдствіемъ были одни безуспѣшные переговоры. Императоръ, по обыкновенію, высокомѣрно защищалъ свои права, гремѣлъ угрозами, и ничего не дѣлалъ (1).

За нѣсколько дней до смерти Филиппа, Фердинандъ отправился въ Неаполь, чтобы собственнымъ присутствіемъ приличнѣе прекратить намѣстничество великаго полководца, который ни важными заслугами, ни осторожнымъ поведеніемъ не могъ оградить себя отъ подозрительности своего недовѣрчиваго Государя. Хотя вѣсть о смерти зятя дошла до Фердинанда въ предѣлахъ Генуэзскихъ, но онъ такъ спѣшилъ открыть мнимые тайные замыслы Гонзальва Кордуанскаго и снятіемъ съ него верховнаго начальства утвердить власть свою въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ на прочномъ основаніи, что скорѣе рѣшился оставить Кастилію въ безначаліи и даже лишиться управленія ею, нежели отложить свое путешествіе (2).

Оно имѣло бы худыя послѣдствія, если бы ихъ не отвратили великія способности и благоразуміе приверженцевъ Фердинанда, главою которыхъ былъ Ксименесъ, Архіепископъ Толедскій. Возвышенный въ этотъ санъ Изабеллою противъ желанія ея супруга, хотя онъ нимало не надѣялся пользоваться большою силою подъ недовѣрчивымъ его управленіемъ, но предпочелъ благо отечества собственному величію и объявилъ, что Кастилія никогда не будетъ такъ счастлива, какъ подъ властію Государя, по долговременной опытности

(1) Marian. lib. 29, c. 7. Zurita Annal. de Arag. VI, 93.
(2) Zurita, Ibid. VI, 85.

совершенно знающаго истинныя ея пользы. Ревность распространить это мнѣніе между соотечественниками побудила Ксименеса нѣсколько убавить обыкновенную его суровость и надмѣнность. Онъ старался выиграть расположеніе недовольныхъ дворянъ, употреблялъ хитрость и доказательства для ихъ убѣжденія. Фердинандъ помогалъ его стараніямъ весьма искусно: дѣлая нѣкоторымъ грандамъ уступки, а другимъ обѣщанія, и посылая ко всѣмъ вообще письма, исполненныя благоволенія, онъ привлекъ на свою сторону много жесточайшихъ враговъ своихъ. И хотя довольно было заговоровъ и нѣсколько возмущеній; но когда Фердинандъ пріѣхалъ въ Кастилію, то вступилъ въ управленіе безъ всякаго препятствія. Благоразуміе, съ которымъ онъ воспользовался властію своею въ этомъ Королевствѣ, равнялось счастію, съ которымъ онъ возвратилъ ее. Кроткимъ, но твердымъ правленіемъ, чуждымъ пристрастія и мстительности, онъ совершенно примирилъ съ собою Кастильцевъ, и доставилъ имъ въ остальные годы своей жизни внутреннее спокойствіе, совмѣстное съ духомъ феодализма, существовавшаго у нихъ еще въ полной силѣ (1).

Но не однимъ сохраненіемъ тишины въ наслѣдственныхъ своихъ Королевствахъ обязанъ былъ Эрцгерцогъ Карлъ мудрому регентству дѣда; онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что будущія владѣнія его увеличились значительными пріобрѣтеніями. Кардиналъ Ксименесъ присоединилъ къ Кастиліи Оранъ и другія немаловажныя завоеванія на берегу Варварійскомъ; онъ (въ 1509 г.) съ храбростію, весьма необыкновенною въ его званіи, лич-

(1) Mariana, lib. 29, c. 10.

но предводительствовалъ многочисленною ратью противъ Мавровъ, и, что еще удивительнѣе — предпринялъ войну съ ними на свой счетъ (1). Въ Европѣ же Фердинандъ подъ пустыми и несправедливыми предлогами и посредствомъ самыхъ постыдныхъ хитростей и вѣроломства свергнулъ съ Наварскаго престола Іоанна Альбертскаго, законнаго Государя, и захвативъ его Королевство, распространилъ предѣлы Испаніи отъ Пиренеевъ съ одной стороны, до Португалліи съ другой (2).

Однако не желаніе усилить Эрцгерцога руководило Фердинандомъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ дѣйствіяхъ. Онъ уже почиталъ юнаго Принца болѣе соперникомъ, который нѣкогда похититъ изъ рукъ его власть надъ Кастиліею, нежели внукомъ, для пользы котораго она была ему ввѣрена. Зависть скоро обратилась въ явную ненависть. Отъ нея произошла неумѣренная радость Фердинанда, когда молодая супруга его разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который лишилъ бы Карла Арагоніи, Неаполя, Сициліи и Сардиніи, еслибъ остался живъ; отъ нея же, послѣ скорой смерти своего наслѣдника, Фердинандъ чрезвычайно хотѣлъ имѣть еще дѣтей. Эта нетерпѣливость ускорила, по всему вѣроятію, возшествіе Карла на престолъ Испанскій. Будучи старъ и помня свою невоздержность въ молодости, Фердинандъ не надѣялся, чтобы исполнилось его желаніе; онъ прибѣгнулъ къ совѣту врачей, и по ихъ предписанію принялъ одного изъ тѣхъ средствъ, которыя могутъ придать бодрость тѣлу, но чаще бываютъ для него пагубны. Это послѣднее дѣйствіе оказало лекарство и на слабую, исто-

(1) Mariana, l. 29, c. 18,

(2) Ibid. l. 30, c. 11, 12, 19, 24.

щенную природу Фердинанда; и хотя онъ пережилъ ужасное разстройство, сначала имъ произведенное, но впалъ въ томность и разслабленіе, которыя отвращали его отъ пристальныхъ занятій государственными дѣлами и пристрастили къ суетнымъ удовольствіямъ (1). Отчаясь имѣть собственнаго сына, онъ не переставалъ однако завидовать Эрцгерцогу и не могъ смотрѣть на него безъ отвращенія, какъ на своего наслѣдника. Въ удовлетвореніе этого страннаго недоброжелательства, онъ сдѣлалъ завѣщаніе (въ 1515 г.), назначавшее Принца Фердинанда, рожденнаго и воспитаннаго въ Испаніи, Регентомъ всѣхъ своихъ Королевствъ, до прибытія брата его Эрцгерцога, и Командоромъ трехъ военныхъ орденовъ. Первый санъ давалъ Фердинанду возможность оспоривать престолъ у брата, а второй — быть почти совершенно независимымъ.

Фердинандъ сохранилъ до послѣдняго вздоха то ревнивое властолюбіе, которымъ отличался во всю жизнь. Не желая разстаться съ нимъ, даже когда смерть приближалась, онъ переѣзжалъ изъ мѣста въ мѣсто, какъ бы съ намѣреніемъ уйти отъ своей болѣзни, или забыть ее, и хотя силы его съ каждымъ днемъ слабѣли, но никто изъ приближенныхъ не смѣлъ этого замѣтить ему; онъ даже запретилъ являться къ себѣ на глаза духовнику, который почелъ это молчаніе преступнымъ и противнымъ долгу христіанина. Наконецъ опасность стала такъ велика, что не возможно было долѣе таить ее. Фердинандъ принялъ увѣдомленіе объ ней съ приличною твердостію, и тронутый, можетъ быть, сознаніемъ

(1) Zurita Annales de Aragon, VI, p. 347. P. Mart. Ep. 531. Argensola Annales de Aragon, lib. I. p. 4.

несправедливости, оказанной Карлу, или убѣжденный разумными доводами Карваялы, Запары и Варгаса, самыхъ заслуженныхъ и вѣрныхъ своихъ совѣтниковъ, согласился перемѣнить двѣ статьи завѣщанія. Ему представлено было, что, поручивъ регентство младшему внуку, онъ непремѣнно доведетъ обоихъ братьевъ до войны междоусобной, а возложивъ на него командорство военныхъ орденовъ, отниметъ у короны ея лучшее украшеніе и главную силу. По новому завѣщанію Король Арагонской оставлялъ Карла единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ владѣній, а Принцу Фердинанду, вмѣсто престола, который тотъ почиталъ уже своимъ, дарилъ незначительное имѣніе, приносившее пятьдесятъ тысячъ дукатовъ годоваго дохода (1). Подписавъ духовную, Фердинандъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ, въ 23 день Января 1516 года.

Карлъ, которому смерть дѣда его доставила такое важное наслѣдство, приближался къ шестнадцати-лѣтнему возрасту. Онъ имѣлъ пребываніе въ Нидерландахъ, своихъ отцовскихъ владѣніяхъ. Маргарита Австрійская, тетка его, и Маргарита Іоркская, сестра Англійскаго Короля Эдуарда IV и вдова Карла Смѣлаго, двѣ Государыни, славныя своими добродѣтелями и дарованіями, заботились объ его дѣтствѣ. По смерти Филиппа, Фламанцы поручили управленіе Нидерландами Императору Максиміліану, Регенту болѣе по имени, нежели по власти (2). Максиміліанъ избралъ Вильгельма де Круа, владѣтеля

(1) Mar. Hist. lib. 30, c. ult. Zurita Ann. de Arag. VI, 401. P. Mart. Ep. 565, 566. Argensola Ann. de Arag. lib. I, p. 11.

(2) Pontius Heuterus Rerum Autstriacarum, lib. XV. Lov. 1649. Lib. VII, c 2, p. 155.

Шьеврскаго, для надзора за воспитаніемъ юнаго своего внука (1). Вильгельмъ обладалъ въ высокой степени способностями, нужными для этого важнаго дѣла, и весьма ревностно исполнялъ свои обязанности. Наставникомъ же Карла былъ Адріанъ Утрехтскій; его предпочли другимъ для этой должности, открывавшей путь къ высокимъ духовнымъ достоинствамъ, не по его происхожденію, — оно было весьма низко, — и не по проискамъ, — онъ ихъ не зналъ, — но по высокому

(1) Французскіе Историки, основываясь на Mém. de Bellay, p. 11, единодушно утверждаютъ, что Филиппъ поручилъ въ завѣщаніи Французскому Королю распоряжать воспитаніемъ своего сына, и что Людовикъ XII съ безпристрастіемъ, достойнымъ возложенной на него довѣренности, избралъ для этого Шьевра. Даже Президентъ Гено принялъ это мнѣніе. Abrégé Chron. A. D. 1507. Варилласъ, по обыкновенію, говоритъ, что видѣлъ и самое завѣщаніе Филиппово. Pract. de l'Education des Princes, p. 16. Но Испанскіе, Нѣмецкіе и Фламскіе Историки всѣ противорѣчатъ увѣренію Французскихъ писателей. Изъ Гевтера, современнаго и весьма достовѣрнаго Фламскаго Историка, видно, что Людовикъ XII, согласясь на бракъ Жермены Фуасской съ Фердинандомъ, почти лишился прежней довѣренности Филиппа; что неудовольствіе послѣдняго еще усилилось, когда Французскій Король выдалъ за Графа Ангулемскаго старшую дочь свою, которую прежде обѣщалъ Карлу (Heuter. Rer. Austr. lib. V. 151); что Французы не задолго до смерти Филиппа нарушили миръ съ Фламанцами; что Филиппъ требовалъ удовлетворенія, и готовъ былъ къ войнѣ. Heuter, ibid. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ видно, могъ ли Филиппъ, сдѣлавши завѣщаніе за нѣсколько дней до смерти (Heuter. p. 15), поручить воспитаніе своего сына Людовику XII. Въ подтвержденіе противнаго я приведу положительное свидѣтельство Гевтера. Филиппъ, отправляясь въ Испанію, ввѣрилъ Шьевру какъ воспитаніе сына, такъ и управленіе своихъ Нидерландскихъ владѣній. Heuter, lib. 7, p. 153. Вскорѣ по смерти Филиппа, когда не удалось покушеніе избрать Императора

мнѣнію объ его учености. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ извѣстный знатокъ въ тѣхъ суетныхъ наукахъ, которыя нѣсколько столѣтій носили имя Философіи, и издалъ въ свѣтъ принятое съ великими похвалами толкованіе на знаменитую *Книгу Нравоучительныхъ Изреченій* Петра Ломбарда, которую тогда почитали образцовою системою метафизическаго Богословія. Но сколько ни удивлялись познаніямъ Адріана въ вѣкъ непросвѣщенный, однакожъ скоро увидѣли, что мужъ, привыкшій къ уединенной ученой жизни, незнакомый съ свѣтомъ, не имѣвшій никакого понятія о вкусѣ и объ изящномъ, былъ неспособенъ пріохотить юнаго Принца къ ученію. И дѣйствительно, Карлъ съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ отвращеніе къ наукамъ и, напротивъ, сильную страсть къ тѣмъ живымъ и воинственнымъ упражненіямъ, искусствомъ въ которыхъ болѣе всего гордились знатные люди того времени. Шьевръ одобрялъ выборъ своего питомца, или желая снисхожденіемъ пріобрѣсть его довѣренность, или имѣя невысокое мнѣніе о познаніяхъ въ Словесности (1). Онъ вразумлялъ однако же Карла съ

Максимиліана въ Регенты на время малолѣтства Карла, Шьевръ продолжалъ, кажется, исправлять обязанности, порученныя ему Филиппомъ. Heuter. ibid. 153, 155. Въ началѣ 1508 года Фламанцы предложили Максимиліану регентство, которое онъ и принялъ, предоставивъ верховную власть на время своего отсутствія дочери своей Маргаритѣ вмѣстѣ съ Совѣтомъ Фламанцевъ, и назначивъ Шьевра надзирателемъ, а Адріана Утрехтскаго наставникомъ своего внука. Heuter, ibid. 155, 157. Слова Гевтера подтверждаютъ Морингъ въ Vita Adriani, apud Analecta Casp. Burmanni de Adriano, cap. 10; Барландъ въ Chronic. Brabant. ibid. p. 25, и Гарей въ Annal. Brab. vol. II. 520. и проч.

(1) Jovii Vita Adriani, p. 91. Sruvii Corpus Hist. Germ. II, 967. P. Heuter. Rer. Austr. lib VII, c. 3. p. 157.

большимъ стараніемъ въ наукѣ правленія; преподавалъ ему Исторію не только собственныхъ его Королевствъ, но и другихъ, съ которыми они находились въ сношеніяхъ; пріучалъ его съ того времени, какъ онъ въ 1515 году вступилъ въ управленіе Фландріею, заниматься дѣлами; убѣждалъ читать всѣ бумаги, касавшіяся до государственнаго блага, присутствовать на совѣщаніяхъ своихъ частныхъ совѣтниковъ и предлагать имъ вопросы о сомнительныхъ предметахъ (1). Отъ такого воспитанія Карлъ пріобрѣлъ степенность и важность не по лѣтамъ. Первые опыты ума его не показывали тѣхъ отличныхъ дарованій, которыя развились въ его зрѣломъ возрастѣ (2). Онъ не обнаруживалъ въ молодости той пылкости духа, которая предзнаменуетъ обыкновенно дѣятельное, предпріимчивое мужество. Самая послушность его Шьевру и другимъ своимъ любимцамъ не обѣщала той непреклонной, рѣшительной воли, которая въ послѣдствіи времени предписывала законы пол-Европѣ. Но подданные, ослѣпленные пріятною наружностію Карла, искусствомъ его въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и обыкновеннымъ пристрастіемъ къ юнымъ Государямъ, льстили себя надеждою, что онъ придастъ новый блескъ коронамъ, полученнымъ отъ Фердинанда.

Испанскія Королевства, какъ видно изъ моего обзора внутреннаго ихъ устройства, требовали тогда управленія твердаго и благоразумнаго. Феодализмъ, введенный въ нихъ Готами, Свевами и Вандалами, сохранялъ еще большую силу. Дворяне, могущественные и воинственные, издавна

---

(1) Mém. de Bellay, 8-vo. Par. 1573, p. 11. P. Heuter. lib. VIII, c. 1, p. 184.

(2) Martyr. Ep. 569, 655.

пользовались обширными правами, которыя онъ предоставлялъ ихъ сословію. Города числомъ и значительностію уже далеко перешли границы, назначенныя имъ этимъ естественнымъ врагомъ торговли и порядка. Жители ихъ пріобрѣли обширныя личныя права и государственное вліяніе. Верховная же власть, ограниченная преимуществами дворянства и притязаніями народа, была сжата въ тѣсныхъ предѣлахъ. При такомъ образѣ правленія, встрѣчалось множество причинъ къ раздору; узелъ общественнаго соединенія едва держался, и Испанія не только ощущала всѣ неудобства отъ недостатковъ феодальной системы, но и была еще подвержена безпорядкамъ отъ частнаго своего устройства.

Правда, что въ продолжительное царствованіе Фердинанда не случилось никакого домашняго безпокойства въ Испаніи. Имѣя превосходныя державныя способности, онъ искусно обуздывалъ своеволіе дворянъ и укрощалъ негодованіе городовъ; мудростію внутренняго правленія, благоразуміемъ внѣшнихъ мѣръ и властію надъ умами народа, онъ сохранялъ въ своихъ владѣніяхъ такую тишину, какая была даже несвойственна ихъ государственному устройству, обильному въ поводахъ къ смутамъ и безпорядкамъ. Но по смерти его вдругъ не стало преградъ для ропота и мятежей, и они готовы были вспыхнуть тѣмъ ужаснѣе, что долго удерживались.

Въ отвращеніе этихъ предвидѣнныхъ бѣдствій, Фердинандъ принялъ въ своемъ завѣщаніи самую благоразумную предосторожность, назначивъ Кардинала Ксименеса, Архіепископа Толедскаго, одного, Регентомъ Кастиліи до прибытія своего внука въ Испанію. Необыкновенный нравъ этого мужа и отличныя качества, по которымъ

онъ былъ достоинъ возложенной на него довѣренности, заслуживаютъ особеннаго описанія. Онъ происходилъ отъ благородныхъ, но не богатыхъ родителей; по семейнымъ обстоятельствамъ и собственной склонности рѣшился вступить въ духовное званіе, въ которомъ скоро получилъ весьма доходныя мѣста, открывшія ему путь къ высокимъ отличіямъ. Но вдругъ отъ всего отказался и, выдержавъ жестокой искусъ, вступилъ въ Обсервантинскомъ монастырѣ въ орденъ Св. Франциска, одинъ изъ самыхъ строгихъ у Католиковъ. Тутъ скоро онъ прославился необыкновенною суровостію жизни и набожностію, которая прилична монашескому быту. Умъ его, отъ природы проницательный и глубокій, сохранилъ всю свою силу и пріобрѣлъ ему такое уваженіе отъ ордена, что Францисканскіе монахи избрали его своимъ главою. Молва о благочестіи Ксименеса скоро доставила ему мѣсто духовника Королевы Изабеллы, принятое имъ весьма неохотно. Онъ велъ при Дворѣ такую же суровую жизнь, какою отличался и въ своей обители, продолжалъ совершать пѣшкомъ всѣ путешествія, питался однимъ подаяніемъ, умерщвлялъ плоть и каялся съ прежнею строгостію. Изабелла, довольная своимъ выборомъ, въ скоромъ времени наградила Ксименеса Толедскимъ Архіепископствомъ, которое, послѣ Папства, было богатѣйшимъ саномъ въ Римской Церкви. Онъ уклонялся отъ новой чести съ такою твердостію, что ее могло превозмочь одно только рѣшительное повелѣніе Папы. Но и это возвышеніе не измѣнило Ксименеса. Хотя обязанный являться въ свѣтъ съ пышностію, приличною своему достоинству, онъ не нарушалъ однако въ отношеніи къ самому себѣ монастырскихъ правилъ. Подъ одѣяніемъ Архіепи-

скопа, на немъ всегда была грубая Францисканская ряса, которую онъ чинилъ собственными руками; непосредственно же на тѣлѣ онъ не скидавая носилъ власяницу; спалъ въ платьѣ, и чаще на полу, или на доскахъ, нежели на постелѣ; не ѣлъ вкусныхъ яствъ, которыя бывали у него на обѣдахъ, но довольствовался простою пищею, предписанною правилами ордена (1). Не взирая на такой образъ жизни, противный обычаямъ свѣта, онъ совершенно зналъ, что въ немъ дѣлается, и какъ скоро, по своему сану и по желанію Фердинанда и Изабеллы, принялъ участіе въ правленіи, то обнаружилъ великую способность къ дѣламъ государственнымъ и столько же прославился мудростію, сколько святою жизнію. Онъ былъ смѣлъ и своеобразенъ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, которыя имѣли совершенства и недостатки его нрава. Обширный умъ внушалъ ему предпріятія великія и блистательныя. Увѣренный въ чистотѣ своихъ намѣреній, онъ стремился къ предположенной цѣли съ неутомимымъ, безтрепетнымъ мужествомъ. Привыкнувъ съ раннихъ лѣтъ умерщвлять свои страсти, онъ мало щадилъ и слабости другихъ. Наученный по своимъ правиламъ Вѣры искоренять въ себѣ самыя невинныя желанія, онъ былъ врагомъ всего, къ чему могъ примѣнить названіе роскоши и удовольствія, и хотя не жестокосердый, обнаруживалъ въ обращеніи съ другими непреклонность души и строгость нрава, особенно свойственныя Францисканскому ордену и почти непостижимыя въ тѣхъ странахъ, гдѣ его не существуетъ.

---

(1) Histoire de l'Administration du Card. Ximen. par. Mich. Baudier, 4-to, 1635, p. 13.

Таковъ былъ мужъ, которому Фердинандъ ввѣрилъ управленіе Кастиліею. Почти осмидесятилѣтній, не взирая на свою старость, онъ, не колеблясь, принялъ эту многотрудную обязанность по природному величію духа и ревности къ благу общему. Между тѣмъ Адріанъ Утрехтскій, посланный въ Испанію за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Фердинанда, представилъ полномочіе отъ Эрцгерцога на имя и власть Регента. Но Испанцы такъ ненавидѣли Правителей не соотечественниковъ и такъ хорошо знали неравенство въ способностяхъ обоихъ совмѣстниковъ, что немедленно бы отвергли Адріана, еслибы самъ Ксименесъ не согласился признать его въ качествѣ Регента и управлять съ нимъ вмѣстѣ изъ угожденія новому Государю. Однако Адріанъ пріобрѣлъ только именное достоинство, всю же власть удержалъ въ своихъ рукахъ Ксименесъ. Впрочемъ онъ обращался съ своимъ товарищемъ такъ, какъ требовало приличіе, даже почтительно (1).

Кардиналъ прежде всего обратилъ вниманіе на Дона Фердинанда, который, бывъ такъ близко отъ верховной власти, переносилъ разрушеніе своихъ надеждъ съ нетерпѣніемъ, необыкновеннымъ по его возрасту. Ксименесъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы лучше заботиться о безопасности Инфанта, перевелъ его изъ Гваделупы, мѣста его воспитанія, въ Мадритъ, гдѣ утвердилъ пребываніе Двора. Тутъ Инфантъ съ своими приближенными находился подъ личнымъ, строгимъ надзоромъ Кардинала (2).

---

(1) Gometius de Reb. Gest. Ximenii, p 150, fol. Compl. 1569.
(2) Miniana Contin. Marianae, lib. I, c. 2. Baudier Hist. de Ximenes, p. 118.

Первыя новости, полученныя изъ Нидерландовъ, весьма обезпокоили Ксименеса и убѣдили его, какъ трудно управлять дѣлами юнаго Государя, руководимаго совѣтниками, незнающими Испанскихъ законовъ и нравовъ. Едва извѣстіе о смерти Фердинанда дошло въ Бриссель, какъ уже Карлъ, слѣдуя совѣту Фламанскихъ министровъ, рѣшился принять титулъ Короля. Но по Испанскимъ законамъ верховная власть въ Кастиліи и Арагоніи принадлежала Іоаннѣ, и хотя она была неспособна къ правленію, но Кортесы обоихъ Королевствъ еще не объявляли этого торжественно, и потому Испанцы почли намѣреніе Карла не только явнымъ нарушеніемъ своихъ законовъ, но даже противуестественнымъ посягательствомъ сына на права матери и неуваженіемъ къ ея несчастію (1). Однако Фламанскій Дворъ склонилъ Папу и Императора именовать своего Государя Королемъ Кастильскимъ. Утверждали, что первый могъ дать Королевскій титулъ, какъ глава Церкви, а послѣдній, какъ глава Имперіи, и Ксименесъ получилъ повелѣніе принудить Испанцевъ къ признанію Карла въ новомъ санѣ. Кардиналъ послѣ сильныхъ представленій противъ этой мѣры, непріятной народу и принятой безъ необходимости, рѣшился употребить всю свою власть и вліяніе, чтобы привести ее въ исполненіе, и немедленно собралъ всѣхъ дворянъ, которые находились при Дворѣ. Когда требованіе Карла было имъ объявлено, и они, вмѣсто согласія, стали роптать на это безпримѣрное нарушеніе своихъ законовъ, говорить о правахъ Іоанны и о своей присягѣ ей въ вѣрноподданствѣ; то Ксименесъ вдругъ остановилъ ихъ и твердымъ, рѣшитель-

---

(1) P. Mart. Ep. 568.

нымъ голосомъ, ему свойственнымъ, сказалъ, что они созваны не разсуждать, а повиноваться; что Государь ихъ обращается къ нимъ не за совѣтомъ, а ожидаетъ отъ нихъ покорности, и прибавилъ: „сегодня же Карлъ будетъ провозглашенъ Королемъ Кастильскимъ въ Мадритѣ, а прочіе города послѣдуютъ примѣру столицы.“ Немедленно отдалъ онъ приказанія для исполненія этого новаго обряда (1), и титулъ Карла былъ признанъ всѣмъ народомъ, не взирая на тайное неудовольствіе многихъ знатныхъ особъ. Въ Арагоніи, гдѣ преимущества подданныхъ были обширнѣе, и гдѣ Архіепископъ Сарагосскій, котораго Фердинандъ назначилъ Регентомъ, много уступалъ Ксименесу въ способностяхъ и власти, не послѣдовало такого повиновенія волѣ Карла, и его не хотѣли признавать ничѣмъ болѣе, какъ Принцемъ, до его прибытія въ Испанію (2).

Хотя Ксименесъ держалъ въ своихъ рукахъ чужую власть, и, по преклонности лѣтъ, не могъ имѣть надежды пользоваться ею долгое время; однако, ставъ Регентомъ, онъ исполнился царственныхъ помысловъ, началъ распространять права самодержавія, и дѣйствовалъ такъ смѣло и неутомимо, какъ будто самъ готовился пожать всѣ выгоды отъ успѣха въ своемъ предпріятіи. Непомѣрныя преимущества Кастильскаго дворянства очень стѣсняли верховную власть. Кардиналъ почиталъ ихъ дерзкими присвоеніями и рѣшился уменьшить ихъ. Какъ ни опасно было его покушеніе, но нѣкоторыя обстоятельства обѣщали ему болѣе удачи, нежели всякому Королю Кастильскому. По строгой и благоразумной

---

(1) Gometius, p. 152 etc. Baudier, Hist. de Ximen. p. 121.
(2) P. Mart. Ep. 572.

расчетливости въ употребленіи Архіепископскихъ доходовъ[1], онъ имѣлъ въ готовности столько денегъ, сколько еще не бывало въ казнѣ государственной; народъ боготворилъ его за святость жизни, благодѣтельность и щедрость; даже самые дворяне, не ожидая отъ него никакой опасности, не обращали на его дѣйствія того ревниваго вниманія, съ которымъ бы они сторожили поступки своего Государя.

Въ слѣдъ за вступленіемъ Ксименеса въ регентство, иные изъ нихъ, воображая, что бразды правленія нѣсколько ослабнутъ, начали собирать вассаловъ и силою оружія мстить за обиды, по неволѣ снесенныя при Фердинандѣ, и поддерживать притязанія, которыя могущество его принудило ихъ оставить. Но Ксименесъ, содержавшій на жалованьѣ значительное войско, не допустилъ самоуправства, разрушилъ замыслы высокомѣрія съ неожиданною быстротою и легкостію, и хотя поступилъ съ виновниками безпорядковъ безъ всякой жестокости, однакоже принудилъ ихъ къ повиновенію, которое глубоко уязвило надмѣнныхъ Кастильскихъ грандовъ.

Но пока нападенія Кардинала ограничивались частными лицами, и каждая строгость оправдывалась необходимостію, основанною на правосудіи и умѣряемою снисхожденіемъ, до тѣхъ поръ никто почти не роптал и не жаловался. Совсѣмъ другое вышло при новомъ предпріятіи Ксименеса, которое, коснувшись существеннаго преимущества дворянъ, встревожило все ихъ сословіе. По феодальнымъ законамъ военная власть находилась въ рукахъ однихъ дворянъ, а люди низшаго званія только въ качествѣ ихъ вассаловъ призывались къ оружію и слѣдовали за ихъ знаменами. Король, при скудныхъ доходахъ и стѣсненныхъ

правахъ, зависѣлъ отъ могущественныхъ Бароновъ во всѣхъ дѣйствіяхъ. Съ ихъ силами нападалъ онъ на непріятелей, ихъ же силами защищалъ и собственное Королевство; власть его была непрочна и мѣры, имъ принимаемыя, не имѣли надлежащаго успѣха, потому что онъ начальствовалъ людьми, которые были привязаны только къ своимъ непосредственнымъ владѣтелямъ и, кромѣ ихъ, не привыкли никому повиноваться. Ксименесъ рѣшился избавить Испанскихъ Государей отъ этой зависимости. Но постоянныя наемныя войска не употреблялись въ земляхъ феодальныхъ, сверхъ того народъ воинственный и гордый не сталъ бы терпѣть ихъ, и потому Регентъ издалъ указъ, повелѣвавшій каждому городу въ Испаніи набрать извѣстное число гражданъ, чтобы учить ихъ по субботамъ и воскресеньямъ военному дѣлу; обязался доставить людей для начальства надъ ними на счетъ казны, и въ поощреніе къ службѣ обѣщалъ гражданамъ свободу отъ всѣхъ податей и налоговъ. Частые набѣги Мавровъ изъ Африки и необходимость въ готовой силѣ для ихъ отраженія, служили благовиднымъ предлогомъ къ этому нововведенію, настоящею цѣлію котораго было обезпеченіе Короля войскомъ, независимымъ отъ Бароновъ и способнымъ обуздывать власть ихъ (1). Дворянство понимало эту цѣль и видѣло дѣйствительность мѣръ, принятыхъ для ея достиженія, весьма пріятныхъ народу подъ ихъ благочестивою личиною. Сопротивляясь имъ одно, оно подверглось бы нареканію за виды своекорыстія. Надобно было возбудить самые города къ ослушанію, и дворянство научало ихъ объявить, что издан-

(1) Minianae. Continuatio Marianae, fol. Hag. 1733, p. 3.

ный указъ противенъ льготнымъ ихъ грамотамъ. Подстрекаемые этими совѣтами, Бургосъ, Вальядолидъ и еще нѣсколько городовъ взбунтовались. Нѣкоторые гранды приняли ихъ подъ свое покровительство. Сильныя жалобы принесены были Королю. Фламанскіе его совѣтники смутились. Одинъ Ксименесъ пребылъ твердъ и неустрашимъ; угрозами, увѣщаніями, силою, снисхожденіемъ, онъ успѣлъ смирить мятежи (1) и поддержать въ Испаніи свое нововведеніе, которое однако не много его пережило.

Успѣхъ въ ограниченіи непомѣрной власти дворянъ ободрилъ Ксименеса къ опыту уменьшить владѣнія ихъ, также весьма обширныя. Во время войнъ и безпорядковъ, неразлучныхъ съ феодализмомъ, дворяне, всегда внимательные къ личнымъ выгодамъ, пользуясь слабостію и несчастіями своихъ Государей, нѣкоторые Королевскіе удѣлы отнимали силою, другіе пріобрѣтали въ награду за заслуги, и такимъ образомъ постепенно захватили въ свои руки почти всѣ коронныя земли. Права на нихъ большей части грандовъ были весьма зыбки, и часто основывались на одномъ удачномъ присвоеніи, которое Государи терпѣли по безсилію. Обратиться къ первоначальному насильственному завладѣнію, почти современному феодальной системѣ, было невозможно; тогда надлежало бы каждаго дворянина лишить большей части его помѣстьевъ и тѣмъ подать поводъ къ всеобщему бунту. Такое предпріятіе было очень смѣло даже для неустрашимаго Ксименеса. Онъ ограничился царствованіемъ Фердинанда и прежде всего не сталъ выдавать пенсій, жалованныхъ этимъ Королемъ, подъ предлогомъ, что его смерть

(1) P. Martyr. Ep. 556 etc. Gometius, p. 160 etc.

прекратила право на ихъ полученіе; потомъ потребовалъ къ отчету дворянъ, которые пріобрѣли при Фердинандѣ коронныя земли, и за одинъ разъ у всѣхъ отобралъ ихъ. Эта мѣра простиралась на многихъ знатныхъ особъ, потому что Фердинандъ, хотя и умѣренный въ наградахъ, но обязанный вмѣстѣ съ Изабеллою полученіемъ престола Кастильскаго только могущественному союзу дворянъ, принужденъ былъ весьма щедро отблагодарить своихъ приверженцевъ за усердіе, а Королевскіе удѣлы служили единственнымь для этого источникомъ. Когда они были отобраны назадъ, то приращеніе государственныхъ доходовъ и собственная бережливость Ксименеса доставили ему средства не только уплатить всѣ Фердинандовы долги и отослать значительное количество денегъ во Фландрію, но еще давать жалованье начальникамъ новообразованнаго ополченія и завести въ Испаніи небывалое до того времени множество военнозапасныхъ домовъ, изобильно снабженныхъ оружіемъ и всякими ратными снарядами (1). Благоразумное и безкорыстное употребленіе доходовъ совершенно оправдывало Ксименеса передъ народомъ въ строгомъ ихъ сборѣ.

Дворяне, встревоженные притѣсненіями Регента, признали необходимымъ взять предосторожности для безопасности своего сословія. Много изобрѣтали они козней, приносили громкія жалобы, рѣшались на отчаянныя мѣры; но, не прибѣгая къ послѣдней крайности, избрали нѣкоторыхъ изъ среды себя узнать, по какому праву Кардиналъ такъ полновластно дѣйствуетъ. Это порученіе было возложено на Адмирала Кастильскаго, Гер-

(1) Flechier, Vie de Ximen. II, 600.

цога Инфантадо и Графа Беневенто, вельможъ первостепенныхъ. Ксименесъ принялъ ихъ съ холодною учтивостію, и въ отвѣтъ на ихъ требованіе представилъ Фердинандово завѣщаніе, по которому былъ назначенъ Регентомъ, и утвержденіе воли покойнаго Короля его наслѣдникомъ. Они опровергали и то и другое, а онъ старался доказать ихъ дѣйствительность, и въ жару разговора нечувствительно подвелъ грандовъ къ балкону, съ котораго видны были сильный отрядъ войска подъ ружьемъ и грозный обозъ огнестрѣльный. „Вотъ, сказалъ онъ, указывая туда и возвыся голосъ, то полномочіе, которое получилъ я отъ Его Католическаго Величества; вотъ чѣмъ я управляю Кастиліею, и буду управлять, доколѣ Король, вашъ и мой Государь, самъ не вступитъ въ права свои (1).“ Рѣчь, столь гордая и смѣлая, наложила молчаніе на посланныхъ и изумила сообщниковъ ихъ. Идти войною на человѣка, бодрствующаго въ опасности и всегда готоваго къ оборонѣ, было такимъ предпріятіемъ, внушить которое могло одно отчаяніе. Они отложили всѣ замыслы о всеобщемъ вооруженіи противъ Кардинала, и спокойствіе Кастиліи ничѣмъ не нарушалось, кромѣ отдѣльныхъ бунтовъ немногихъ дворянъ.

Впрочемъ Ксименесъ встрѣчалъ сопротивленіе своимъ предпріятіямъ не отъ одного Испанскаго дворянства; онъ находился въ непрерывной борьбѣ съ Фламанскими министрами, которые, надѣясь на благоволеніе юнаго Короля, хотѣли управлять Испаніею такъ же, какъ своимъ отечествомъ. Завидуя великимъ способностямъ и

---

(1) Flech. II, 551. Ferreras, Hist. VIII, 433.

независимости въ дѣйствіяхъ Кардинала, они почитали его болѣе соперникомъ, который могъ ограничить власть ихъ, нежели министромъ, который благоразуміемъ и твердостію возвышалъ величіе и могущество ихъ Государя. Нидерландскіе придворные принимали съ удовольствіемъ всякую жалобу на Ксименеса, происками своими полагали ненужныя преграды всѣмъ его мѣрамъ, и хотя не могли съ приличіемъ и безъ вреда самимъ себѣ лишить его регентства, но старались ослабить его власть раздѣленіемъ ея. Они скоро увидѣли, что Адріанъ Утрехтскій не имѣлъ ни духа, ни ума для сопротивленія дѣйствіямъ своего товарища; они присовѣтовали Карлу прибавить въ соправители Ксименесу Ля-Шо, Фламанскаго, а потомъ еще Амерсторфа, Голландскаго дворянина; первый отличался дарованіями, послѣдній твердостію. Кардиналъ, хотя и знавшій злое намѣреніе Фламскихъ придворныхъ, принялъ новыхъ сановниковъ со всѣми наружными знаками уваженія, приличнаго ихъ достоинству; но когда они приступили къ дѣламъ, то сталъ обращаться съ ними такъ же повелительно, какъ съ Адріаномъ, и опять удержалъ въ своихъ рукахъ всю силу власти. Испанцы, которые, можетъ быть, болѣе всякаго другаго народа не терпятъ у себя правленія иноплеменниковъ, ободряли всѣ его усилія къ сохраненію первенства надъ товарищами; самые дворяне, по народной гордости, забывъ свои неудовольствія на Кардинала, лучше хотѣли, чтобы верховною властію пользовался грозный для нихъ соотечественникъ, нежели ненавидимые ими чужеземцы.

Ксименесъ, хотя и занятый важными дѣлами внутренняго устройства и безпокоемый хитрыми кознями Фламанскихъ министровъ, долженъ былъ

выдержать двѣ внѣшнія войны. Одна происходила въ Наваррѣ, на которую напалъ злополучный Государь ея, Іоаннъ Альбертъ. Смерть Фердинанда, отсутствіе Карла, раздоры и ненависть между Испанскими дворянами, казалось, представляли ему благопріятный случай возвратить свои владѣнія. Но бдительность Кардинала разстроила его обдуманное предпріятіе. Предвидя опасность, которой могла подвергнуться Наварра, онъ отрядилъ туда значительное войско, какъ только вступилъ въ управленіе. Пока Іоаннъ съ одною частію своей силы осаждалъ Сен-Жан-Пье-ан-Поръ, Виллальва, воинъ весьма опытный и храбрый, напалъ врасплохъ на другую и истребилъ ее. Король поспѣшно отступилъ, и война кончилась (1). Но такъ какъ въ Наваррѣ было тогда множество худо укрѣпленныхъ и слабо оберегаемыхъ городовъ и замковъ, которые не могли сопротивляться непріятелю, а только служили ему безопаснымъ убѣжищемъ; то Ксименесъ, всегда смѣлый и рѣшительный, велѣлъ всѣ ихъ срыть, кромѣ Пампелуны, потому что намѣревался сдѣлать ее сильною крѣпостью. Этой необычайной предосторожности Испанцы обязаны сохраненіемъ Наварры. Французы въ послѣдствіи времени часто завоевывали ее; но въ сосѣднихъ областяхъ легко собирали войска для ихъ отраженія, и непріятель, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ войны наступательной, и не имѣя крѣпкихъ мѣстъ, въ которыхъ могъ бы держаться, по необходимости оставлялъ Наварру съ такою же быстротою, съ какою покорялъ ее.

Совсѣмъ не такъ успѣшна была война Ксименеса въ Африкѣ съ знаменитымъ проходимцемъ,

---

(1) P. Mart. Ep. 570.

Горукомъ Рыжебородымъ, который изъ морскаго разбойника сталъ Тунисскимъ и Алжирскимъ Деемъ посредствомъ отличныхъ своихъ способностей и храбрости. Неблагоразуміе Испанскаго полководца и опрометчивость войскъ его доставили Горуку легкую побѣду. Многіе погибли въ сраженіи, многіе въ бѣгствѣ, а остальные возвратились въ Испанію, покрытые безславіемъ. Великодушіе, съ которымъ Кардиналъ перенесъ эту неудачу, единственную во все его управленіе, придало новый блескъ его качествамъ (1). Никто не ожидалъ, чтобы человѣкъ, извѣстный пылкостію и нетерпѣніемъ въ своихъ предпріятіяхъ, сохранилъ спокойствіе духа въ несчастіи.

Оно было скоро забыто, между тѣмъ какъ дѣйствія Фламанскаго Двора давали поводъ къ непрестаннымъ неудовольствіямъ не только Кардиналу, но и цѣлой Испаніи. Всѣ великія качества Шіевра, перваго Министра и любимца Карлова, помрачались низкою, гнусною алчностію къ деньгамъ. Вступленіе Государя его на престолъ Испанскій, открыло новый, обильный источникъ для удовлетворенія этой страсти. Пребываніе Карла во Фландріи привлекло туда цѣлое племя искателей чиновъ и милостей. Они вскорѣ замѣтили, что, безъ покровительства Шіевра, тщетно имъ надѣяться отличій, и нашли настоящее средство для успѣха въ своихъ домогательствахъ. Деньги въ несмѣтномъ множествѣ вывозились изъ Испаніи. Все было продажно и предлагалось тому, кто больше дастъ. По примѣру Шіевра и второстепенные Фламанскіе вельможи пустились въ эту торговлю, которая, не взирая на свою

---

(1) Gometius, lib. VI, p. 179.

безчестность, пришла въ обыкновеніе и производилась открыто (1). Испанцы воспламенялись яростью, видя, что должности, важныя для блага ихъ отечества, продавались иностранцами безъ всякаго вниманія къ его славѣ и счастію. Ксименесъ, безкорыстный во все свое управленіе, чуждый сребролюбія по природному величію души своей, возставалъ противъ алчности Фламанцевъ съ свойственною ему смѣлостію. Онъ представилъ Королю въ сильныхъ выраженіяхъ ропотъ и негодованіе, которые они возбуждали своими поступками въ народѣ свободномъ и гордомъ, и просилъ его, не теряя времени, отправиться въ Испанію, чтобы своимъ присутствіемъ разсѣять тучи, собиравшіяся надъ нею (2).

Карлъ совершенно чувствовалъ, что онъ весьма долго отлагалъ вступленіе въ права свои надъ Испаніею. Однако могущественныя препятствія удерживали его въ Нидерландахъ. Война, воспламененная Камбрейскимъ союзомъ, еще продолжалась, хотя измѣнилось положеніе всѣхъ, принимавшихъ въ ней участіе. Франція была уже въ союзѣ съ Венеціею, погибель которой она замышляла; а Фердинандъ за нѣсколько лѣтъ до смерти и Максимиліанъ уже дѣйствовали противъ Франціи, прежней своей союзницы, войску которой были обязаны начальными своими успѣхами. Фердинандъ, завѣщавъ внуку свои Королевства, передалъ ему съ ними и эту войну. Ожидали, что Максимиліанъ, всегда охотный до новыхъ предпріятій, убѣдитъ юнаго Государя дѣятельно за нее приняться; но Фламанцы, давно

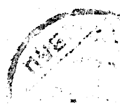
(1) Miniana, Contin. l. I, c. 2.
(2) P. Mart. Ep. 576.

производившіе обширную торговлю, которая во время Камбрейскаго союза еще болѣе распространилась отъ упадка Венеціанской, боялись разрыва съ Франціею; самъ Шіеврь, умѣвшій различать истинныя пользы своего отечества и на этотъ разъ не ослѣпленный корыстолюбіемъ, горячо вступился за сохраненіе мира съ Франціею. Францискъ I, лишенный союзниковъ и готовый упрочить договоромъ послѣднія свои завоеванія въ Италіи, съ радостію принялъ первыя дружественныя предложенія. Шіеврь самъ велъ переговоры отъ имени Карла. Францискъ же прислалъ для этого Гуфье. Каждый изъ уполномоченныхъ былъ прежде воспитателемъ своего Короля. Оба держались миролюбныхъ правилъ и равно чувствовали, что союзъ Государей ихъ будетъ счастливѣйшимъ событіемъ для ихъ владѣній. Между такими людьми переговоры не тянулись. Спустя нѣсколько дней по открытіи совѣщаній въ Нойонѣ (13 Авг. 1516 г.), они заключили наступательный и оборонительный договоръ между Францискомъ и Карломъ, главными статьями котораго было постановлено, что первый отдастъ за втораго старшую дочь свою, Принцессу Луизу, дитя еще однолѣтнее, а въ приданое за нею уступитъ всѣ свои притязанія на Неаполитанское Королевство; что Карлъ, уже владѣвшій имъ, ежегодно станетъ платить Французскому Королю по сту тысячь кронъ до совершенія брака и ежегодно же половину этого количества до тѣхъ поръ, пока у Луизы не будетъ дѣтей; что наслѣдники Наваррскаго Короля, по прибытіи Карла въ Испанію, могутъ представить ему на разсмотрѣніе права свои на отцовское Королевство; если же онъ откажетъ имъ въ удовлетвореніи, то Францискъ воленъ помо-

гать имъ всѣми силами (1). Этотъ договоръ не только соединилъ Карла и Франциска, но даже принудилъ Максимиліана, который былъ не въ состояніи воевать одинъ съ Французами и Венеціанами, заключить миръ съ ними, положившій конецъ кровопролитной и продолжительной войнѣ, произведенной Камбрейскимъ союзомъ. Европа насладилась нѣсколько лѣтъ всеобщимъ спокойствіемъ и была обязана этимъ благомъ двумъ Государямъ, соперничество и гордость которыхъ не переставали возмущать ее въ остальное время ихъ царствованія.

По Нойонскому договору Карлъ получилъ для себя безопасный проѣздъ черезъ Французское Королевство въ Испанію. Впрочемъ Фламанскимъ сановникамъ не нравилось его намѣреніе посѣтить ее. Пока онъ оставался во Фландріи, въ ней издерживались и доходы Испанской казны; они пользовались безъ всякаго совмѣстничества его щедростію; отечество ихъ было мѣстопребываніемъ Правительства; отъ нихъ зависѣли всѣ милости. Первый шагъ Карла въ Испанію подвергалъ Фламанскихъ вельможъ опасности потерять всѣ этѣ выгоды. Испанцы естественнымъ образомъ сами начали бы управлять своими дѣлами; Нидерланды уже почитались бы только областію ихъ могущественной Монархіи, а они, прежде надѣлявшіе другихъ милостями Короля, были бы должны получать ихъ изъ рукъ иностранцевъ. Но болѣе всего Шіевръ не хотѣлъ допустить Карла до свиданія съ Ксименесомъ. Мудрость, безкорыстіе и величіе души Кардинала давали ему чудесную власть надъ умами людей; слѣдовательно, было очень вѣроятно, что посредствомъ

(1) Léonard Recueil des Traités, t. II, 69.

этихъ высокихъ качествъ въ соединеніи съ своимъ преклоннымъ возрастомъ и духовнымъ саномъ онъ внушилъ бы къ себѣ почтеніе юному Государю, который, удивляясь его добродѣтелямъ, и самъ расположенный къ благороднымъ и великодушнымъ чувствованіямъ, уменьшилъ бы свою благосклонность къ Фламанскимъ своимъ любимцамъ. Но если бы Карлъ и позволилъ имъ удержать все ихъ вліяніе на дѣла государственныя, то легко было предвидѣть, что Кардиналъ сталъ бы громко жаловаться на это оскорбленіе Испанскаго народа и защищать права своего отечества такъ же сильно и успѣшно, какъ права самодержавія. Этѣ причины побудили Фламанскихъ совѣтниковъ замедлять отъѣздъ Карла, и онъ, ничего не подозрѣвая, по своей неопытности и любви къ родинѣ, позволялъ удерживать себя безъ нужды въ Нидерландахъ цѣлый годъ отъ заключенія Нойонскаго договора.

1517 г. — Наконецъ усильныя убѣжденія Ксименеса, совѣты Максимиліана и нетерпѣливый ропотъ Испанцевъ подѣйствовали на него, и онъ отправился въ Испанію. Кромѣ Шіевра, перваго министра, за нимъ послѣдовала многочисленная, блестящая свита Фламанскихъ дворянъ изъ любопытства видѣть его величіе и въ надеждѣ удостоиться милостей. Послѣ опаснаго плаванія, Карлъ (13 Сент.) присталъ къ виллѣ Вичіозѣ въ Астуріи, и былъ принятъ съ тѣми громкими изъявленіями радости, которыми встрѣчаютъ новаго Государя, пламенно ожидаемаго. Испанскіе дворяне стремились къ нему изъ всѣхъ областей Королевства и своею пышностію затмевали Фламанцевъ (1).

(1) P. Mart. Ep. 599, 601.

Ксименесъ, почитавшій присутствіе Короля величайшимъ благомъ для Испаніи, такъ поспѣшно ѣхалъ къ берегу встрѣтить Фердинандова преемника, какъ только позволяла ему слабость здоровья. Не взирая на регентство и глубокую старость, онъ нимало не уменьшилъ строгаго и частаго умерщвленія плоти, которое, вмѣстѣ съ пристальнымъ занятіемъ дѣлами, могло бы истощить и самаго крѣпкаго юношу. Каждый день онъ посвящалъ нѣсколько часовъ благочестію, служилъ обѣдню, удѣлялъ часть времени наукамъ, постоянно присутствовалъ въ Совѣтѣ, принималъ и читалъ всѣ поступавшія бумаги, диктовалъ письма и повелѣнія, завѣдывалъ всѣми дѣлами гражданскими, духовными и военными. Ни одна минута его жизни не проходила безъ пользы. Единственное развлеченіе, которое онъ позволялъ себѣ вмѣсто отдыха отъ трудовъ, состояло въ сужденіяхъ съ избранными монахами и богословами о какомъ нибудь темномъ предметѣ изъ схоластическаго Богословія. При такомъ изнурительномъ родѣ жизни, недуги старости ежедневно усиливались въ Кардиналѣ. Дорогою, въ Босъ-Эквилосѣ, случились съ нимъ сильные, необыкновенные припадки, которые спутники его относили къ отравѣ ядомъ (1), но не могли рѣшить: приписать ли это преступленіе ненависти Испанскихъ дворянъ, или злобѣ Фламанскихъ придворныхъ. Принужденный остановиться, Ксименесъ писалъ къ Карлу, смѣло совѣтуя ему для сохраненія любви народной отпустить весь чужеземный спроводъ, сила и многочисленность котораго оскорбляли Испанцевъ. Въ то же время онъ весьма желалъ увидѣть Короля, чтобы увѣдомить его о положеніи Ис-

---

(1) Miniana, Contin. lib. I, c. 3.

паніи и духѣ ея жителей. Однако не только Фламанцы, но и гранды Испанскіе, всѣми силами препятствовали этому свиданію, и искусно отдаляли Карла отъ Аранды, гдѣ Кардиналъ остановился. По ихъ навѣтамъ отвергались всѣ его предложенія. Враги старались дать ему почувствовать, что власть его миновалась; хотѣли показать цѣлому народу паденіе его кумира, и даже въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ какъ можно болѣе досаждать Ксименесу. Онъ не перенесъ этого обращенія съ свойственною ему твердостію духа. Зная чистоту своихъ намѣреній и заслуги свои, онъ ожидалъ болѣе признательности отъ Государя, которому передалъ Испанію въ цвѣтущемъ состояніи, въ ней еще небываломъ, съ такою обширною и прочною властію надъ нею, какой не имѣлъ ни одинъ изъ знаменитѣйшихъ его предковъ. Оскорбленный неблагодарностію, во многихъ случаяхъ онъ не могъ удержаться отъ жалобъ и обуздать порывовъ своего негодованія; онъ сокрушался о судьбѣ отечества и предрекалъ всѣ бѣдствія, которыя оно претерпитъ отъ дерзости, жадности и невѣжества пришельцевъ. Въ этомъ волненіи духа, получилъ онъ отъ Короля письмо, которымъ, при холодныхъ, обыкновенныхъ изъявленіяхъ благосклонности, увольнялся въ свою Епархію, что бы послѣ многотрудной жизни окончить дни свои въ мирѣ. Этотъ ударъ былъ гибеленъ для Ксименеса. Или гордая душа его не могла пережить немилости, или благородное сердце не перенесло мысли о бѣдствіяхъ, готовыхъ пасть на отечество. Какъ бы то ни было, прочтя письмо, онъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ (8 Ноябр.) (1).

(1) Marsolier, Vie de Ximenes, p. 447. Gometius. lib. VII, p. 206 etc. Baudier, Hist. de Xim. II, p. 208.

Разнообразіе, величіе и успѣхъ предпріятій, которыми ознаменовано двадцатимѣсячное регентство Ксименеса, приводятъ въ недоумѣніе — что болѣе заслуживаетъ хвалу: дальновидность ли его соображеній, благоразуміе ли его мѣръ, или смѣлость его дѣйствій. Онъ еще доселѣ славенъ въ Испаніи не только мудростію своею, но и святостію жизни; онъ есть единственный изъ государственныхъ мужей, упоминаемыхъ въ Исторіи, котораго современники чтили какъ святаго (1), и которому народъ приписывалъ даръ чудотворенія.

1518 г. — Вскорѣ по смерти Ксименеса, Карлъ имѣлъ торжественный, пышный въѣздъ въ Вальядолидъ, куда созвалъ Кортесъ Кастильскій, еще не признавшій его Королемъ, хотя онъ уже употреблялъ этотъ титулъ во всѣхъ случаяхъ. Испанцы полагали, что одна Іоанна имѣетъ право на престолъ, и не находили въ своей Исторіи примѣра, что бы сынъ пользовался Королевскимъ саномъ при жизни родителей; и Кортесъ, слѣпо держась древнихъ обычаевъ, обнаруживалъ ту нетерпимость къ нововведеніямъ, которая всегда замѣчается въ народныхъ собраніяхъ. Однако же присутствіе Государя, ловкость, пронырство и угрозы его министровъ склонили наконецъ Кастильскіе Чины провозгласить его Королемъ, соправителемъ матери, съ тѣмъ, чтобы имя ея ставилось прежде сыновняго во всѣхъ государственныхъ бумагахъ, и чтобы вся самодержавная власть перешла къ ней въ руки, если она возвратитъ употребленіе разсудка. Въ то же время Кортесъ обязался въ три года выплатить Карлу такое количество денегъ, какого не по-

---

(1) Flechier, Vie de Xim. II, p. 746.

лучалъ еще ни одинъ изъ прежнихъ Королей Испанскихъ: шесть сотъ тысячь дукатовъ (1).

Не взирая на эту покорность Кортеса, въ Королевствѣ начали открываться самые сильные признаки неудовольствія на управленіе юнаго Государя. Шіевръ пріобрѣлъ надъ нимъ власть уже не попечителя, а отца. Казалось, Карлъ не имѣлъ своихъ мыслей, жилъ только умомъ своего министра, говорилъ только то, что̂ Шіевръ внушалъ ему. Фламанцы всегда окружали Карла; никто не могъ видѣть его безъ ихъ позволенія; еслижъ они кого и допускали къ нему, то въ своемъ присутствіи. Говоря весьма плохо по Испански, онъ всегда дѣлалъ отвѣты самые короткіе, и часто запинаясь. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ многіе Испанцы стали думать, что онъ Государь ума тупаго и недальняго; иные изъ нихъ находили въ немъ большое сходство съ матерью, даже заключали, что онъ никогда много не превзойдетъ ее и въ способности къ правленію; тѣ же, которые имѣли случай судить объ немъ справедливѣе, хотя и говорили, что, не взирая на его кажущуюся неблагонадежность, онъ съ обширными познаніями, съ умомъ проницательнымъ (2), но единодушно съ другими порицали пристрастіе его къ Фламанцамъ и привязанность къ любимцамъ своимъ. Къ несчастію Карла, эти любимцы не стоили его довѣренности. Они, кажется, заботились только о своемъ обогащеніи, и, не безъ причины опасаясь, что здравомысліе Государя, или негодованіе Испан-

---

(1) Miniana, Contin. lib. I, c. 3. P. Martyr. Ep. 608. Sandov. p. 12.

(2) Sandoval, p. 31. P. Mart. Ep. 655.

цевъ скоро ослабятъ ихъ силу, спѣшили пользоваться благопріятными обстоятельствами; жадность ихъ становилась тѣмъ хищнѣе, чѣмъ менѣе надѣялись они властвовать. Фламанцы или сами занимали всѣ высокія должности государственныя и духовныя, или явно продавали ихъ. Шіевръ, жена его и Соважъ, котораго Карлъ, по неблагоразумію, сдѣлалъ Кастильскимъ Канцлеромъ на мѣсто Ксименеса, старались превзойти другъ друга въ утонченностяхъ грабительства и лихоимства. Не только Испанскіе Историки, которые, можетъ быть, по ненависти все преувеличивали; но Петръ Мартиръ Англерія, Итальянецъ, жившій въ то время при Дворѣ Испанскомъ и не имѣвшій никакой надобности обманывать людей, къ которымъ писалъ письма, почти невѣроятнымъ образомъ изображаетъ ненасытную и безстыдную алчность Фламанцевъ. По его вычисленію, которое онъ называетъ самымъ умѣреннымъ, они переслали въ Нидерланды въ десять мѣсяцевъ не менѣе милліона ста тысячъ дукатовъ. Но избраніе Вильгельма де Круа, Шіеврова племянника, еще несовершеннолѣтняго юноши, въ Архіепископы Толедскіе, раздражило Испанцевъ гораздо болѣе, нежели всѣ поборы. Поставить иностранца главою Испанской Церкви, дать ему богатѣйшее мѣсто въ Королевствѣ, значило, по ихъ мнѣнію, уже не оскорблять народъ, а ругаться надъ нимъ. Духовные и міряне, одни по личнымъ видамъ, другіе по негодованію, вопіяли противъ этого поступка (1).

Карлъ, оставя Кастилію въ такомъ ропотѣ на свое управленіе, отправился въ Сарагоссу,

(1) Sandoval, 28—31. P. Mart. Ep. 608, 611, 613, 614, 622, 623, 639. Miniana, Contin. lib. I, c. 3, p. 8.

столицу Арагоніи, для присутствованія въ Кортесномъ собраніи. Ѣдучи туда, онъ простился съ братомъ своимъ Фердинандомъ, котораго послалъ въ Германію подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы навѣстить Максиміліана въ старости. Этою благоразумною предосторожностію Карлъ удержалъ въ своихъ рукахъ Испанію. Если бы братъ его не уѣхалъ, то во время сильныхъ мятежей, которые начались въ ней вскорѣ послѣ его отбытія, Испанцы непремѣнно предложили бы ему корону, какъ своему любимцу, а онъ не имѣлъ недостатка ни въ честолюбіи, ни въ совѣтникахъ, чтобы принять ее (1).

Арагонцы еще не признавали Карла своимъ Королемъ, а Кортесы ихъ собрались не отъ его имени, а по власти Верховнаго Судьи, которому принадлежало преимущество сзывать ихъ въ междуцарствіе (2). Сопротивленіе, встрѣченное здѣсь Карломъ, было гораздо сильнѣе и упорнѣе побѣжденнаго имъ въ Кастиліи; однако же онъ убѣдилъ наконецъ Чины дать себѣ титулъ Короля, соправителя матери, и въ то же время обязался тою клятвою, которую Арагонцы брали съ своихъ Государей, не нарушать ихъ льготъ и преимуществъ. При требованіи денежнаго пособія, Чины были еще несговорчивѣе; протекло много мѣсяцевъ прежде, нежели они согласились пожертвовать Карлу двѣсти тысячъ дукатовъ, но и эту сумму они такъ строго употребили на уплату казенныхъ долговъ, давно уже забытыхъ, что Королю осталось отъ нея очень немного. Кастильскія дѣла научили Арагонскій Кортесъ

(1) P. Mart. Ep. 619. Ferreras, VIII, 460.
(2) P. Mart. Ep. 605.

осторожности; онъ лучше хотѣлъ удовлетворить иски своихъ согражданъ, какъ бы ни были они давни, чѣмъ доставить иноплеменникамъ средства къ обогащенію на счетъ своего отечества (1).

Во время засѣданій Кортеса прибыли въ Сарагоссу послы отъ Франциска и юный Король Наваррскій, чтобы требовать возвращенія Наварры въ силу Нойонскаго договора. Но ни Карлъ, ни Кастильскіе дворяне, съ которыми онъ совѣтывался, не обнаружили охоты уступить это пріобрѣтеніе. Съѣздъ, бывшій вскорѣ потомъ въ Монпелье для дружелюбнаго окончанія этого дѣла, не имѣлъ никакого успѣха. Французы представляли несправедливость насильственнаго владѣнія, а Испанцы смотрѣли только на его важность.

1519 г. — Изъ Арагоніи Карлъ отправился въ Каталонію, гдѣ потерялъ столько же времемени, встрѣтилъ еще болѣе сопротивленія своей волѣ и получилъ еще менѣе денегъ. Въ каждой Испанской области такъ возненавидѣли Фламанцевъ за ихъ грабительство, что желаніе досадить имъ и обмануть ихъ алчные расчеты, усиливало несогласіе, обыкновенно царствующее въ народныхъ собраніяхъ.

Кастильцы, терпѣвшіе болѣе притѣсненій отъ Фламанцевъ, рѣшились оставить робкую покорность, которая была для нихъ пагубною и возбудила къ нимъ презрѣніе въ прочихъ Испанцахъ. Сеговія, Толедо, Севилла и другіе важные города заключили между собою союзъ для защиты своихъ правъ и преимуществъ, и, не взирая на молчаніе дворянства, не показавшаго при этомъ слу-

(1) P. Mart. Ep. 605, 633, 640.

чаѣ ни заботы о благѣ общемъ, ни рѣшимости, приличной его сословію, подали Королю просьбы, въ которыхъ, подробно описавъ состояніе Кастиліи и дурное управленіе его любимцевъ, болѣе всего жаловались на предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ, на вывозъ ходячихъ денегъ, на умноженіе налоговъ, и съ смѣлостію требовали, что бы всѣ исчисленныя ими злоупотребленія были прекращены. Карлъ весьма презрительно принялъ эти жалобы, представленныя ему сперва въ Сарагоссѣ, а потомъ въ Барцелонѣ, и такимъ неблагоразуміемъ подалъ поводъ къ знаменитому союзу общинъ Кастильскихъ, который не долго спустя ужасно взволновалъ Королевство, поколебалъ престолъ и почти низпровергъ государственное учрежденіе (1).

Вскорѣ по пріѣздѣ Карла въ Барцелону получилъ онъ вѣсть о событіи, занявшемъ его гораздо болѣе, нежели ропотъ Кастильцевъ и упорство Каталонскаго Кортеса. То была смерть Императора Максиміліана (12 Янв.), обстоятельство само по себѣ не важное, потому что умеръ Государь, не славный ни добродѣтелями, ни могуществомъ, ни способностями, но по своимъ слѣдствіямъ достопамятное болѣе всѣхъ другихъ происшествій въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Оно нарушило тотъ глубокій и всеобщій миръ, который царствовалъ въ земляхъ Христіанскихъ; оно возбудило соперничество въ двухъ Государяхъ, которое привело всю Европу въ волненіе и воспламенило войны, какихъ прежде не было въ новѣйшія времена по продолжительности и числу участниковъ.

---

(1) P. Mart. Ep. 630. Ferreras, VIII, 464.

Перевороты, произведенные походомъ Французскаго Короля Карла VIII въ Италію, внушили Европейскимъ Государямъ новыя понятія о важности Императорскаго достоинства. Съ нимъ соединено было такъ много притязаній и правъ на разныя владѣнія въ Италіи, что Императоръ, могущественный и съ высокимъ державнымъ умомъ, могъ распространить свое владычество надъ большею частію этой страны. Даже Максимиліанъ, не имѣвшій твердости и постоянства въ характерѣ, пользовался своимъ вліяніемъ на нее и получалъ выгоды отъ каждой войны, отъ каждаго мира въ Италіи. Эти соображенія, самая важность сана, который всѣ вообще признали первымъ изъ державныхъ въ Европѣ, и соединенныя съ нимъ права значительныя, болѣе нежели когда-нибудь возбуждали въ Государяхъ честолюбивое желаніе получить Императорскую корону.

Не задолго до смерти, Максимиліанъ сталъ дѣятельно заботиться о сохраненіи своего достоинства въ Австрійскомъ Домѣ и о доставленіи по себѣ преемничества Королю Испанскому; но не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, потому что не былъ коронованъ Папою — обстоятельство важное, хотя Историки не обратили на него вниманія. Максимиліанъ, безъ этого коронованія, почитался Императоромъ *избирательнымъ;* Италійскіе и Германскіе владѣтели называли его въ письменныхъ сношеніяхъ только Королемъ Римскимъ, а Исторія не представляла ни одного примѣра, чтобы Римскому Королю избирали преемника, и потому Нѣмцы, строгіе въ соблюденіи своихъ обычаевъ, не хотѣли дать Карлу досто-

инства, для котораго не было имени въ ихъ государственномъ учрежденіи (1).

Смерть Максимиліана устранила это затрудненіе, и Карлъ началъ открыто стараться о полученіи короны Императорской. Въ то же время Францискъ I, могущественный соперникъ, вступилъ съ нимъ въ состязаніе; и вся Европа устремила внимательные взоры на это совмѣстничество, знаменитое и по высокому сану противниковъ, и по важности достоинства, которое они другъ у друга оспоривали. Каждый изъ нихъ ревностно поддерживалъ свои притязанія; каждый по особеннымъ причинамъ ожидалъ успѣха. Карлъ думалъ, что Императорскій санъ, въ теченіе многихъ лѣтъ непрерывно переходившій отъ одного Государя изъ Австрійскаго Дома къ другому, принадлежалъ ему по праву; онъ зналъ, что между Германскими Князьями не встрѣтитъ себѣ совмѣстника, равнаго могуществомъ; онъ думалъ, что въ Германіи не имѣютъ никакого повода дать иноземному Государю достоинство, издревле почитаемое исключительною принадлежностію природныхъ ея Князей, и всего менѣе ожидалъ, чтобы получилъ его Францискъ I, владѣвшій народомъ, который по духу, законамъ и нравамъ совершенно отличался отъ Германцевъ, и едва ли былъ способенъ къ искреннему соединенію съ ними; онъ немало полагался на дѣйствіе Максимиліановыхъ стараній, хотя безплодныхъ, но приготовившихъ умы Германцевъ къ возвышенію его на престолъ Императорскій; главную же надежду основывалъ онъ на счастливомъ положеніи наслѣд-

(1) Guicciardini, lib. XIII, p. 15. Hist. Géner. d'Allemagne, par P. Barre, tom. VIII, part. I, p. 1087. P. Heuter. Rer. Austr. lib. VII. c. 17, 179; lib. VIII, c. 2, p. 183.

ственныхъ земель своихъ въ Германіи, которыя служили естественною оградою Имперіи отъ нападенія Турковъ. Завоеванія, способности и честолюбіе Султана Селима II распространили въ то время по Европѣ всеобщее и основательное безпокойство. Неоднократно поражая Мамелюковъ, и наконецъ истребивъ это храброе племя людей, онъ присоединилъ Египетъ и Сирію къ своей Имперіи, водворилъ въ ней внутреннюю тишину, и готовился обратить противъ Христіанъ всю силу своего оружія, дотолѣ непобѣдимаго. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ остановить быстрые успѣхи Турковъ казалось избраніе Императора, который владѣлъ обширными землями въ томъ краю, куда Селимъ долженъ былъ прежде устремиться, и который могъ отражать этого грознаго непріятеля всѣми силами могущественной Монархіи и всѣмъ богатствомъ новосвѣтныхъ рудниковъ и Нидерландской торговли. Таковы были доводы, которыми Карлъ торжественно поддерживалъ свои требованія, и людямъ безпристрастнымъ и разсудительнымъ они казались не только благовидными, но даже убѣдительными. Однако на нихъ единственно онъ не полагался въ успѣхѣ своего дѣла, но подкрѣплялъ ихъ деньгами, употреблялъ всѣ тонкости искусства въ переговорахъ, и тайнымъ образомъ нанялъ значительное войско у Чиновъ Швабскаго округа. Корыстолюбивые были подкуплены подарками; возраженія болѣе совѣстливыхъ опровергнуты, или замяты, а нѣкоторые слабые Князья устрашены угрозами (1).

---

(1) Guicc. lib. XIII, 159. Sleiden Hist. of the Reformat. 14. Struvii Corp. German. Hist. II, 971. Not. 20.

Францискъ съ равною дѣятельностію поддерживалъ свое притязаніе и былъ не менѣе Карла увѣренъ въ его основательности. Послы Франциска говорили, что Императорская корона избирательная, а не наслѣдственная; что уже пора убѣдить въ этомъ Государей Австрійскаго Дома; что и другіе въ правѣ искать достоинства, которое послѣдніе, по высокомѣрію, почитаютъ какъ бы своею собственностію; что нуженъ Государь съ зрѣлымъ умомъ и испытанными способностями, для управленія страною, гдѣ стали проповѣдывать новыя мнѣнія о Вѣрѣ, которыя привели умы въ необычайное волненіе, грозившее пагубными слѣдствіями; что Государь юный, неопытный, не показавшій никакихъ примѣровъ своего умѣнья повелѣвать, не годился въ сосѣды Селиму, постарѣвшему въ войнѣ и побѣдахъ; что Францискъ, который еще въ ранней молодости восторжествовалъ надъ храбростію и искусствомъ Швейцарцевъ, дотолѣ непобѣдимыхъ, былъ бы противникомъ, достойнымъ завоевателя Востока; что Французская конница, пылкая и стремительная, вмѣстѣ съ Нѣмецкою пѣхотою, опытною и твердою, составятъ непреодолимое войско, которое, не дожидаясь приближенія силъ Оттоманскихъ, внесетъ огнь и мечь въ сердце ихъ владѣній; что Карлъ, какъ Неаполитанскій Король, не долженъ быть Императоромъ по кореннымъ законамъ Германіи; что избранный въ Императоры, онъ воспользуется притязаніями на Миланское Герцожство, соединенными съ этимъ достоинствомъ, и воспламенитъ въ Италіи войну, слѣдствія которой непремѣнно распространятся на Имперію и могутъ выдти для нея пагубны (1).

(1) Guicc. lib. XIII. 160. Sleid. p. 16. Geor. Sabini de Elect. Car. V. Historia apud Scardi Script. Rer. German. vol. II, p. 4.

Желая придать болѣе вѣса своимъ представленіямъ и уничтожить предубѣжденіе противъ себя, какъ Государя иностраннаго, незнавшаго ни языка, ни нравовъ Германіи, Францискъ старался снискать благосклонность Князей ея богатыми подарками и безчисленными обѣщаніями. Скорая пересылка денегъ и скромное доставленіе подкуповъ посредствомъ векселей были тогда еще мало извѣстны, и потому Французскіе послы путешествовали, имѣя съ собою лошадей, навьюченныхъ серебромъ и золотомъ — караванъ, не приносившій чести пославшему и унижавшій тѣхъ, къ которымъ онъ былъ отправленъ (1).

Совмѣстничество Карла и Франциска было весьма важно для прочихъ Европейскихъ Государей и владѣній. Общая польза требовала, чтобы они соединились всѣ вмѣстѣ, разрушили предпріятія обоихъ соперниковъ, не дали ни одному изъ нихъ получить превосходства въ могуществѣ и достоинствѣ, опаснаго для свободы всей Европы. Но понятія о надлежащемъ распредѣленіи и равновѣсіи могущества недавно вошли въ систему Политики; тогда же не обращали на нихъ должнаго вниманія. Страсти, недостатокъ прозорливости, страхъ оскорбить соискателей, препятствовали благотворному союзу Государей и владѣній, наблюдавшихъ за ходомъ совмѣстничества. Одни совершенно не радѣли о благѣ общемъ, другіе удерживались отъ ревностнаго объ немъ попеченія.

Швейцарскіе Кантоны хотя и страшились возвышенія того и другаго изъ Монарховъ-соперниковъ, хотя желали видѣть на Император-

---

(1) Mémoires de Marech. de Fleuranges, p. 296.

скомъ престолѣ Государя, котораго и владѣнія были бы менѣе обширны и могущество ограниченнѣе; однако, изъ ненависти къ Французамъ, отдали явное преимущество притязаніямъ Карла, и старались всѣми силами опровергнуть Францисковы (1).

Венеціяне ясно понимали, что неуспѣхъ обоихъ совмѣстниковъ всего лучше для блага ихъ Республики; но, опасаясь Австрійскаго Дома, честолюбіе и сосѣдство котораго было гибельно ихъ величію*, они не могли дѣйствовать по собственнымъ своимъ мыслямъ, а поспѣшно одобрили представленія Французскаго Короля.

Генрихъ VIII имѣлъ также свою пользу и болѣе возможности препятствовать, чтобы ни Францискъ, ни Карлъ не пріобрѣли достоинства, которое поставило бы ихъ высоко надъ прочими Монархами. Но хотя онъ часто хвалился, что держалъ въ своихъ рукахъ вѣсы могущества Государствъ Европейскихъ, однако не былъ ни такъ внимателенъ, ни такъ остороженъ и безпристрастенъ, какъ требовала это трудное положеніе. Тщеславіе его сильно страдало. Завидуя блеску, которымъ знаменитое совмѣстничество озаряло Франциска и Карла, онъ досадовалъ, что въ одно время съ ними не сталъ искать Императорскаго престола, рѣшился объявить на него притязанія, и отправилъ посланника въ Германію. Осыпанный ласками Германскихъ Князей и Папскаго Нунція, посланникъ увѣдомилъ своего Государя о невозможности успѣть въ его требованіи, потому что оно было поздно представлено. Генрихъ, приписывая свою неудачу только

(1) Sabinus, p. 6.

этому обстоятельству, и довольный тщеславнымъ показомъ своей значительности, кажется, не принималъ болѣе никакого участія въ дѣлѣ обоихъ соперниковъ, не мѣшалъ и не помогалъ ни тому, ни другому (1).

Леонъ X, Первосвященникъ, равно знаменитый державными способностями и любовію къ искусствамъ, былъ единственнымъ Государемъ въ этомъ вѣкѣ, который наблюдалъ за дѣйствіями Монарховъ-совмѣстниковъ съ благоразумнымъ вниманіемъ и обнаруживалъ должную заботливость о благѣ общемъ. Права Императоровъ и Папъ во многомъ соприкасались между собою; съ обѣхъ сторонъ существовало много жалобъ на различныя присвоенія, и безопасность Церковной Области такъ совершенно зависѣла отъ слабости сосѣдей и такъ мало отъ собственной ея силы, что для Римскаго Двора ничего не было страшнѣе Императора могущественнаго и предпріимчиваго. Леонъ трепеталъ при одной мысли, что Императорскую корону получитъ Король Неаполитано-Испанскій и повелитель новаго свѣта; не менѣе страшился онъ увидѣть ее на главѣ Французскаго Короля, который былъ Миланскимъ Герцогомъ и владѣлъ Генуею. Онъ предрекалъ, что избраніе того, или другаго изъ нихъ будетъ гибельно для независимости святаго престола, для спокойствія Италіи и, вѣроятно, для свободы цѣлой Европы. Дѣйствовать противъ Франциска и Карла, съ какою нибудь надеждою на успѣхъ, надлежало искусно и осмотрительно, не забывая, какъ могущественны оба совмѣстника и сколько имъ удобныхъ случаевъ къ отмщенію. Леонъ не имѣлъ недостатка

---

(1) Mém. de Fleuranges, 314. Herbert Hist. of Henry VIII.

ни въ умѣ, ни въ осторожности. Онъ тайнымъ образомъ увѣщавалъ Германскихъ Князей возвести кого-либо изъ среды своей на престолъ Императорскій, приводилъ имъ на память коренной законъ, навсегда устранявшій отъ него Королей Неаполитанскихъ (1), и сильно убѣждалъ Франциска стоять твердо въ своихъ притязаніяхъ, однако же не по тому, чтобы желалъ ему счастія. Предвидя въ Германцахъ болѣе расположенія благопріятствовать Карлу, онъ полагалъ, что Францискъ, замѣтивъ разрушеніе своихъ надеждъ, по негодованію и соперничеству будетъ способствовать всѣми силами избранію кого нибудь третьяго главою Имперіи; ожидалъ того же самаго отъ Карла, если бы его совмѣстнику удалось получить успѣхъ неожиданный, и потому не сомнѣвался, при благоразуміи и осторожности, такъ искусно управить взаимною завистію обоихъ Королей, чтобы всѣ замыслы ихъ остались втунѣ. Но эти мѣры, единственныя, которыя могъ принять Государь въ Леоновомъ положеніи, были весьма дурно исполнены. Французскіе посланники въ Германіи питали своего Короля пустою надеждою; Папскій Нунцій, подкупленный ими, забылъ полученныя наставленія; самъ Францискъ такъ долго и упорно настаивалъ въ своихъ притязаніяхъ, что всѣ мѣры Леона вышли безполезны (2).

Таковы были надежды соискателей Императорскаго престола и виды различныхъ Государей и владѣній, когда, по обычаю, открылся сеймъ въ Франкфуртѣ (17 Іюня). Право избирать въ Императоры издавна принадлежало семи владѣтель-

---

(1) Goldasti Constitutiones Imperiales. Francof. 1673, vol. I, 439.
(2) Guicciar. lib. XIII, 161.

нымъ особамъ, носившимъ имя Электоровъ. Они были въ то время слѣдующіе: Альбертъ Бранденбуржскій, Архіепископъ Маинцскій; Германъ, Графъ Вейдскій, Архіепископъ Кельнскій; Рейхардъ Грейфенкляу, Архіепископъ Трирскій; Людовикъ, Король Богемскій; Людовикъ, Графъ Пфальцъ-Рейнскій; Фридрихъ, Герцогъ Саксонскій, и Іоакимъ I, Маркизъ Бранденбуржскій. Не взирая на краснорѣчивыя доказательства, представленныя въ пользу Карла и Франциска ихъ посланниками, и наперекоръ всѣмъ ихъ стараніямъ, проискамъ и подаркамъ, Электоры не забывали того правила, на которомъ, по мнѣнію ихъ, основывалось государственное учрежденіе Германіи. У членовъ Имперіи, составленной изъ владѣній, почти независимыхъ, главный законъ любви къ отечеству состоялъ въ томъ, чтобы ослаблять и ограничивать власть Императора. Уже нѣсколько вѣковъ не возводили на престолъ Императорскій ни одного могущественнаго Государя, и этой благоразумной предосторожности многіе знатные Домы въ Германіи были обязаны своимъ блескомъ и независимостію. Избраніе того, или другаго изъ Монарховъ-совмѣстниковъ было бы грубымъ нарушеніемъ древняго благотворнаго правила; Имперія получила бы не главу, а повелителя; Электоры же перешли бы изъ равныхъ въ подданные.

Въ этихъ мысляхъ всѣ они обратили свои взоры на Фридриха, Герцога Саксонскаго, за высокія добродѣтели и способности проименованнаго Мудрымъ, и единогласно предложили ему Императорскую корону. Но вещь, которой такъ ревностно домогались самые могущественные Государи того времени, не ослѣпила его; подумавъ не много, онъ отказался отъ нея съ удивительнымъ великодушіемъ и безкорыстіемъ. Онъ замѣтилъ,

что нѣтъ ничего неосновательнѣе упорной привязанности къ правилу, которое хотя и можетъ быть благоразумно и справедливо во многихъ случаяхъ, но не простирается на всѣ вообще. „Во времена мирныя, сказалъ онъ, мы ищемъ Императора, который былъ бы не въ состояніи посягать на наши права; времена опасности требуютъ такого, которой былъ бы способенъ защитить насъ. Турецкія войска, предвидимыя храбрымъ и побѣдоноснымъ Монархомъ, уже собираются; уже они готовы броситься на Германію съ яростію, неизвѣстною въ прежніе вѣки. Въ новыхъ обстоятельствахъ нужны новыя мѣры. Императорскій скипетръ должно ввѣрить рукѣ, болѣе мощной, нежели моя, нежели рука всякаго Германскаго Государя. Ни по владѣніямъ, ни по доходамъ, ни по власти, мы не можемъ противостать грозному Селиму. Въ этой крайности должно прибѣгнуть къ одному изъ Монарховъ-соперниковъ. Каждый изъ нихъ въ состояніи вооружить войско, достаточное для нашей защиты. Но Испанскій Король Германскаго происхожденія; онъ членъ и Князь Имперіи по наслѣдству, которое досталось ему отъ его дѣда; онъ владѣетъ землями, которыя простираются вдоль границы непріятельской: по этому и требованіе его предпочтительнѣе въ моихъ глазахъ притязанія Государя, чуждаго нашему языку, нашей крови, нашему отечеству. Я подаю голосъ въ пользу Короля Карла.“

Это мнѣніе, внушенное необыкновеннымъ великодушіемъ и основанное на дѣльныхъ доказательствахъ, произвело глубокое впечатлѣніе на Электоровъ. Посланники Короля Испанскаго, чувствуя важность услуги, оказанной Фридрихомъ Государю ихъ, послали ему знатное количество

денегъ, какъ первый знакъ его благодарности. Но Герцогъ, имѣвшій величіе духа отказаться отъ короны, съ презрѣніемъ отвергнулъ подкупъ. Посланники просили его, чтобы онъ позволилъ по крайней мѣрѣ предложить часть этихъ денегъ своимъ приближеннымъ. Онъ отвѣчалъ: „я не могу удержать ихъ отъ принятія подарковъ, но на другой же день исключу изъ своей службы того, кто возметъ хоть одинъ флоринъ (*).“

Послѣ Фридриха ни одинъ владѣтель Германскій не могъ уже искать достоинства, отъ котораго онъ уклонился. Каждаго удерживали тѣ же причины. Оставалось избрать одного изъ двухъ знаменитыхъ совмѣстниковъ. Карлъ, кромѣ предубѣжденія Нѣмцевъ въ пользу своего рода и положенія Германскихъ своихъ земель, много былъ обязанъ способностямъ Кардинала Гурка и усердію Эрарда, Епископа Литтихскаго, двухъ своихъ посланниковъ, которые вели

(*) Отецъ Даньель, Историкъ довольно извѣстный, кажется не вѣритъ, что Фридрихъ отказался отъ Императорской короны. Георгій Сабинъ, ничего не сказавъ объ этомъ въ своей *Исторіи Избранія и Коронаціи Карла V* (Tom. 3. p. 63), ввелъ Даньеля въ сомнѣніе. Но можетъ ли имѣть большую силу пропускъ поверхностнаго писателя, сочиненіе котораго, хотя и величаемое Исторіею, содержитъ въ себѣ только такое описаніе обрядовъ при Карловомъ избраніи, какое въ подобныхъ случаяхъ всегда печатается въ Вѣдомостяхъ Германскихъ? Scard. Rer. Germ. Script. v. 2. p. 1. Свидѣтельства Эразма (lib. 13. epist. 4) и Слейдена (p. 18) очень ясны. Секендорфъ въ своемъ Commentarius Historicus et Apologeticus de Lutheranismo, p. 121, изслѣдовалъ этотъ случай съ своею обыкновенною отчетливостію, и утвердилъ истину его самыми очевидными доказательствами. Я могу прибавить къ нимъ одно рѣшительное — Кардинала Каетана, Папскаго легата во Франкфуртѣ, изъ письма его 5го Іюля 1519 г. Epistres aux Princes, etc. recueillies par Ruscelli, traduites par Belforest. Par. 1572, p. 60.

переговоры благоразумнѣе и искуснѣе уполномоченныхъ Французскаго Короля. Первый, бывъ долгое время министромъ и любимцемъ Максимиліана, хорошо умѣлъ обращаться съ Германцами, а другой, лишенный Францискомъ Кардинальской шапки, употреблялъ всю злобную изобрѣтательность, которую жажда мести можетъ внушить честолюбивой душѣ, чтобы разстроивать всѣ мѣры этого Государя. Электоры съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе склонялись на сторону Короля Испанскаго; даже Папскій Нунцій, убѣдясь въ тщетности дальнѣйшаго сопротивленія, старался выслужиться передъ будущимъ Императоромъ, предложивъ ему добровольно, отъ имени своего Государя, разрѣшеніе носить Императорскую корону вмѣстѣ съ Неаполитанскою (1).

Двадцать осьмаго Іюня, спустя пять мѣсяцевъ и десять дней отъ смерти Максимиліана, рѣшено было важное совмѣстничество и кончено недоумѣніе Европы. Къ шести Электорамъ, которые еще прежде подали голосъ въ пользу Короля Испанскаго, присоединился наконецъ Архіепископъ Трирскій, единственный твердый приверженецъ Франциска. Такимъ образомъ Электоральный Совѣтъ единодушно избралъ Карла въ Императоры (2).

Но въ то же время необыкновенное могущество Карла возбуждало сильныя опасенія въ Электорахъ, и они старались какъ можно болѣе обезпечить государственное учрежденіе Германіи. Издревле велся обычай, чтобы каждый новый

(1) Freheri Rer. German. Scriptores, vol. VIII, 172, cur. Struvii Argent. 1717. Giannone Hist. of Naples, II, 498.

(2) Jac. Aug. Thuan. Hist. sui temporis, edit. Bulkley, lib. I, c. 9.

Императоръ подтверждалъ его и обѣщался ни въ какомъ случаѣ не нарушать преимуществъ Имперскихъ Чиновъ. Пока Государи, не имѣвшіе обширныхъ земель и не опасные своими способностями, занимали престолъ Императорскій, то избиратели довольствовались ихъ изустнымъ обязательствомъ въ этомъ отношеніи. Но при такомъ могущественномъ Императорѣ, какъ Карлъ, другія предосторожности казались необходимыми. Сочинена была Договорная Грамота (*Капитуляція*), содержавшая въ себѣ полное исчисленіе преимуществъ Электоровъ, Князей Имперскихъ, городовъ и всѣхъ другихъ членовъ Германіи. Посланники Карла немедленно подписали ее отъ его имени, и самъ онъ, при своемъ коронованіи, подтвердилъ ее торжественнѣйшимъ образомъ. Съ этого времени Электоры всегда предлагали тѣ же условія всѣмъ преемникамъ Карла, и въ Германіи Договорная Грамота между Императоромъ и его подданными почитается основнымъ положеніемъ о правахъ ихъ и крѣпкимъ оплотомъ противъ распространенія Императорской власти (1).

Важная вѣсть объ избраніи Карла въ девять дней дошла изъ Франкфурта въ Барцелону, гдѣ онъ жилъ, удерживаемый упорствомъ Каталонскаго Кортеса, который не кончилъ еще ни одного предложеннаго ему дѣла. Испанскій Король получилъ эту вѣсть съ радостію, свойственною честолюбивому юношѣ. Его восхищала мысль, что онъ властію и достоинствомъ вознесся высоко надъ прочими Государями Европы. Съ этого времени стали открываться ему обширные виды,

---

(1) Pfeffel Abrégé du Droit Publ. d'Allemagne. Limnei Capitulat. Imper. Epistres aux Princes par Ruscelli, p. 60.

которыми онъ былъ занятъ во все свое управленіе; съ этого времени можно считать начало и слѣдить постепенное развитіе честолюбивыхъ предпріятій, по которымъ Исторія его царствованія такъ достойна вниманія.

Незначущее обстоятельство прежде всего открыло дѣйствіе великаго возвышенія Карла на его душу. Во всѣхъ государственныхъ бумагахъ онъ сталъ принимать титулъ *Величества*, и требовалъ его отъ своихъ подданныхъ въ знакъ ихъ почтенія. Тщеславіе побудило и другихъ Европейскихъ Государей подражать примѣру Карла, между тѣмъ какъ прежде они довольствовались названіемъ *Высочества*, или *Милости* (1). Титулъ: *Величество*, теперь уже не служитъ знакомъ преимущества. Самые неважные Государи въ Европѣ пользуются имъ, подобно самымъ могущественнымъ.

Испанцы, узнавъ объ избраніи своего Короля въ Императоры, совсѣмъ не чувствовали такого же удовольствія, какъ онъ самъ. Они должны были лишиться его присутствія и подвергнуться правленію Вице-Короля и его Совѣта, правленію часто жестокому и всегда непріятному; имъ грозила опасность проливать свою кровь въ войнахъ, не касающихся до ихъ отечества; они предусматривали расточеніе сокровищъ его на поддержаніе сана иноземнаго и необходимость участія въ запутанныхъ дѣлахъ Италіи и Германіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Испанцы заключили, что для нихъ ничего не могло случиться вреднѣе избранія Карла въ Императоры; они стали пре-

(1) Minianae Contin. Mar. p. 13. Ferreras, VIII. 475. Mémoires Hist. de la Houssaie, T. I, p. 53, etc.

возносить похвалами мужество и народную гордость своихъ предковъ, которые въ Кастильскомъ Кортесѣ запретили Альфонсу Мудрому оставить Королевство для принятія Императорской короны, и часто было слышно мнѣніе, что въ настоящемъ обстоятельствѣ примѣръ ихъ очень достоинъ подражанія (1).

Но Карлъ, не взирая на чувства и ропотъ Испанскихъ своихъ подданныхъ, принявъ Императорское достоинство, предложенное ему отъ имени Электоровъ Пфалц-Графомъ, главою торжественнаго посольства, объявилъ, что намѣренъ скоро отправиться въ Германію для вступленія въ права свои надъ нею. Это было необходимо: по государственному ея учрежденію онъ не могъ, некоронованный, пользоваться верховною властію (2).

Непремѣнное намѣреніе Карла усилило негодованіе Испанцевъ; духъ мятежа распространился между людьми всякаго званія. Когда Папа подарилъ Королю десятину всѣхъ церковныхъ доходовъ въ Кастиліи, какъ пособіе для войны съ Турками, то Соборъ духовенства единодушно отказался собрать эту сумму подъ предлогомъ, что ее должно было требовать въ такомъ единственно случаѣ, если бы невѣрные дѣйствительно напали на Христіанъ. Хотя Леонъ, желая поддержать власть свою, запретилъ богослуженіе въ Кастиліи; но это наказаніе, всѣми вообще признанное несправедливымъ, не было уважено, и даже самъ Карлъ просилъ освободить отъ него своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ Испанское духовенство не только отличилось сопротивле-

---

(1) Sandoval, I, p. 32. Minianae Contin. p. 14.
(2) Sabinus, P. Barre, VIII, 1085.

ніемъ самовластію Папы и неустрашимостію передъ могуществомъ своего Короля, но еще избавилось отъ десятинной подати (1).

Бунты, поднявшіеся въ Королевствѣ Валенціи, зависѣвшемъ отъ Арагоніи, были страшнѣе и произвели слѣдствія болѣе опасныя и продолжительныя. Одинъ дерзкій монахъ проповѣдьми своими возбудилъ гражданъ главнаго города Валенціи вооружиться и наказать нѣкоторыхъ преступниковъ. Народъ, прельщенный самовольною расправою, не только не думалъ положить оружія, но раздѣлился на дружины, чтобы постоянно упражняться въ ремеслѣ военномъ. Онъ хотѣлъ избавиться отъ жестокой власти грандовъ, которые немилосердно угнетали его; потому что аристократическія права въ Валенціи были полнѣе, нежели въ прочихъ Испанскихъ Королевствахъ. Это желаніе служило для него главною причиною бунта и крѣпкимъ узломъ взаимнаго соединенія. Дворяне встревожились при неожиданномъ возстаніи народа, опасаясь, чтобы онъ не свергнулъ своего ига; но, не имѣя возможности унять мятежниковъ невооруженною рукою, должны были обратиться къ Императору и просить его соизволенія усмирить ихъ силою. Въ то же время и народъ избралъ представителей, поручивъ имъ принести Государю жалобу на дворянъ, и молить его о покровительствѣ. Къ счастію, эти представители прибыли ко Двору, когда Карлъ былъ въ высокой степени раздраженъ на дворянство. Онъ торопился въ Германію, гдѣ присутствіе его съ каждымъ днемъ становилось необходимѣе; Фламанскіе придворные еще нетерпѣливѣе желали возвратиться въ свое

(1) P. Martyr. Ep. 462. Ferreras, VIII, 473.

отечество и увезти туда богатство, нахищенное въ Кастиліи. Не имѣя такимъ образомъ времени лично предсѣдательствовать въ Кортесѣ Валенціянскомъ, Карлъ послалъ туда Кардинала Адріана съ полномочіемъ принять его именемъ присягу на вѣрноподданство отъ членовъ этого собранія, утвердить преимущества ихъ съ обыкновенными торжественностями и требовать у нихъ дара. Но Валенціянское дворянство, почитая поступокъ Карла оскорбительнымъ для страны своей, имѣвшей равное право съ прочими Королевствами удостоиться присутствія своего Государя, объявило, что, по кореннымъ законамъ, оно не могло ни признать отсутствующее лице Королемъ, ни пожертвовать ему денегъ, и стояло въ своей рѣшимости съ гордымъ и непоколебимымъ упорствомъ. Карлъ, въ досадѣ на это, оправдалъ народъ и опрометчиво позволилъ ему остаться вооруженнымъ. Представители возвратились съ торжествомъ, и были приняты согражданами, какъ освободители отечества. Чернь, становясь дерзче отъ успѣховъ, выгнала всѣхъ дворянъ изъ города, поручила правленіе чиновникамъ своего выбора и вступила въ союзъ, извѣстный подъ именемъ *Германады*, или *Братства*, бывшій для Валенціи источникомъ не только ужаснѣйшихъ безпорядковъ, но и самыхъ гибельныхъ бѣдствій (1).

1520 г. — Между тѣмъ и въ Кастиліи продолжались сильныя безпокойства. Едва стала извѣстна воля Императора оставить Испанію, какъ нѣкоторые первостепенные города рѣшились отклонить его отъ этого предпріятія и еще разъ требовать, чтобы прекращены были злоупотребленія, на которыя они прежде жаловались. Карлъ

(1) P. Martyr. Ep. 651. Ferreras, VIII, 476, 485.

искуснымъ образомъ не допустилъ къ себѣ представителей, и, видя изъ этого обстоятельства, какъ трудно въ настоящемъ его положеніи усмирить строптивый духъ большихъ городовъ, велѣлъ Кастильскому Кортесу собраться въ Компостеллѣ, въ Галиціи, надѣясь получить еще пожертвованіе, въ которомъ имѣлъ большую нужду: казна его истощилась, и онъ не могъ, безъ новаго пособія деньгами, явиться въ Германію съ блескомъ, приличнымъ Императорскому достоинству. Назначеніе мѣста Кортеса въ такой дальней области и требованіе новыхъ денегъ, когда еще не вышелъ срокъ уплатить прежнія, были новости, весьма опасныя; онѣ взволновали народъ, приверженный къ своимъ правамъ и привыкшій весьма умѣренно помогать нуждамъ своихъ Государей. Старшины Толедскаго гражданства сдѣлали очень грубыя возраженія противъ этихъ обѣихъ мѣръ; жители Вальядолида, ожидавшіе, что Кортесъ будетъ въ ихъ городѣ, съ яростію взялись за оружіе, и если бы Карлъ съ иноземными совѣтниками не убѣжалъ во время ужасной бури, то они умертвили бы всѣхъ Фламанцевъ и не пустили бы его въ Компостеллу.

Каждый городъ, черезъ который онъ проѣзжалъ, просилъ его не открывать Кортеса въ Галиціи. Карлъ былъ непоколебимъ. Но хотя министры его употребили все свое вліяніе, чтобы въ представители избраны были ихъ доброжелатели, однако же при началѣ собранія (Апр. 1) многіе члены обнаружили необыкновенное упорство, грозившее всѣмъ мѣрамъ Двора жестокимъ сопротивленіемъ. Толедо не прислалъ представителей, потому что, при выборѣ ихъ согласно съ древнимъ обычаемъ, жребій палъ на двухъ приверженцевъ Фламанскихъ министровъ; Толедо от-

правилъ въ Компостеллу двухъ полномочныхъ объявить незаконность собравшагося тамъ Кортеса. Представители Саламанки отказались произнести должную присягу въ вѣрности, если Карлъ не перемѣнитъ его мѣста. Представители Тора, Мадрита, Кордовы и еще другихъ городовъ назвали требованіе новаго пожертвованія неслыханнымъ, противозаконнымъ и ненужнымъ. Однакожъ всѣ происки, имѣющіе дѣйствіе на собранія народныя: подкупы, обѣщанія, угрозы и даже сила, были употреблены, чтобы исторгнуть согласіе у членовъ. Дворянство, обольщенное почтительною угодливостію Шіевра и другихъ Фламанцевъ, и досадуя на духъ независимости, который возникалъ въ городахъ, явно благопріятствовало притязаніямъ Двора, или по крайней мѣрѣ не сопротивлялось имъ. Наконецъ, вопреки чувствамъ народа и древнимъ кореннымъ законамъ, большинство голосовъ рѣшило удовлетворить желаніе Императора (1). Вмѣстѣ съ пожертвованіемъ члены Кортеса представили ему жалобу народа на злоупотребленія; но Карлъ, получивъ все, чего хотѣлъ, не обратилъ никакого вниманія на это опоздалое представленіе, потому что пренебречь имъ уже было неопасно (2).

Такъ какъ ничто болѣе не удерживало Императора въ Испаніи, то онъ объявилъ свою волю въ отношеніи къ регентству надъ Кастиліею, и поручилъ его Кардиналу Адріану; саномъ Вице-Короля Арагонскаго облекъ Дона Іоанна Ланузу, а Веленціянскаго — Дона Діега Мендозу, Графа де Мелито. Выборъ двухъ послѣднихъ былъ всѣмъ пріятенъ; возвышеніе же Адріана, хотя единственнаго

(1) P. Martyr. Ep. 663. Sandoval, p. 32 etc.
(2) Sandoval, 84.

Фламанца, къ которому жители Испаніи имѣли нѣкоторое уваженіе, воспламенило Кастильцевъ новою ненавистію къ чужеземнымъ временщикамъ, и даже дворяне, спокойно терпѣвшіе, когда другія коренныя ихъ постановленія были нарушаемы, почувствовали эту обиду, нанесенную ихъ сословію, и представили Карлу незаконность его поступка. Но желаніе Карла ѣхать въ Нѣмецкія земли и нетерпѣливость министровъ его оставить Испанію такъ усилились, что, не смотря на ропотъ Кастильцевъ и даже не принявъ никакихъ мѣръ противъ возмущенія въ Толедо, которое тогда предвѣщало, послѣ же дѣйствительно имѣло гибельныя слѣдствія, онъ отплылъ изъ Коруны двадцать втораго Мая, и, пустившись опрометчиво за новою короною, подвергся опасности потерять ту, которою уже обладалъ и которая была гораздо важнѣе (1).

(1) P. Martyr. Ep. 670. Sandov. 86.

КНИГА II.

1520 г.—Мысли Карла стремились къ дѣламъ Германіи, и личное присутствіе его въ этой странѣ было необходимо по многимъ обстоятельствамъ. Электорамъ наскучило продолжительное междударствіе, внутреннія безпокойства возмущали наслѣдственныя Австрійскія земли, быстрые успѣхи новыхъ мнѣній о Вѣрѣ требовали вниманія самаго строгаго. Болѣе же всего дѣйствія Французскаго Короля занимали Карла, и убѣждали его въ необходимости принять мѣры для своей защиты, и притомъ скорыя и дѣйствительныя.

Когда Карлъ и Францискъ стали искать Императорскаго достоинства, то въ соперничествѣ наблюдали уваженіе другъ къ другу, и повторяли неоднократно, что не допустятъ непріязни помрачить ихъ благородное соревнованіе. „Мы оба, говорилъ Францискъ съ обыкновенною своею живостію, влюблены въ одну любовницу; мы оба должны употребить всѣ силы, чтобы достигнуть обладанія ею; кто изъ насъ будетъ счастливѣе, на того другой не долженъ сердиться (1).“ Но хотя юные и честолюбивые Государи, одушевленные надеждою на успѣхъ, и могли принять такое великодушное намѣреніе, однакожъ скоро оказалось, что они обѣщали умѣренность, слишкомъ безкорыстную для природы человѣческой. Предпочтеніе, отданное Карлу предъ лицемъ всей

---

(1) Guic. l. XIII, p. 159.

Европы, жестоко уязвило Франциска и воспламенило въ немъ всѣ страсти, свойственныя оскорбленной гордости. Такъ произошли взаимная зависть и соперничество, которыя существовали между обоими Монархами во все время ихъ царствованія, которыя, при дѣйствительной противоположности ихъ выгодъ и многихъ неизбѣжныхъ причинахъ къ раздору между ними, вовлекали ихъ въ войны, почти непрерывныя. Карлъ нарушилъ главную статью Нойонскаго договора, неоднократно отказываясь удовлетворить Іоанна Альбрета, изгнаннаго Короля Наварскаго, между тѣмъ какъ Францискъ обязался честію возстановить его на престолѣ, побуждаемый къ тому и личными выгодами. Французскій Король имѣлъ притязанія на Неаполитанскую корону, похищенную Фердинандомъ у предшественника его самымъ непростительнымъ вѣроломствомъ. Императоръ могъ требовать отдачи Миланскаго Герцожства, какъ лены Имперской, которую Францискъ захватилъ силою и которою онъ владѣлъ безъ вводной грамоты. Карлъ почиталъ Бургундское Герцожство родовымъ достояніемъ своихъ предковъ, отнятымъ у нихъ коварною политикою Людовика XI, и смотрѣлъ съ великимъ безпокойствомъ на тѣсныя связи Франциска съ Герцогомъ Гельдернскимъ, наслѣдственнымъ врагомъ своего Дома.

При такихъ разнообразныхъ поводахъ къ враждѣ не долго бы продлился миръ и между Государями, чуждыми всякаго честолюбія и соревнованія. Борьба двухъ могущественныхъ противниковъ долженствовала быть опасна и отчаянна, и потому оба они очень безпокоились объ ея послѣдствіяхъ, и заблаговременно не только соби-

рали и сравнивали свои силы, но искали дружества и помощи державъ Европейскихъ.

Папа равно страшился обоихъ соперниковъ; онъ зналъ, что побѣдитель будетъ полнымъ властителемъ Италіи. Если бы отъ него зависѣло вооружить ихъ другъ на друга, не дѣлая Ломбардіи позорищемъ войны, то ему было бы всего пріятнѣе видѣть истощеніе силъ ихъ въ кровопролитіяхъ безконечныхъ. Но это было невозможно. Леонъ предусматривалъ, что при первомъ разрывѣ между обоими Государями, войска ихъ пойдутъ на брань въ Миланскую землю, и что близость ратныхъ дѣйствій отъ Церковной Области и причина ихъ, для него весьма важная, не долго позволятъ ему наблюдать сторонность (неутралитетъ). И такъ необходимость принудила его сообразаться съ своимъ положеніемъ. Онъ угождалъ и льстилъ какъ Императору, такъ и Французскому Королю съ равнымъ искусствомъ, и хотя каждый изъ нихъ неотступно склонялъ его на свою сторону, но онъ принялъ на себя видъ совершеннаго безпристрастія и старался настоящія свои чувства скрыть подъ личиною глубокаго притворства, которое, кажется, любила большая часть Итальянскихъ политиковъ того столѣтія.

Венеціяне имѣли виды и пользы, одинаковые съ Папою, и не менѣе его заботились избавить Италію отъ ужасовъ войны, а свою Республику отъ участія въ борьбѣ Государей-соперниковъ. Но всѣ хитрости Леона и притязанія его на совершенную сторонность не скрыли, что онъ придерживался Императора, отъ котораго болѣе, нежели отъ Франциска, всего боялся и всего надѣялся; столько же явно было, что если бы Венеці-

янамъ пришла необходимость взять чью нибудь сторону, то они вступились бы за Короля Французскаго. Впрочемъ, онъ сталъ бы напрасно ожидать значительной помощи отъ Итальянцевъ. Чрезвычайно опасаясь Заальпійскихъ Государей, они неусыпно старались поддерживать равновѣсіе между ими, и только иногда своекорыстные расчеты побуждали ихъ нарушать это любимое правило своей политики.

Но главное вниманіе Карла и Франциска было устремлено на Короля Англійскаго. Каждый изъ нихъ старался расположить его въ свою пользу, ожидая, что онъ дастъ помощь болѣе дѣйствительную, безъ строгихъ расчетовъ политическихъ. Генрихъ VIII вступилъ на престолъ въ тысяча пять сотъ девятомъ году при обстоятельствахъ, обѣщавшихъ царствованіе самое благополучное и блистательное. Соединеніе въ особѣ его спорныхъ правъ Домовъ Йоркскаго и Ланкастерскаго, готовность и соревнованіе обѣихъ враждебныхъ сторонъ исполнять его волю, не только давали ему средства дѣйствовать во внутреннемъ управленіи съ такою силою и властію, какими не могъ безопасно пользоваться ни одинъ изъ его предшественниковъ, но даже позволяли ему принимать участіе въ дѣлахъ твердой земли, отъ которой вниманіе Англичанъ долгое время отвлекалось несчастными ихъ междоусобіями. Генрихъ былъ богатѣйшимъ Государемъ въ Европѣ; онъ получилъ несмѣтныя сокровища отъ отца своего. Миръ, царствовавшій въ осторожное правленіе послѣдняго, далъ народу отдохнуть отъ бѣдствій гражданскихъ войнъ, не изнѣживъ его духа, и Англичане, стыдясь, что такъ долго сами терзали свое отечество, нетерпѣливо желали показать свою храбрость во внѣш-

ней войнѣ и воскресить память побѣдъ, которыя прославили предковъ ихъ. Личный нравъ Генриха совершенно согласовался съ состояніемъ его Королевства и расположеніемъ подданныхъ. Честолюбивъ, дѣятеленъ, отваженъ, искусенъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, которыя составляли главный предметъ воспитанія людей благорожденныхъ и внушали имъ раннюю любовь къ войнѣ, Генрихъ горѣлъ нетерпѣніемъ испытать силу своего оружія и ознаменовать начало своего царствованія (1513) замѣчательнымъ подвигомъ. Желаемый случай скоро представился: побѣда при Гинегатѣ и успѣшныя осады Теруени и Турне, хотя принесшія Англіи мало пользы, покрыли Монарха ея великою славою и утвердили чужеземныхъ Государей въ мысляхъ объ его могуществѣ. Всѣ эти причины, сверхъ того счастливое положеніе самой Великобританіи, безопасной отъ нашествія иноплеменниковъ, и господство надъ Кале, который служилъ ключемъ къ Франціи и открывалъ удобный входъ въ Нидерланды, содѣлывали Генриха естественнымъ блюстителемъ Европейской свободы и посредникомъ между Императоромъ и Королемъ Французскимъ. Генрихъ самъ чувствовалъ эту особенную выгоду и зналъ, что, для поддержанія равновѣсія, онъ долженъ былъ не давать одному сопернику пріобрѣсти такого превосходства въ могуществѣ, которое стало бы пагубно для другаго и опасно для прочаго міра Христіанскаго. Но онъ не имѣлъ ни прозорливости, ни духа, необходимыхъ на его мѣстѣ. Управляемый своенравіемъ, суетностію, мщеніемъ, пристрастіемъ, онъ былъ неспособенъ начертать для себя опредѣленнаго, обширнаго круга дѣйствія въ дѣлахъ государственныхъ, ни слѣдовать постоянно своему предначертанію. Мѣры

Короля Англійскаго рѣдко происходили отъ вниманія къ благу общему, или отъ обдуманнаго попеченія объ его собственномъ: ихъ внушали страсти; онѣ затмевали въ умѣ его государственныя и личныя пользы и препятствовали ему получить то вліяніе на дѣла Европы и тѣ выгоды для него самаго, которыя легко пріобрѣлъ бы Король съ меньшими дарованіями, но болѣе расчетливый.

Однако не всѣ ошибки въ правленіи Генриха должно приписывать личнымъ его недостаткамъ; многія были слѣдствіемъ пылкихъ страстей и ненасытнаго честолюбія перваго министра и любимца его, Кардинала Вольсея. Этотъ человѣкъ изъ самаго низкаго званія умѣлъ достигнуть такого могущества и сана въ Государствѣ, какихъ не имѣлъ еще ни одинъ Англійскій подданный, и полновластно управлялъ надмѣннымъ, тщеславнымъ и неприступнымъ нравомъ Генриха. По своимъ дарованіямъ и качествамъ, Вольсей могъ занимать два противоположныя мѣста — министра и любимца. Глубокій умъ, дѣятельность неутомимая, совершенное знаніе Англіи, и обширныя свѣдѣнія о видахъ и пользахъ Дворовъ иноземныхъ отпособляли его къ безотчетному управленію дѣлами государственными. Пріятность обращенія, занимательность бесѣды, вкрадчивость, любовь къ пышности и опытность въ тѣхъ родахъ Словесности, къ которымъ Генрихъ былъ пристрастенъ, снискали ему привязанность и довѣренность юнаго Монарха. Но Вольсей не употреблялъ обширной и почти самодержавной своей власти, чтобы способствовать истинному благу народа и существенному величію своего Государя. Алчный и расточительный, онъ имѣлъ ненасытную страсть къ деньгамъ. Не зная предѣловъ своему честолюбію, онъ домогался новыхъ

почестей съ жаромъ, не охладѣвшимъ отъ прежнихъ успѣховъ, и тщеславясь необыкновеннымъ своимъ возвышеніемъ и вліяніемъ на Государя, нетерпѣвшаго ни чьихъ другихъ совѣтовъ, онъ обнаруживалъ во всѣхъ поступкахъ самое несносное высокомѣріе и гордость, которымъ необходимо было льстить для пріобрѣтенія его благоволенія.

Всѣ Европейскіе Дворы въ то время оказывали невѣроятное почтеніе Вольсею, потому что искали дружбы Генриха, и старались подарками, обѣщаніями и лестію подѣйствовать на жадность, властолюбіе и гордость его министра (1). Францискъ въ тысяча пять сотъ осьмнадцатомъ году посылалъ Адмирала Бонниве, самаго хитраго изъ своихъ придворныхъ, чтобы привлечь на свою сторону кичливаго Прелата, оказывалъ послѣднему всѣ знаки почтенія и довѣренности, совѣтовался съ нимъ въ важныхъ дѣлахъ и принималъ его мнѣнія съ глубокимъ уваженіемъ. Этими происками и большимъ жалованьемъ онъ расположилъ къ себѣ Кардинала, который убѣдилъ своего Государя заключить брачный договоръ между его дочерью, Принцессою Маріею, и Дофиномъ, возвратить Франціи Турне и согласиться на личное свиданіе съ Королемъ Французскимъ (2). Послѣ этого начались самыя короткія связи между обоими Дворами; Францискъ, чувствуя, какъ важна дружба Вольсея, старался поддержать ее, изъявляя ему всѣ возможныя знаки уваженія, и называлъ его въ своихъ письмахъ почтенными именами — Отца, Благодѣтеля и Наставника.

---

(1) Fiddes's Life of Wolsey, 166. Rymer's Foedera, XIII, 718.
(2) Herbert's Hist. of Henry VIII, 30. Rymer, XIII, 624.

Карлъ смотрѣлъ на эту возрастающую связь съ великимъ безпокойствомъ. Близкое родство съ Королемъ Англійскимъ давало ему нѣкоторое право на пріязнь его, и вскорѣ по восшествіи на престолъ Кастильскій, онъ сдѣлалъ опытъ подлеститься къ Вольсею, назначивъ ему три тысячи ливровъ жалованья. Потомъ онъ болѣе всего заботился разстроить условленное свиданіе, чрезвычайно опасаясь его послѣдствій на двухъ юныхъ Государей, склонныхъ къ дружбѣ по своимъ нравамъ. Но послѣ многихъ отсрочекъ, произведенныхъ спорами за чинообрядіе (церемоніалъ) и боязливыми предосторожностями обоихъ Дворовъ для безопасности ихъ Государей, время и мѣсто свиданія наконецъ были назначены. Въ различныя земли отправили гонцовъ приглашать дворянъ сражаться копьемъ и мечемъ съ обоими Королями и рыцарями ихъ. Францискъ и Генрихъ до того любили великолѣпіе воинскихъ игръ и восхищались блескомъ своимъ на ристалищахъ, что склонить ихъ отказаться отъ ожидаемаго удовольствія и славы было дѣломъ невозможнымъ. Самому Кардиналу хотѣлось повеличаться своею пышностію предъ лицемъ обоихъ Дворовъ и показать обоимъ народамъ обширность своего вліянія на ихъ Государей. Карлъ, видя, что нельзя разстроить свиданія, старался отвратить его слѣдствія, расположивъ въ свою пользу Англійскаго Короля и министра его поступкомъ, для нихъ гораздо болѣе лестнымъ и необыкновеннымъ. Оставя Корунну, какъ мы уже сказали, онъ пустился прямо въ Англію, и совершенно полагаясь на великодушіе Генриха въ своей безопасности, сошелъ на землю въ Доврѣ (Мая 26). Это неожиданное посѣщеніе изумило все Королевство. Одинъ Вольсей хорошо зналъ намѣреніе Императора. Онъ велъ пере-

говоры съ Испанскимъ Дворомъ, неизвѣстные Историкамъ того вѣка; посѣщеніе было условленное, и Карлъ, называвшій Кардинала своимъ *любезнѣйшимъ другомъ*, прибавилъ ему семь тысячь дукатовъ жалованья (1). Генрихъ, находившійся тогда въ Кентербари, на пути во Францію, немедленно послалъ Вольсея въ Доврь; самъ же, весьма обрадованный происшествіемъ, такъ лестнымъ для его самолюбія, спѣшилъ съ приличною честію принять гостя, оказавшаго ему неограниченную довѣренность. Карлъ, дорожа временемъ, пробылъ въ Англіи только четыре дни, однако и тутъ успѣлъ не только внушить Генриху благопріятное мнѣніе о себѣ самомъ и о своихъ намѣреніяхъ, но даже совершенно отвлечь Вольсея отъ доброжелательства Королю Французскому. Все величіе, богатство и власть Кардинала еще не насытили честолюбивой души его, потому что оставалась еще ступень, на которую онъ могъ вознестья. Папское достоинство съ нѣкотораго времени составляло предметъ его желаній, и Францискъ обѣщалъ всѣми силами способствовать ему въ полученіи тіары при первой праздности святаго престола. Это было вѣрнѣйшее средство для укрѣпленія дружбы съ Вольсеемъ. Но и Карлъ предложилъ ему усердно употребить въ его пользу свое вліяніе на совѣтъ Кардиналовъ, болѣе дѣйствительное, и Прелатъ, питаемый этой надеждою, хотя весьма отдаленною, съ жаромъ сталъ помогать намѣреніямъ Императора. Никакого, однакожъ, договора не было тогда заключено между обоими Государями; но Генрихъ въ отвѣтъ на честь, оказанную ему Карломъ, обѣщалъ посѣ-

---

(1) Rymer, XIII, 714.

тить его гдѣ-нибудь въ Нидерландахъ, какъ скоро разстанется съ Королемъ Французскимъ.

Свиданіе его съ этимъ Государемъ было на открытой равнинѣ между Гиномъ и Ардромъ (7 Іюня). Тутъ оба Короля, придворные и витязи до того старались превзойти другъ друга въ пышности и расточительности, что равнина прослыла *Полемъ Золотой Одежды*. Рыцарскія игры, волокитство, всѣ упражненія и забавы во вкусѣ того вѣка занимали оба Двора цѣлые осмнадцать дней; дѣльнаго же ничего не происходило (1). Все впечатлѣніе, которое любезность Франциска и благородная его довѣренность въ обращеніи съ Англійскимъ Королемъ произвели на душу послѣдняго, вскорѣ изгладилось кознями Вольсея и свиданіемъ самого Генриха съ Императоромъ въ Гравелинѣ (10 Іюля), гдѣ не было такой пышности какъ близъ Гина, но гдѣ за то Карлъ показалъ болѣе вниманія къ государственнымъ своимъ пользамъ.

---

(1) Французскіе и Англійскіе Историки весьма подробно описываютъ пышность этого свиданія и различныя увеселенія, притомъ бывшія. Но у всѣхъ пропущено одно обстоятельство, о которомъ упоминаетъ очевидецъ, Маршалъ Флеранжъ, и которое въ настоящее время кажется страннымъ. Послѣ каруселей, говоритъ онъ, выступили Французскіе и Англійскіе борцы, и боролись въ присутствіи Королей и дамъ; многіе были пресильные, и доставили большое удовольствіе; побѣдителями остались Англійскіе, потому что Французскій Король не вызвалъ борцовъ изъ Бретани. Послѣ этого Францискъ и Генрихъ удалились въ особый шатеръ, гдѣ пили вмѣстѣ и гдѣ Англійскій Король, схвативъ Французскаго за воротъ, сказалъ: „*Братъ, давайте бороться*," и старался раза два сломить его; но Французскій Король, ловкой борецъ, обхватилъ Генриха и повергнулъ его на земь съ чудесною силою. Англійскій Король хотѣлъ возобновить борьбу, но его удержали. Mémoires de Fleuranges, 12, Paris, 1753, p. 329.

Усердіе, съ которымъ два величайшіе Монарха въ Европѣ угождали Генриху, показалось ему явнымъ свидѣтельствомъ, что они признаютъ его уравнителемъ своего могущества, и убѣдило его въ справедливости принятаго имъ мнѣнія, что тотъ изъ нихъ непремѣнно одержитъ верхъ, кому онъ станетъ благопріятствовать. Императоръ еще болѣе утвердилъ его въ этихъ мысляхъ, предложивъ отдавать на судъ ему всякое свое несогласіе съ Франциском. Съ перваго взгляда ничего не могло быть чистосердечнѣе и умѣреннѣе выбора въ посредники Государя, котораго признавали общимъ другомъ ихъ обоихъ. Но такъ какъ Императоръ совершенно привязалъ къ себѣ Вольсея, то предложеніе его было самое коварное и самое пагубное для Короля Французскаго (1).

Карлъ, не взирая на пристрастную любовь свою къ Нидерландамъ, къ странѣ, гдѣ онъ родился, пробылъ въ ней недолго; принявъ привѣтствія и поздравленія отъ своихъ соотечественниковъ, онъ поспѣшилъ въ Ахенъ, назначенный Золотою Буллою мѣстомъ коронованія Императоровъ. Здѣсь (23 Октября), въ присутствіи многочисленнаго и блестящаго собранія, какого еще не бывало прежде въ подобныхъ случаяхъ, возложили на главу его корону Карла Великаго со всею пышною торжественностію, которую Германцы наблюдаютъ въ важныхъ обрядахъ и признаютъ необходимою для достоинства своей Имперіи (2).

Почти въ то же время Солиманъ Блистательный, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ и побѣдоносныхъ Султановъ Турецкихъ, постоянный и

(1) Herbert, 37.

(2) Hartman. Mauri Relatio Coronat. Car. V, ap. Goldast. Polit. Imperial. Franc. 1614, fol. p. 264.

грозный соперникъ Императора, вступилъ на престолъ Оттоманскій. Такимъ образомъ періодъ, описываемый нами, особенно достопамятенъ Монархами, знаменитѣе которыхъ дотолѣ еще не видала Европа. Леонъ, Карлъ, Францискъ, Генрихъ и Солиманъ, даже порознь прославили бы всякій вѣкъ своими способностями. Но такое созвѣздіе великихъ Государей озарило необыкновеннымъ блескомъ шестнадцатое столѣтіе. Въ каждую войну боролись великія силы, подкрѣпляемыя великими доблестями; одинаковое мужество и благоразуміе противныхъ сторонъ, уравнивая ихъ напряженія, не только производили разнообразіе въ событіяхъ, по которымъ занимательна Исторія того времени, но и препятствовали каждому Государю пріобрѣсти превосходство въ могуществѣ, опасное для другихъ.

Первымъ дѣломъ Императора въ Германіи было назначеніе Имперскаго Сейма въ Вормсѣ, шестаго Января тысяча пятьсотъ двадцать перваго года; въ окружныхъ грамотахъ къ Князьямъ, онъ извѣщалъ, что приглашаетъ ихъ на съѣздъ для совѣщанія, какими мѣрами остановить успѣхи новыхъ и опасныхъ мнѣній, грозившихъ нарушить миръ въ Германіи и ниспровергнуть Вѣру, въ ней утвержденную.

Карлъ имѣлъ въ виду мнѣнія Лютера и его послѣдователей, гремѣвшія съ тысяча пятьсотъ семнадцатаго года. Но такъ какъ они дали поводъ къ преобразованію Вѣры, которое одну часть Европы освободило отъ Папской власти, а въ другой умѣрило ее, и произвело переворотъ въ мысляхъ людей, самый великій послѣ введенія Христіанства; то происшествія, положившія имъ начало и причины быстраго и успѣшнаго ихъ распространенія, заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія.

Поколебать древнее вѣроисповѣданіе, которое поддерживала власть могущественная и защищали умы просвѣщенные и тонкіе; утвердить новое, имѣющее противоположный ему духъ и направленіе, и совершить это, не прибѣгая къ силѣ и оружію, невозможно безъ Божественнаго Промысла, съ невыразимою легкостію творящаго дѣла, по разуму человѣческому несбыточныя. Такъ думаютъ дѣеписатели, чуждые всякаго легкомыслія. Посредничество Неба въ пользу Вѣры Христіанской при первомъ ея благовѣстіи являлось въ чудесахъ и пророчествахъ. Но хотя ни одинъ изъ реформаторовъ не мнилъ обладать этими божественными дарами, однако же та дивная предварительность обстоятельствъ, которая расположила умы къ принятію ихъ ученія, то необыкновенное соединеніе причинъ, которое благопріятствовало ихъ успѣхамъ и дало возможность безсилію и простотѣ восторжествовать надъ могуществомъ и хитростію, должны быть признаны не маловажнымъ доказательствомъ, что Рука, насадившая Вѣру Христіанскую, способствовала и быстрому возрастанію Реформаціи.

Всѣ великія послѣдствія Реформаціи произошли отъ причинъ, повидимому случайныхъ и незначительныхъ. Леонъ X, занявъ престолъ Папскій, увидѣлъ, что церковные доходы были истощены обширными предпріятіями двухъ его честолюбивыхъ предшественниковъ, Александра VI и Юлія II; но самъ онъ, отъ природы щедрый и предпріимчивый, былъ неспособенъ къ строгой и терпѣливой бережливости, необходимой по состоянію казны его. Напротивъ, замыслы возвысить Домъ Медичисовъ, любовь къ великолѣпію и удовольствіямъ и неумѣренность въ награжденіи

людей съ дарованіями, вовлекали его ежедневно въ новыя издержки, для удовлетворенія которыхъ испытаны были всѣ возможныя средства. Между прочими онъ прибѣгнулъ къ продажѣ *индульгенцій.* Индульгенціи изобрѣтены въ одиннадцатомъ столѣтіи Урбаномъ II въ награду тѣмъ, которые лично отправлялись для завоеванія Палестины; потомъ надѣляли ими всякаго, кто найметъ воина съ этою цѣлію, а въ послѣдствіи времени — всякаго, кто пожертвуетъ денегъ на богоугодныя заведенія, учреждаемыя Папою (1). Юлій II давалъ индульгенціи вкладчикамъ на храмъ Св. Петра въ Римѣ, и Леонъ, начавъ великолѣпное и разорительное его сооруженіе, воспользовался тѣмъ же предлогомъ (2).

Продажа индульгенцій въ Германіи съ опредѣленною долею изъ выручаемыхъ денегъ была предоставлена Альберту, Электору Маинцскому и Архіепископу Магдебуржскому, а онъ главнымъ повѣреннымъ для торга ими въ Саксоніи употребилъ Тецеля, Доминиканскаго монаха, человѣка безнравственнаго, но дѣятельнаго и замѣчательнаго своимъ шумнымъ и простонароднымъ краснорѣчіемъ. Тецель съ помощію монаховъ своего ордена исправлялъ ввѣренную ему должность ревностно и успѣшно, но неблагоразумно, безъ надлежащаго приличія. Хотя расходъ на индульгенціи между легковѣрною чернью былъ нѣкоторое время обширенъ и прибыленъ, потому что монахи превозносили пользу ихъ (3) и предлагали за весьма низкую цѣ-

---

(1) History of the Council of Trent, by F. Paul, p. 4.
(2) Palavic. Hist. Counc. Trident. p. 4.
(3) Chemnitii Examen Concilii Tridentini apud Herm. von der Hardt. Hist. Liter. Reform. pars IV, p. 6, 14.

ну, однако же несообразность увѣреній и безпорядочная жизнь продавцевъ возбудили наконецъ всеобщее негодованіе. Князья и дворяне съ гнѣвомъ смотрѣли, какъ на счетъ вассаловъ ихъ наполнялась казна расточительнаго Первосвященника. Люди благочестивые сожалѣли о заблужденіи народа, который, покупая индульгенціи, не радѣлъ болѣе ни о Вѣрѣ, ни о нравственности. Даже самые несмысленные были поражены соблазнительнымъ поведеніемъ Тецеля и его помощниковъ, которые мотали деньги, отдаваемыя съ набожною надеждою получить вѣчное блаженство; всѣ стали желать, чтобы какъ-нибудь пресѣкли торговлю, вредную для общества и гибельную для Вѣры.

Таково было благопріятное обстоятельство, расположившее соотечественниковъ Мартына Лютера внимать рѣчамъ его, когда онъ началъ опровергать дѣйствительность индульгенцій и порицать порочную жизнь и ложное ученіе ихъ раздавателей. Онъ былъ родомъ изъ Эйслебена въ Саксоніи, и хотя произошелъ отъ бѣдныхъ родителей, но получилъ ученое воспитаніе, въ продолженіе котораго далъ замѣтить въ себѣ необыкновенную силу и остроту ума. Расположенный отъ природы къ глубокимъ чувствованіямъ и къ набожнымъ думамъ, онъ полюбилъ уединеніе и святость иноческой жизни, удалился въ обитель Августинскихъ монаховъ и вступилъ въ ихъ орденъ, противъ воли своихъ родителей. Въ монастырѣ Лютеръ скоро отличился не только благочестіемъ, но любовію къ наукамъ и прилежаніемъ неутомимымъ. Искусные наставники преподавали ему Схоластическую Философію и Богословіе, и онъ не имѣлъ недостатка въ проницательности, чтобы понять тьму тон-

костей, ихъ отличающую; но ему скоро надоѣли безполезныя мудрствованія: получивъ отъ природы здравый разумъ, возносившійся надъ суетою, Лютеръ искалъ прочнѣйшей основы знанію и благочестію въ Священномъ Писаніи. Найдя списокъ Библіи въ монастырскомъ книгохранилищѣ, онъ оставилъ всѣ прочія занятія, и посвятилъ себя ея изученію съ такою охотою и ревностію, что изумилъ монаховъ, не привыкшихъ почерпать богословскихъ свѣдѣній изъ этого источника. Великіе успѣхи Лютера въ такомъ необыкновенномъ занятіи до того увеличили славу его святости и учености, что Фридрихъ, Электоръ Саксонскій, основавъ Университетъ въ своемъ мѣстопребываніи, Виттембергѣ на Эльбѣ, избралъ его преподавателемъ сперва Философіи, а потомъ Богословія, и Лютеръ такъ отлично отправлялъ обѣ эти должности, что почитался главнымъ украшеніемъ Университета.

Когда Лютеръ стоялъ на высотѣ своей славы и силы, Тецель началъ проповѣдывать индульгенціи въ окрестностяхъ Виттемберга и приписывать имъ ту же мечтательную силу, которая въ другихъ мѣстахъ обманывала легковѣрный народъ. Саксонія не была просвѣщеннѣе прочихъ областей Германскихъ, и потому Тецель имѣлъ въ ней великій успѣхъ. Лютеръ наблюдалъ съ глубокимъ вниманіемъ хитрости продававшихъ индульгенціи и простоту покупателей. Мнѣнія Ѳомы Аквинаса и другихъ Схоластиковъ, на которыхъ основалось ученіе объ индульгенціяхъ, уже потеряли въ глазахъ его почти всю силу, а Священное Писаніе, которымъ онъ сталъ повѣрять всѣ богословскія истины, не давало никакого повода къ обычаю, гибельному для Вѣры и нравовъ. Пылкій и стремительный нравъ не позволилъ ему до-

лѣе таить этихъ важныхъ открытій и молча смотрѣть на заблужденіе своихъ соотечественниковъ. Съ каѳедры въ Соборѣ Виттембергскомъ грозно возгремѣлъ онъ противъ безпорядочной жизни проповѣдниковъ индульгенцій; дерзнулъ изслѣдовать ученіе ихъ, и доказалъ народу, какъ опасно полагаться въ спасеніи на всякія другія средства, кромѣ указанныхъ самимъ Богомъ въ Словѣ Его. Смѣлость и новость этихъ мнѣній привлекла всеобщее вниманіе; подкрѣпляемыя личнымъ нравомъ Лютера и изложенныя просто и убѣдительно, они произвели глубокое впечатлѣніе на слушателей. Ободренный благопріятнымъ пріемомъ своего ученія въ народѣ, онъ писалъ къ Альберту, Электору Маинцскому и Архіепископу Магдебуржскому, сильно возставая на ложность мнѣній и развратную жизнь проповѣдниковъ индульгенцій; но Прелатъ и не думалъ исправить злоупотребленія, съ успѣхомъ котораго были тѣсно сопряжены собственныя его выгоды. Тогда Лютеръ рѣшился привлечь на свою сторону людей ученыхъ. Съ этой цѣлію онъ издалъ девяносто пять положеній, содержавшихъ мысли его объ индульгенціяхъ. Онъ предложилъ ихъ не за истины несомнѣнныя, но въ видѣ спорныхъ статей, и назначилъ день, въ который приглашалъ ученыхъ или возражать лично, или прислать письменныя опроверженія, торжественно объявляя въ вызовѣ глубокое свое уваженіе къ Апостольскому Престолу. Въ назначенное время не явился ни одинъ противникъ; положенія распространились по Германіи съ быстротою невѣроятною; ихъ читали съ жадностію, и всѣ дивились смѣлости человѣка, который дерзнулъ навесть сомнѣніе на полноту Папской власти, и возстать

противъ Доминиканцевъ, вооруженныхъ всѣми ужасами инквизиторства (1).

Августинскіе монахи, одного ордена съ Лютеромъ, хотя были привержены къ Папскому престолу не менѣе другихъ монашескихъ братствъ, однакожъ не препятствовали проповѣданію этихъ необыкновенныхъ мнѣній. Лютеръ благочестіемъ и ученостію пріобрѣлъ великое вліяніе на свою братію; къ тому же, онъ изъявлялъ глубочайшее уваженіе къ Папской власти, изъявленіе въ то время искреннее; и сами Августинцы (по тайной непріязни, которая существуетъ между всѣми монашескими орденами Римской церкви изъ корысти и соревнованія) очень радовались посрамленію Доминиканцевъ, и надѣялись, что народъ возненавидитъ и станетъ презирать ихъ. Даже Электоръ Саксонскій, мудрѣйшій тогда Правитель въ Германіи, не безъ удовольствія видѣлъ преграду, поставленную раздачѣ индульгенцій. Онъ тайнымъ образомъ ободрялъ Лютера и льстилъ себя мыслію, что новый споръ между самими духовными сколько нибудь обуздаетъ поборы Римскаго Двора, которымъ свѣтскіе Государи издавна, но безуспѣшно, противились.

Немедленно возстали многіе ревностные поборники защищать мнѣнія, служившія основою богатству и власти церковной. Противъ Лютеровыхъ положеній Тецель издалъ во Франкфуртѣ на Одерѣ противуположенія; Экцій, извѣстный богословъ Аугсбуржскій, также старался опровергнуть Лютера; а Пріеріасъ, Доминиканецъ,

(1) Lutheri Opera, Jenae, 1612, vol. I, prefat. 3, p. 2, 66. Hist. of the Council of Trent, by F. Paul. p. 4. Seckend. Com. Apol. p. 16.

главный Инквизиторъ, возражалъ ему со всею ѣдкостію схоластика. Но это словопреніе мало принесло имъ пользы. Лютеръ доказывалъ несправедливость индульгенцій доводами, основанными на разумѣ, или почерпнутыми изъ Священнаго Писанія, а они ссылались только на мнѣнія схоластиковъ, на Каноническое Право и Папскіе указы (1). Народъ не довольствовался приговорами

---

(1) Гвичардини, говоря о первомъ проповѣданіи индульгенцій, утверждаетъ: 1) что Леонъ подарилъ прибыль отъ продажи ихъ въ Саксоніи и смежныхъ съ нею областяхъ Германскихъ сестрѣ своей Магдалинѣ, женѣ Франчешетто Чибо. Guic. lib. XIII. 168. 2) Что Арчембольдо, Генуезскій духовный, который родился купцемъ и зналъ еще всѣ торговые обороты, назначенъ былъ ею для сбора денегъ за индульгенціи. Отецъ Павелъ слѣдуетъ Гвичардини въ обоихъ этихъ случаяхъ и прибавляетъ, что въ Саксоніи Августинцы употреблялись съ незапамятныхъ временъ для продажи индульгенцій; но Арчембольдо и его повѣренные, надѣясь болѣе выиграть, поруча продажу Доминиканцамъ, условились въ ней съ Тецелемъ, а желаніе отмстить за свой орденъ подало Лютеру первый поводъ къ возстанію на Тецеля и его помощниковъ. F. Paul. p. 5. Съ тѣхъ поръ почти всѣ Историки, Паписты и Протестанты, принимали эти слова за истину безъ всякаго изслѣдованія. Но не взирая на согласное свидѣтельство двухъ писателей, столь знаменитыхъ своею точностію и правдивостію, мы можемъ замѣтить:

1. Что Феликсъ Контолори, разбирая Папскій архивъ, не нашелъ ни слова о мнимомъ дарѣ Леона сестрѣ своей въ тѣхъ бумагахъ, въ которыхъ надлежало быть объ этомъ упомянуто. Palav. p. 5. — 2) Что прибыль отъ продажи индульгенцій въ Саксоніи и смежныхъ странахъ пожалована была не Магдалинѣ, но Альберту, Архіепископу Маинцскому, который властенъ былъ поручать ихъ раздачу кому заблагоразсудитъ. Seck. p. 12. Luth. Oper. 1. praef. p. 1. Palav. p. 6. — 3) Что Арчембольдо никогда не участвовалъ въ обнародованіи индульгенцій по Германіи; удѣломъ его были Фландрія и округи Верхне-и Нижне-Рейнскій. Seck. p. 14. Palav. p. 6. —

такихъ пристрастныхъ судей и началъ сомнѣваться даже въ силѣ свидѣтельствъ, на которыя они опирались, когда узналъ совершенное ихъ противорѣчіе разуму и предписаніямъ божественнаго закона.

Между тѣмъ эти новости въ Лютеровомъ ученіи, занимавшія всю Германію, почти не обратили на себя вниманія Римскаго Двора и не возбудили въ немъ никакого безпокойства. Леонъ, пристрастный къ роскошнымъ и утонченнымъ удовольствіямъ, углубленный въ важные политическіе замыслы и чуждый богословскихъ преній, весьма равнодушно смотрѣлъ на дѣйствія простаго монаха, который вглуби Германіи велъ схо-

4) Что Лютеръ и послѣдователи его никогда не упоминаютъ объ этомъ дарѣ Леона своей сестрѣ, хотя мудрено, чтобъ они не знали объ немъ, а знавши, молчали. — 5. Проповѣданіе индульгенцій въ Германіи не всегда поручалось Августинцамъ. Юлій II три раза избиралъ для этого Францисканцевъ, а незадолго до настоящаго времени продавали ихъ Доминиканцы. Palav. p. 66. — 6) Раздача ихъ, возбудившая первое негодованіе Лютера, ввѣрена была Архіепископу Маинцскому вмѣстѣ съ настоятелемъ Францисканцевъ; но такъ какъ послѣдній уклонился отъ даннаго ему порученія, то все право осталось въ рукахъ Архіепископа. Palav. 6. Seck. 16. 17. — 7) Не настоятели Августинскіе подстрекнули Лютера напасть на Доминиканцевъ, своихъ соперниковъ, и онъ порицалъ индульгенціи не по тому, что именно Доминиканцы продавали ихъ, но вооружился противъ мнѣній и пороковъ Тецеля и его помощниковъ по причинамъ, болѣе похвальнымъ. Seck. pag. 15, 32; Lutheri Opera I. p. 64, 68. Герм. фонъ деръ Гардтъ издалъ грамоту объ индульгенціяхъ, данную на имя настоятеля Францисканцевъ и Архіепископа, хотя первый и не дѣйствовалъ. Въ ней назначены предѣлы страны, на которую простиралась власть ихъ, именно: округи Маинцскій, Магдебуржскій, Гальберштадтскій и земли Маркиза Бранденбуржскаго. Hist. Literaria Reformat. pars. IV, p. 14.

ластическій споръ на языкѣ варварскомъ. Нисколько не опасался онъ, и самому Лютеру никогда не приходило въ голову, чтобы слѣдствія этой ссоры были такъ пагубны для Папскаго престола. Леонъ приписывалъ все дѣло Орденской непріязни и зависти, и, казалось, хотѣлъ остаться въ сторонѣ и дать волю Августинцамъ и Доминиканцамъ спорить съ обыкновеннымъ ихъ ожесточеніемъ.

Однако же просьбы противниковъ Лютера, до крайности раздраженныхъ смѣлымъ и строгимъ разборомъ своихъ сочиненій, и удивительные успѣхи новой проповѣди въ различныхъ Нѣмецкихъ земляхъ, привлекли наконецъ вниманіе Римскаго Двора и побудили Леона принять мѣры для защиты Церкви отъ нападенія, начавшаго казаться уже опаснымъ. Онъ велѣлъ Лютеру явиться черезъ два мѣсяца въ Римъ (Іюля, 1518 г.) къ Камеральному Аудитору и тому самому Пріеріасу, о которомъ мы упоминали, а имъ поручилъ разобрать его ученіе и рѣшить, какого оно свойства. Въ то же время Леонъ убѣждалъ Электора Саксонскаго не покровительствовать человѣку, распространявшему еретическія, богопротивныя мысли, отвратительныя для слуха благочестивыхъ, а Главѣ Августинцевъ предписывалъ смирить духовною властію дерзость высокомѣрнаго сочлена, который безчестилъ собою Орденъ Св. Августина, оскорблялъ и возмущалъ всю Церковь.

Изъ содержанія Папскихъ писемъ и самаго назначенія такого пристрастнаго судьи, какъ Пріеріасъ, Лютеръ ясно увидѣлъ, чего ожидать ему въ Римѣ. Онъ употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобы дѣло его судили въ Германіи, и притомъ люди, менѣе подозрительные. Универси-

тетъ Виттембергскій, страшась за безопасность человѣка, приносившаго ему столько чести, представилъ Папѣ благовидные предлоги, по котоpымъ Лютеръ не могъ явиться въ Римъ, и ходатайствовалъ о милости поручить разсмотрѣніе новыхъ мнѣній ученымъ и почтеннымъ особамъ въ Германіи. Электоръ просилъ о томъ же Папскаго Легата на съѣздѣ Аугсбуржскомъ; самъ Лютеръ, который въ то время столько почиталъ Папскую власть, что нимало не сомнѣвался въ божественномъ ея происхожденіи, написалъ къ Леону самое почтительное письмо, обѣщая ему безусловное повиновеніе. Папа оказалъ снисходительность: уполномочилъ выслушать и рѣшить Лютерово дѣло — своего Легата въ Германіи, Кардинала Каэтана, Доминиканца, извѣстнаго схоластическою ученостію и непоколебимою преданностію Римскому престолу.

Хотя Лютеръ имѣлъ уважительную причину избѣгать судьи, выбраннаго изъ явныхъ его противниковъ, однакожъ не колебался явиться къ Каэтану, и, получивъ отъ Императора охранную грамоту, немедленно прибылъ въ Аугсбургъ. Кардиналъ принялъ его вѣжливо и сначала старался расположить его къ уступчивости ласковымъ обращеніемъ, а потомъ, надѣясь на превосходныя свои познанія въ Богословіи, вступилъ съ нимъ въ споръ объ его ученіи (1) и заимствовалъ свои возраженія изъ Папскихъ указовъ и изъ мнѣній схоластиковъ. Лютеръ защищался, основываясь на книгахъ Завѣта Божія. Видя безплодность своихъ доказательствъ, Кардиналъ оста-

---

(1) Beausobre, Histoire de la Reformation, vol. I, p. 121 etc. Seckend. lib. I, p. 46, etc.

вилъ словосостязаніе и, въ качествѣ судьи, требовалъ апостольскою властію, которою былъ облеченъ, чтобы Лютеръ отрекся отъ заблужденій своихъ касательно индульгенцій и существа Вѣры, и впередъ не проповѣдывалъ новыхъ и опасныхъ мнѣній. Реформаторъ, глубоко увѣренный въ ихъ истинѣ и собственнымъ сознаніемъ и одобреніемъ особъ, знаменитыхъ ученостію и благочестіемъ, былъ пораженъ такимъ внезапнымъ требованіемъ, безъ всякихъ предварительныхъ опытовъ убѣдить его, что онъ заблуждался. Онъ льстилъ себя мыслію, что въ бесѣдѣ о спорныхъ статьяхъ съ Прелатомъ, знаменитымъ способностями, онъ могъ опровергнуть многія обидныя клеветы своихъ невѣжественныхъ и злобныхъ противниковъ; но повелительный тонъ Кардинала вдругъ уничтожилъ всѣ его надежды. Однако природная неустрашимость духа не оставила Лютера. Онъ объявилъ твердо и рѣшительно, что совѣсть запрещала ему отречься отъ мнѣній, которыя онъ признавалъ истинными, и что никакая власть не принудитъ его къ поступку, низкому въ самомъ себѣ и оскорбительному для Бога. Въ то же время онъ съ прежнею почтительностію говорилъ о престолѣ Апостольскомъ (1); обнаружилъ готовность отдать всю распрю на рѣшеніе нѣкоторыхъ названныхъ имъ Университетовъ, и обѣщалъ впередъ ни писать, ни проповѣдовать объ индульгенціяхъ, если и противникамъ его также велятъ молчать объ нихъ (1). Каэтанъ не хотѣлъ ничего слушать, упорно настаивалъ въ прежнемъ своемъ требованіи, грозилъ Лютеру гнѣвомъ Церкви,

---

(1) Lutheri. Oper. vol. I, p. 164.
(2) Ibid. p. 160.

сказалъ, чтобы онъ не смѣлъ опять являться къ нему, если тотчасъ не рѣшится исполнить его приказанія. Эта надмѣнность и притѣсненіе, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, подали друзьямъ Лютера сильныя причины подозрѣвать, что даже и охранная Императорская грамота не спасетъ его отъ власти и мщенія Легата. Они уговорили твердаго мужа тайнымъ образомъ оставить Аугсбургъ и возвратиться въ Виттембергъ; но передъ отъѣздомъ, слѣдуя не многимъ бывшимъ примѣрамъ, онъ написалъ (Окт. 18) торжественный отзывъ отъ Папы, худо знавшаго объ его дѣлѣ, къ Папѣ, который получитъ объ немъ лучшія свѣдѣнія (1).

Каэтанъ, раздраженный внезапнымъ удаленіемъ Лютера и изданіемъ въ свѣтъ его отзыва, жаловался на то и другое Электору Саксонскому и требовалъ, чтобы онъ или отослалъ мятежнаго монаха подъ стражею въ Римъ, или изгналъ его изъ своихъ владѣній, если уважаетъ миръ Церкви и власть Главы ея. Фридрихъ не изъ богословскихъ видовъ поддерживалъ до этого времени Лютера: его, кажется, мало занимали духовные споры. Покровительство его основывалось, какъ мы уже замѣтили, почти совершенно на причинахъ политическихъ, и оказывалось съ великою тайною и осторожностію. Онъ не слыхалъ ни одной проповѣди, не читалъ никакихъ сочиненій Лютера, и ни разу не призывалъ его къ себѣ, хотя имя этого мужа гремѣло по всей Германіи (2). Но при требованіи Кардинала надлежало нѣсколько оставить прежнюю скрытность. Основаніе но-

---

(1) Sleid. Hist. of Reform. p. 7. Seckend. p. 45. Luth. Oper. I, 163.
(2) Seckend. p. 27. Sleid. Hist. p. 12.

ваго Университета стоило Фридриху большихъ издержекъ; онъ прилагалъ объ немъ великое попеченіе, какъ о предметѣ весьма важномъ для каждаго Германскаго Князя; предвидя же, какой гибельный ударъ нанесетъ славѣ Университета удаленіе Лютера (1), онъ подъ различными предлогами, и притомъ со всѣми знаками уваженія къ Кардиналу, уклонялся удовлетворить его требованія и явно обнаруживалъ великую заботливость о безопасности Лютера (2).

Непоколебимая строгость, съ которою Каэтанъ настаивалъ, чтобы Лютеръ безусловно отрекся отъ своихъ мнѣній, весьма оскорбила послѣдователей Реформатора въ томъ вѣкѣ, и даже нѣкоторые Католическіе писатели называли ее потомъ неблагоразумною. Но Легату не возможно было иначе дѣйствовать. Судьи, къ которымъ вызывали Лютера въ Римъ, такъ усердствовали показать ревность свою, что еще прежде двухмѣсячнаго срока, назначеннаго ему для явки къ отвѣту, осудили его, какъ еретика (3). Самъ Леонъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ и письмахъ называлъ его чадомъ беззаконія и лжеучителемъ окаяннымъ. Слѣдовательно, одно только полное, вынужденное у него отреченіе отъ новыхъ мыслей, имъ проповѣданныхъ, могло сохранить честь Римской Церкви, которая поставила себѣ за правило ни на шагъ не отступать отъ того, что приняла однажды, и даже почитаетъ себя въ правѣ дѣйствовать такимъ образомъ по притязаніямъ своимъ на безгрѣшность.

---

(1) Seckend. p. 59.
(2) Sleid. Hist. p. 10. Luth. Oper. I, 172.
(3) Luth. Oper. I, 161.

Между тѣмъ положеніе Лютера исполнило бы всякаго другаго самыхъ мучительныхъ опасеній. Онъ не могъ ожидать, чтобы такой благоразумный и осторожный Государь, какъ Фридрихъ, сталъ изъ-за него накликать на себя громы Церкви и бороться съ могуществомъ Папскимъ, которое сокрушало сильнѣйшихъ Императоровъ Германіи. Онъ зналъ, какъ благоговѣли въ то время къ церковнымъ приговорамъ, какой ужасъ вселяли церковныя наказанія, и какъ легко могли они устрашить и поколебать Государя, который покровительствовалъ ему изъ политики, а не былъ ученикомъ его по искреннему убѣжденію. Еслибъ ему довелось оставить Саксонію, то онъ не нашелъ бы себѣ пріюта и подвергся бы суевѣрному мщенію враговъ своихъ. Чувствуя эту опасность, Лютеръ не робѣлъ и не предавался унынію, но еще смѣлѣе защищалъ свое поведеніе и мысли, еще сильнѣе разилъ своихъ противниковъ (1).

Однако всѣ дѣйствія Римскаго Двора, и въ особенности опрометчивый, неправосудный приговоръ его, предвѣщали близкую опасность Лютеру, и потому онъ употребилъ единственное, оставшееся ему средство, чтобы предупредить слѣдствія Папскаго гнѣва: требовалъ всеобщаго собора, который, утверждалъ онъ, есть истинный представитель Католической Церкви, и имѣетъ высшую власть, нежели Папа, человѣкъ съ недостатками, способный согрѣшать, подобно Св. Петру, совершеннѣйшему изъ своихъ предшественниковъ (1).

---

(1) Seckend p. 59.
(1) Sleid. Hist. 12. Luth. Oper. I, 179.

Вскорѣ оказалось, что заключенія Лютера о намѣреніяхъ Римской Церкви не были неосновательны. Папа издалъ грамоту (буллу), въ которой говорилъ о силѣ и дѣйственности индульгенцій такъ же, какъ предшественники его въ самые невѣжественные вѣки, и, нисколько не примѣняясь къ обстоятельствамъ времени, когда надлежало успокоить умы снисходительностію, требовалъ, чтобы всѣ Христіане несомнѣнно вѣрили ученію Католической Церкви и подвергалъ самымъ тяжкимъ духовнымъ наказаніямъ всякаго, кто будетъ держаться противныхъ мнѣній и проповѣдывать ихъ.

Эта грамота имѣла не много вліянія на послѣдователей Лютера; они почитали ее непростительнымъ усиліемъ Леона удержать богатые доходы отъ индульгенцій. Напротивъ, требованіе Папы, подкрѣпленное страшными угрозами, произвело бы на прочихъ соотечественниковъ реформатора впечатлѣніе, пагубное для его дѣла, если бы опасность не была отвращена смертію Императора Максимиліана (Янв. 17го 1519 г.), который по своимъ правиламъ и разсчетамъ поддерживалъ власть Святаго Престола. Въ слѣдствіе этого происшествія часть Германіи, управляемая по Саксонскимъ законамъ, была поручена Фридриху, а подъ сѣнію кроткаго владычества Электора Саксонскаго не только самъ Лютеръ наслаждался спокойствіемъ, но и мнѣнія его, во все междуцарствіе, продолжавшееся до избранія Карла, въ различныхъ мѣстахъ укоренялись, возрастали въ силѣ и крѣпости. Къ тому же Леонъ, почитая выборъ Императора гораздо важнѣе непонятной для него богословской распри, послѣдствій которой онъ не предвидѣлъ, и опасаясь прогнѣвить Государя, имѣвшаго такое великое

вліяніе на Электоральный Совѣтъ, какъ Фридрихъ, не хотѣлъ приговорить Лютера къ отлученію отъ Церкви, хотя противники реформатора требовали этого съ самою неотступною докучливостію.

Такимъ образомъ политическіе виды Папы и природное его отвращеніе къ строгимъ мѣрамъ, остановили преслѣдованіе Лютера на цѣлые полтора года. Между тѣмъ шли непрерывные переговоры, чтобы окончить дѣло миролюбивымъ образомъ. Въ продолженіе ихъ Лютеръ, имѣя много случаевъ замѣтить поврежденную нравственность Римскаго Двора, упорство его держаться принятыхъ заблужденій и равнодушіе къ истинѣ, какъ бы ясно она ни излагалась, и какъ бы сильно ни доказывалась, началъ изъявлять нѣкоторыя сомнѣнія относительно происхожденія Папской власти. Онъ имѣлъ даже въ Лейпцигѣ торжественное состязаніе объ этомъ важномъ предметѣ съ Экціемъ, однимъ изъ самыхъ ученыхъ и самыхъ грозныхъ своихъ противниковъ, но безплодное и нерѣшительное, подобно всѣмъ схоластическимъ преніямъ. Обѣ стороны присвоивали себѣ побѣду, обѣ утвердились въ своихъ собственныхъ мысляхъ, а спорный предметъ остался необъясненъ (1).

Духъ противоборства догматамъ и присвоеніямъ Римской Церкви пробудился не въ одной Саксоніи; около этого же времени и по тѣмъ же причинамъ подверглись они въ Швейцаріи не менѣе жестокому нападенію. Францисканцы, продававшіе здѣсь индульгенціи, поступали съ такимъ же неблагоразуміемъ, которое въ Германіи

---

(1) Luth. Oper. I. 199.

навлекло ненависть на Доминиканцевъ. Однако они дѣйствовали успѣшно до самаго прибытія въ Цирихъ. Тутъ Цвинглій, неуступавшій Лютеру въ ревности и неустрашимости, дерзнулъ имъ противиться. Одушевленный республиканской отвагою, и свободный отъ тѣхъ узъ подданства, которые связывали Германскаго преобразователя, онъ смѣлѣе и быстрѣе сталъ разрушать зданіе Іерархіи (1). Появленіе и успѣхи сильнаго помощника весьма обрадовали Лютера, хотя съ другой стороны приговоры Университетовъ Кельнскаго и Лувенскаго, которые назвали всѣ новыя богословскія мысли заблужденіемъ, доставили великое торжество его противникамъ.

Но Лютеръ, безтрепетный духъ котораго пріобрѣталъ свѣжую бодрость отъ всякаго препятствія, переходя въ своихъ изслѣдованіяхъ и нападеніяхъ отъ одного догмата къ другому, началъ потрясать твердѣйшія опоры богатства и власти церковной. Леонъ убѣдился наконецъ, что всѣ надежды на обращеніе его кротостію были тщетны; многіе Прелаты, отличные по своему благоразумію, жаловались не менѣе личныхъ враговъ Лютера на неслыханное терпѣніе Папы, позволявшаго такъ долго оставаться въ нѣдрахъ Церкви закоренѣлому еретику, который цѣлые три года попиралъ все, что ни есть священнаго въ мнѣніи людей. Достоинство Римскаго престола необходимо требовало рѣшительныхъ мѣръ; ревностные Католики надѣялись, что новый Императоръ поддержитъ власть Папскую и почитали невѣроятнымъ, чтобы Электоръ Саксонскій, забывъ обыкновенную свою осторожность,

---

(1) Sleid. Hist. 22. Seckend. 59.

сталъ противиться соединенному ихъ могуществу. Кардиналы часто сбирались обдумывать надлежащій приговоръ, и совѣтовались съ искуснѣйшими Канониками, какъ дать ему всеобъемлющую силу. Наконецъ пятнадцатаго Іюня тысяча пять сотъ двадцатаго года вышла грамота (булла), гибельная для Римской Церкви. Въ ней названо ересью, соблазномъ и нечестіемъ — сорокъ одно положеніе, взятое изъ Лютеровыхъ сочиненій; она запрещала читать ихъ подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, повелѣвала бросить ихъ въ огонь всякому, у кого они были; самаго Лютера, если онъ въ шестьдесятъ дней торжественно не отречется отъ своихъ заблужденій и не сожжетъ своихъ книгъ, объявляла закоснѣлымъ еретикомъ, отлучала отъ Церкви и предавала сатанѣ на мученіе; а свѣтскимъ Князьямъ предписывала, подъ страхомъ тѣхъ же наказаній, выдать Лютера, чтобы онъ понесъ достойную казнь за свои преступленія (1).

Обнародованіе этой грамоты въ Германіи возбудило различныя страсти. Противники Лютера ликовали, какъ будто сторона его и мнѣнія вдругъ сражены были рѣшительнымъ ударомъ. Послѣдователи его, благоговѣніе которыхъ къ Папской власти съ каждымъ днемъ умалялось, читали проклятія Леона болѣе съ негодованіемъ, нежели съ ужасомъ. Въ иныхъ городахъ народъ сильно противился объявленію грамоты, въ другихъ наносили обиды глашатаямъ, грамоту рвали и топтали ногами (2).

Что касается до самаго Лютера, то этотъ приговоръ, имъ съ нѣкотораго времени ожидае-

---

(1) Palavic. 27. Luth. Oper. I, 423.

(2) Seckend. p. 116.

мый, не смутилъ и не устрашилъ его. Возобновивъ требованіе всеобщаго Собора (17 Ноября), онъ издалъ замѣчанія на отлучительную грамоту (буллу), и убѣдясь теперь, что Леонъ поступалъ съ нимъ противно божескимъ и человѣческимъ законамъ, смѣло объявилъ Папу сыномъ грѣха, или Антихристомъ, о появленіи котораго предречено въ Новомъ Завѣтѣ; вопіялъ противъ его самовластія и присвоеній еще сильнѣе, нежели прежде; увѣщавалъ Государей Христіанскихъ свергнуть ихъ постыдное иго, и хвалился собственнымъ счастіемъ, что сталъ предметомъ гоненія Церкви за защиту свободы людей. Однакожъ онъ не одними словами доказывалъ свое презрѣніе къ Папской власти. Леонъ, согласно съ своею грамотою, велѣлъ сжечь всѣ Лютеровы книги въ Римѣ, и Лютеръ, по праву возмездія, съ великою пышностію, ввергнулъ въ огонь Каноническое Право и отлучительную грамоту, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ Виттембергскаго Университета и множества зрителей. Примѣру его подражали во многихъ городахъ Нѣмецкихъ. Оправданіе въ этомъ поступкѣ было еще оскорбительнѣе. Выбравъ изъ Каноническаго Права самыя рѣзкія статьи о полнотѣ и всемогуществѣ Папской власти и о подчиненности ей всякаго свѣтскаго начальства, Лютеръ издалъ ихъ съ толкованіемъ, что онѣ противны божественному закону и видимо стремятся къ ниспроверженію всѣхъ мірскихъ престоловъ (1).

Таковы были успѣхи Лютера и положеніе стороны его, когда Карлъ прибылъ въ Германію. Еще ни одинъ свѣтскій Государь не принималъ

---

(1) Luth. Oper. II, 316.

Лютеровыхъ мнѣній; еще никакой перемѣны не было введено въ установленныхъ обрядахъ богослуженія; владѣнія и права духовенства оставались неприкосновенными; ни одна сторона не приступала къ дѣйствію, и хотя обѣ поддерживали свою распрю съ жаркимъ участіемъ, но еще употребляли приличное для нея оружіе слова. Однако умы народа были сильно взволнованы; благоговѣніе его къ древнимъ уставамъ и ученію поколебалось; уже заронены были тѣ искры, которыя произвели пожаръ, объявшій всю Германію. Студенты изъ всѣхъ областей Имперіи стекались толпами въ Виттембергъ, слушали уроки Лютера, Меланхтона, Карльштада и другихъ, въ то время славныхъ наставниковъ, и разсѣевались возвѣщать ихъ ученіе своимъ соотечественникамъ, которые съ алчностію къ новизнѣ, свойственною людямъ, внимали новую проповѣдь (1).

Въ продолженіе этихъ происшествій Римскій Дворъ, хотя управляемый однимъ изъ способнѣйшихъ Первосвященниковъ, не принималъ нужныхъ мѣръ съ тѣмъ глубокимъ соображеніемъ и не приводилъ ихъ въ дѣйствіе съ тою непоколебимою твердостію, по которымъ онъ долгое время служилъ образцемъ политической мудрости для прочихъ Дворовъ Европейскихъ. Когда Лютеръ началъ вооружаться противъ индульгенцій, то Папа могъ поступить съ нимъ двумя образами: однимъ онъ вѣроятно бы уничтожилъ, а другимъ, по крайней мѣрѣ, обезвредилъ бы его покушеніе. Еслибъ первый расколъ Лютера тотчасъ же навлекъ на него всю тяжесть церковныхъ проклятій, то они своею грозностію удер-

---

(1) Seckend. 59.

жали бы Электора Саксонскаго отъ покровительства ему, отняли бы у народа охоту слушать реформатора, даже привели бы въ робость самаго Лютера, и онъ, подобно многимъ своимъ предшественникамъ, былъ бы теперь извѣстенъ свѣту только по благородному, но безвременному усилію исправить злоупотребленія Римской Церкви; или, съ другой стороны, если бы Папа съ самаго начала изъявилъ свое негодованіе на пороки и излишества проповѣдниковъ индульгенцій; запретилъ упоминать спорные догматы въ рѣчахъ, обращаемыхъ къ народу; повелѣлъ умолкнуть противникамъ въ богословскихъ мнѣніяхъ; не отваживалъ довѣрія къ Церкви на всѣ случайности, рѣшая вопросы, которые до тѣхъ поръ оставались нерѣшеными: то Лютеръ вѣроятно остановился бы при первыхъ своихъ дѣйствіяхъ; онъ не былъ бы принужденъ для собственной защиты пуститься на новое поприще, и вся распря нечувствительно пришла бы въ забвеніе, или, ограниченная кругомъ однихъ духовныхъ, продолжалась бы такъ же безвредно для мира и единства Римской Церкви, какъ споръ Янсенитовъ и Іезуитовъ о дѣйствіяхъ благодати. Но Леонъ, колеблясь между этими двумя противуположными средствами и принимая то одно, то другое, уничтожилъ слѣдствія ихъ обоихъ. Власть, не кстати употребленная, не смирила Лютера, а раздражила его; неумѣстная же кротость дала время распространиться его мнѣніямъ, ни сколько не примиривъ его съ Церковію, и даже самый отлучительный приговоръ, который въ другихъ обстоятельствахъ могъ имѣть рѣшительное вліяніе, такъ долго отлагался, что наконецъ не возбудилъ уже почти никакого страха.

Столько ошибокъ въ мѣрахъ Двора, рѣдко терявшаго изъ виду истинныя свои пользы, изумляютъ не менѣе благоразумія въ поступкахъ Лютера. Хотя онъ совершенно не зналъ правилъ тонкости человѣческой, и, имѣя пылкій нравъ, былъ неспособенъ соблюдать ихъ; однако самъ по себѣ, по ходу своихъ открытій, онъ принялъ такой образъ дѣйствія, который способствовалъ его успѣхамъ болѣе разсчетовъ самой искусной политики. Возставъ противъ Теделя, онъ и не воображалъ о будущемъ преобразованіи Вѣры; его ужаснула бы одна мысль о томъ, чѣмъ онъ послѣ гордился. Познаніе истины не вдругъ озарило его душу; онъ пріобрѣталъ его неутомимымъ трудомъ и размышленіемъ, а потому имѣлъ и успѣхи постепенные. Догматы Папизма имѣли такую тѣсную связь между собою, что открытіе одного заблужденія въ нихъ естественнымъ образомъ вело къ изобличенію прочихъ; всѣ части этой искуственной системы такъ были соединены вмѣстѣ, что паденіе одной могло поколебать другія въ ихъ основаніи и облегчить разрушеніе цѣлаго. Опровергая ученіе объ индульгенціяхъ, Лютеръ долженъ былъ изслѣдовать, въ чемъ состоитъ истинное наше оправданіе предъ Богомъ и примиреніе съ Нимъ. Открытіе многихъ лжеумствованій дало ему невыгодное понятіе о духовенствѣ, которое ихъ проповѣдовало; огромное богатство послѣдняго, законъ безбрачія и строгость монашескихъ обѣтовъ казались Лютеру главными источниками поврежденной нравственности въ этомъ сословіи. Отсюда оставался одинъ только шагъ до сомнѣнія въ началѣ Папской власти, которая допускала и поддерживала систему заблужденій. Неизбѣжнымъ слѣд-

ствіемъ всѣхъ соображеній Лютера было то, что онъ отвергъ безгрѣшность Папы, мнѣнія схоластиковъ и всякаго ума человѣческаго, а Слово Божіе принялъ образцемъ богословской истины. Эта постепенность въ мѣрахъ доставила реформатору всѣ его успѣхи. Онъ не поражалъ своихъ слушателей вдругъ какою-нибудь новизною, слишкомъ противною стариннымъ ихъ понятіямъ, совершенно несогласною съ принятыми мнѣніями; онъ велъ ихъ нечувствительно отъ одного догмата къ другому. Вѣра и совѣсть ихъ могли быть въ ладу съ его открытіями. Этой же самой причинѣ должно приписать невнимательность и даже равнодушіе Леона къ его дѣйствіямъ. Если бы Лютеръ прямо и сильно напалъ на власть Церкви, то вдругъ навлекъ бы на себя всю тяжесть ея гнѣва; но онъ не имѣлъ и въ мысляхъ дерзновенныхъ намѣреній; напротивъ, онъ долго изъявлялъ великое почтеніе къ Папѣ и готовность повиноваться ему; а по этому никто и не подозрѣвалъ, чтобы онъ сталъ виновникомъ отчаяннаго возмущенія; реформатору давали все болѣе и болѣе подрывать зданіе Церкви до того времени, когда уже никакія средства не могли сохранить его въ цѣлости.

Но быстрымъ и прочнымъ успѣхамъ новаго ученія способствовали не одни ошибки его противниковъ и не одно собственное благоразуміе Лютера. Тѣ же самыя злоупотребленія въ Римской Церкви, которыя онъ порицалъ, были осуждаемы задолго прежде; тѣ же самыя мнѣнія, которыя онъ проповѣдывалъ, уже были благовѣствуемы въ различныхъ мѣстахъ и подкрѣплялись тѣми же доказательствами. Вальдъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, Виклифъ въ четырнадцатомъ и Гуссъ въ пятнадцатомъ, весьма смѣло нападали на несо-

образности Папизма и опровергали ихъ съ такимъ остроуміемъ и ученостію, какихъ не льзя было ожидать въ тѣ столѣтія. Но всѣ преждевременныя покушенія къ реформаціи вышли безплодны. Слабые лучи, неспособные разогнать мрака, облекавшаго тогда Церковь, они скоро гасли, и хотя проповѣдь благочестивыхъ мужей оставила легкое впечатлѣніе во Франціи, Англіи и Богеміи, но не имѣла вліянія обширнаго и значительнаго. Напротивъ, многія важныя причины, которыя не могли дѣйствовать съ полною силою въ прежнія времена, облегчали подвигъ Лютера, и въ роковую пору его появленія стеклись обстоятельства, благопріятныя всѣмъ его мѣрамъ.

Долгій и соблазнительный расколъ въ Церкви въ послѣднюю половину четырнадцатаго и въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, много уменьшилъ благоговѣніе свѣта къ Папскому достоинству. По два и по три Первосвященника появлялись въ одно время въ Европѣ; раболѣпствовали передъ Государями, которыхъ хотѣли привлечь на свою сторону; обременяли сборами тѣ земли, гдѣ были принимаемы, какъ главы Церкви; отлучали отъ нея своихъ соперниковъ и приверженцевъ ихъ и, такимъ образомъ унижая себя и санъ свой, доводили многихъ до сомнѣнія въ своей безгрѣшности. Мірская власть, къ которой относились Папы совмѣстники, узнала, что и ей принадлежитъ нѣкоторое право судить дѣла церковныя, и простерла его даже на избраніе вождей Церкви. Соборы Констанцскій и Базельскій дѣйствіями своими еще болѣе увеличили непочтеніе къ Римскому престолу, и, смѣняя Папъ, показали свѣту, что есть въ Церкви власть выше Папской, которую онъ долго почиталъ верховною.

Еще она не оправилась отъ удара, ей нанесеннаго, какъ первосвященства Александра VI и Юлія II, умныхъ Государей, но недостойныхъ Папъ, произвели новый соблазнъ въ Христіанствѣ. Предосудительное поведеніе перваго въ частной жизни, хитрость, несправедливость и жестокость въ государственномъ управленіи, ставятъ его наровнѣ съ тѣми Вѣнценосцами, дѣла которыхъ — величайшій упрекъ человѣчеству. Послѣдній, чуждый постыдныхъ страстей своего предмѣстника, былъ одержимъ за то ненасытнымъ честолюбіемъ, которому жертвовалъ и благодарностію, и приличіемъ, и справедливостію, если они мѣшали его предпріятіямъ. Мнѣніе о преимуществѣ соборной власти предъ Папскою удивительно распространилось въ первосвященства Александра и Юлія. Императоръ и Французскіе Короли, бывшіе съ ними то въ мирѣ, то въ войнѣ, позволяли своимъ подданнымъ и даже поощряли ихъ обличать пороки Папъ безъ всякой умѣренности, злобно и колко. Такимъ образомъ слухъ людей, привыкнувъ къ этимъ нападеніямъ, уже не пугался смѣлыхъ и насмѣшливыхъ рѣчей Лютера и его послѣдователей на счетъ Папскаго достоинства.

Но не одни главы Церкви отличались пороками; многіе изъ высшаго духовенства, бѣлаго и чернаго, будучи дворянскаго происхожденія и вступая въ духовное званіе по тому только, что находили въ немъ весьма важныя и доходныя мѣста, совершенно нерадѣли объ обязанностяхъ своего сана, безъ всякой осторожности предавались излишествамъ, къ которымъ естественнымъ образомъ влекутъ богатство и лѣнь, и возбуждали къ себѣ сильную ненависть въ народѣ. Хотя бѣдность не допускала низшее духовенство подра-

жать расточительной роскоши своихъ начальниковъ, однако грубое невѣжество и развратъ подвергали его великому неуваженію (1). Строгій законъ безбрачія, простиравшійся вообще на всѣхъ духовныхъ, производилъ такіе соблазны, что въ иныхъ частяхъ Европы священникамъ не только позволяли, но даже обязывали ихъ имѣть наложницъ. Эта мѣра, совершенно противная духу Вѣры Христіанской, есть сильнѣйшее доказательство, что преступленія, противъ которыхъ приняли ее, были многочисленны и явны. Задолго до шестнадцатаго столѣтія многіе знаменитые люди оставили описанія нравственности духовенства, которыя въ настоящій вѣкъ кажутся почти невѣроятными (2). Впрочемъ не

---

(1) Растлѣнное состояніе Церкви до Реформаціи признаетъ одинъ писатель, и весьма способный судить объ немъ и очень неохотно въ немъ сознающійся. „За нѣсколько лѣтъ до Лютеранской и Кальвинической ереси, говоритъ онъ, не было (какъ свидѣтельствуютъ современные писатели) никакой строгости въ церковныхъ судахъ, никакого усмотра за нравственностію духовныхъ, никакого познанія къ священной Словесности и никакого почтенія къ предметамъ божественнымъ. Bellarminus Concio 28. Oper. Tom. 6. col. 296. edit. Colon. 1617, apud Gerdesii Hist. Evan. Renovat. vol. 1. p. 25.

(2) Centum Gravamina. Nat. German. in Fascicul. Rer. Expentend. et Fugiendarum, per Ortuinum Gratium. vol. 1, 361 См. множество мѣстъ объ этомъ предметѣ въ Указателѣ, или второй части, изданной Edw. Brown. См. также: Herm. von der Hardt. Hist. Lit. Reform. pars. 3. и Валхіевы четыре книги подъ названіемъ Monumenta medii aevi. Götting. 1757.

Названные мною писатели исчисляютъ пороки духовенства. Если уже оно отваживалось на преступленія, то конечно не могло разбирать приличія въ своемъ поведеніи. Въ доказательство я приведу слова не какого-нибудь сочинителя, который,

одна эта нравственность, несообразная съ священнымъ саномъ служителей Вѣры, производила великій соблазнъ въ народѣ; міряне, привыкнувъ видѣть, что многіе изъ самаго низкаго званія достигали высокихъ духовныхъ степеней, уже не оказывали слабостямъ ихъ такой снисходительности, какъ излишествамъ особъ, наслѣдственно богатыхъ и знатныхъ, завистливѣе смотрѣли на ихъ достоинство и гораздо строже судили ихъ преступленія. Поэтому для слушателей Лютера и не могло быть ничего пріятнѣе той силы, съ которою онъ возставалъ на неприличное поведеніе духовенства; каждый собственнымъ наблюденіемъ могъ подтвердить истину словъ его.

Легкость получать прощеніе за всякую вину еще болѣе увеличила произведенный соблазнъ. Во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ безсиліе

посвятивъ себя описанію безнравственности духовныхъ, изъ предубѣжденія, или съ умысла могъ преувеличить ихъ пороки, но слова Императора Карла IV. Въ письмѣ своемъ къ Архіепископу Маинцскому, въ 1359 году, онъ убѣждаетъ его исправить безпорядочную жизнь духовенства и выражается слѣдующимъ образомъ:" De Christi patrimonio, ludos, hastiludia et torneamenta exercent; habitum militarem cum praetextis aureis et argenteis gestant, et calceos militares; comam et barbam nutriunt, et nihil quod ad vitam et ordinem ecclesiasticum spectat, ostendunt. Militaribus se duntaxat et secularibus actibus, vita et moribus, in suae salutis dispendium et generale populi scandalum, immiscent." Codex Diplomaticus Anecdotorum. per Val. Ferd. Gudenum, 4ta, vol. III, p. 438. — Т. е. Христово достояніе употребляютъ на игры и карусели; носятъ военную одежду, украшенную золотомъ и серебромъ и обувь военную; ростятъ волосы и бороду, и ничѣмъ не показываютъ, что они принадлежатъ къ духовному чину, но мѣшаются въ военныя и свѣтскія дѣла, ведутъ мірскую жизнь, во вредъ своимъ душамъ и въ общій соблазнъ народу.

гражданской власти при неустроенномъ правленіи, довело до необходимости ослабить строгость правосудія и за извѣстную пеню, предписанную закономъ, освобождать отъ всякаго наказанія даже за самыя ужасныя злодѣйства. Римскій Дворъ, всегда заботившійся о средствахъ увеличить свои доходы, сталъ подражать этому обычаю, и, примѣнивъ его некстати къ обязанностямъ милосердія, давалъ прощеніе всякому преступнику, который могъ купить его. Такъ какъ понятія о денежномъ возмездіи за преступленія были тогда обыкновенны, то эта странная торговля не только не изумляла людей, но даже стала всеобщею, и въ отвращеніе лишнихъ сборовъ Римское казначейство издало роспись, по скольку брать за какой грѣхъ. Діаконъ, виновный въ убійствѣ, прощался за двадцать кронъ; Епископъ, или Аббатъ — за триста ливровъ; всякой духовный за третью часть этой суммы могъ нарушать свой обѣтъ цѣломудрія, хотя бы сопровождавшія обстоятельства были самыя преступныя. Даже цѣнились весьма умѣренно такія ужасныя дѣла, которыя рѣдко встрѣчаются въ человѣческой жизни, и можетъ быть существуютъ только въ нечистомъ воображеніи безбожника. Послѣ введенія въ свѣтскихъ судахъ болѣе правильнаго и совершеннаго судопроизводства, обычай платить пени постепенно выходилъ изъ употребленія; а когда люди получили точнѣйшія понятія о Вѣрѣ и нравственности, то условія, на которыхъ Римскій Дворъ прощалъ преступниковъ, показались противными божественному закону и одною изъ главныхъ причинъ помраченія душевной и тѣлесной чистоты въ духовенствѣ (1).

(1) Fascicul. Rer. expet. et fug. I, 355. J. G. Shelhornii Amaenit. Literar. Francof. 1725, vol. II, 369. Diction. de Bayle, Ar-

Эту испорченность нравовъ его терпѣли бы, можетъ быть, съ большею снисходительностію, если бы непомѣрное богатство и могущество не давали ему въ то же время средствъ угнетать всѣ прочія сословія. Міряне долго не знали предѣловъ щедрости въ отношеніи къ особамъ, которыхъ почитали священными, и думали, что ничѣмъ нельзя такъ выразить почтенія къ нимъ, какъ способствуя ихъ обогащенію и возвышенію. Отсюда произтекли обширные доходы и власть Церкви въ каждой Европейской странѣ, ставшіе наконецъ тягостными для мірянъ, неразумная доброта которыхъ положила имъ начало.

Однако же бремя Іерархіи особенно удручало Германцевъ, и потому они охотнѣе другихъ народовъ внимали призыву освободиться отъ него, хотя отъ природы не стремительны и привержены къ древнимъ своимъ обычаямъ. Въ продолжительные споры и войны между Императорами и Папами о правѣ раздавать высшія духовныя мѣста, большая часть сановнаго духовенства въ Германіи приняла Папскую сторону, и, дѣйствуя противъ главы Имперіи, присвоивала Императорскіе доходы и верховную судебную власть въ своихъ округахъ. По возстановленіи спокойствія Прелаты удержали все, ими захваченное, и какъ бы давностію несправедливаго владѣнія пріобрѣли на то законное право. Императоры, не имѣя силы возвратить отнятыхъ обширныхъ земель своихъ, принуждены были пожаловать ихъ, въ качествѣ ленъ, своимъ непокорнымъ подданнымъ, которые и управляли ими со всѣми льготами и

---

tic. Banck et Tuppius. Taxa Cancellar. Romanae, edit. Francof. 1651, passim.

почестями феодальныхъ Бароновъ. Отъ этого многіе Епископы и Аббаты въ Германіи были не только духовными особами, но вмѣстѣ и Князьями, и болѣе подражали вольнымъ нравамъ, весьма обыкновеннымъ тогда между послѣдними, нежели благочестію, приличному Пастырямъ Церкви (1). Непрочность правленія въ Германіи и частыя войны, ее возмущавшія, способствовали другимъ образомъ усиленію духовенства. Во времена безначалія одна только церковная собственность не подвергалась праву сильнаго. Это происходило не отъ одного уваженія къ священному сану ея владѣтелей, но и отъ страха, который внушало отлученіе за набѣги на ихъ земли. Замѣчая эту выгоду, многіе уступали духовнымъ людямъ свои помѣстья, и соглашаясь владѣть ими, какъ ленами Церкви, пользовались, въ качествѣ вассаловъ ея, особенною безопасностію. Такое умноженіе вассаловъ существенно и прочно усилило могущество духовенства; даже церковныя владѣнія значительно распраспранились, потому что земли обыкновенно были отдаваемы тогда въ ленную собственность на ограниченные сроки и часто возвращались тѣмъ, отъ которыхъ онѣ зависѣли (2).

Старанія духовныхъ о личныхъ своихъ правахъ были еще ревностнѣе и успѣшнѣе, нежели ихъ заботы распространить и обезпечить свою собственность. Посвящаемые въ священнослуженіе съ великою торжественностію, отличаясь отъ другихъ людей одеждою и образомъ жизни, и пользуясь многими особенными преимуществами, они естественнымъ образомъ внушали къ себѣ не-

---

(1) F. Paul History of Ecclesiast. Benefices, p. 107.

(2) Ibid. p. 66. Boulainvilliers Etat de France, tom I, 169. Lond. 1737.

обыкновенное почтеніе. Міряне взирали на нихъ, какъ на существа высшей природы, и думали, что было бы нечестіемъ судить ихъ по свѣтскимъ законамъ и подвергать свѣтскимъ наказаніямъ. Вскорѣ духовные стали требовать уже, какъ права, исключенія изъ гражданскаго вѣдомства, которое получили въ знакъ уваженія, и не только Папы и Соборы, но даже многіе славнѣйшіе Императоры вполнѣ даровали имъ эту важную льготу (1). Особа того, кто оставался въ духовномъ званіи, была священна, и рука свѣтскаго судьи не смѣла до него коснуться, пока онъ не подвергался исключенію изъ среды своихъ собратій. Но это исключеніе зависѣло отъ духовныхъ приказовъ; выхлопотать его стоило большаго труда и значительныхъ издержекъ, и потому виновные весьма часто избавлялись отъ всякой отвѣтственности. Многіе вступали въ духовное сословіе для того только, чтобы спастись отъ наказанія, которое заслужили за дѣла свои (2). Германскіе дворяне громко жаловались, что такихъ людей (3) рѣдко казнили даже за самыя ужасныя преступленія, и называли независимость отъ гражданскаго вѣдомства преимуществомъ, гибельнымъ для общества и для нравственности духовенства.

Ревностно поддерживая собственныя свои права, духовенство, между тѣмъ, непрерывно посягало на мірскія. Всѣ дѣла о бракахъ, завѣщаніяхъ, ростахъ, законности рожденія, и всѣ, прикосновенныя къ церковнымъ доходамъ, предоставлены были духовному вѣдомству, потому что они, казалось,

(1) Goldasti Constitut. Imperial. Francof. 1673, vol II, 92, 107.
(2) Rymer's Foedera, vol. XIII, 532.
(3) Centum Gravam. sect. 31.

имѣли близкое отношеніе къ Вѣрѣ. Недовольное, однако, властію, которая простиралась на половину предметовъ, рождающихъ споры между людьми, духовенство съ чудеснымъ искусствомъ и посредствомъ тысячи вымысловъ старалось перевести и прочія дѣла въ свои приказы (1). Этому благопріятствовалъ самъ народъ, съ большею довѣренностію полагаясь на рѣшенія судей, которые далеко превосходили свѣтскихъ познаніями и способностями, принадлежа къ сословію, обладавшему всею ученостію, извѣстною въ мрачные вѣки. Такимъ образомъ церковныя пользы и расположеніе народа довели свѣтскую судебную власть почти до ничтожества (2). Такимъ образомъ духовенство стало еще могущественнѣе и доходы его много прибавились отъ судныхъ пошлинъ.

Отлученіе, которымъ оно поддерживало присвоенную власть, придавало ей большой вѣсъ и грозность. Это наказаніе было первоначально введено, чтобы сохранять чистоту Церкви, чтобы изъ общества православныхъ исключать закоснѣлыхъ грѣшниковъ, нечестивое ученіе, или скверная жизнь которыхъ служила упрекомъ Христіанству. Духовные не устыдились обратить этой мѣры въ средство для распространенія своего господства надъ людьми и употребляли ее въ самыхъ пустыхъ случаяхъ. Кто не покорялся ихъ рѣшенію даже въ дѣлахъ гражданскихъ, тотъ немедленно навлекалъ на себя страшное отлученіе отъ Церкви, то-есть: лишался не только преимуществъ Христіанина, но даже правъ человѣческихъ (3). Это наказаніе было такъ ужасно,

---

(1) Giannone Hist. of Naples, book XIX, sect. 3.
(2) Centum Gravam. sect. 9, 56, 64.
(3) Centum. Gravam. sect. 34.

что самыхъ свирѣпыхъ и буйныхъ людей дѣлало послушными власти церковной.

Стяжавъ себѣ съ такимъ умомъ богатство и могущество, духовенство не забывало приличныхъ средствъ къ ихъ сохраненію. Владѣнія Церкви, какъ посвященныя Богу, были объявлены неотчуждаемыми, и потому все болѣе и болѣе распространялись отъ ежедневныхъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ Германіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, болѣе половины земельной собственности находилось въ рукахъ духовенства (1). Принадлежавшая ему часть земли въ другихъ странахъ была различна, однако вездѣ очень значительна. Законы освобождали Германское духовенство отъ всѣхъ повинностей (2); если же въ какой-нибудь общественной нуждѣ оно оказывало помощь Правительству, то ее считали добровольнымъ, великодушнымъ пожертвованіемъ, котораго свѣтская власть не имѣла права требовать, а еще менѣе вынуждать. По этой странности въ Германскомъ правленіи, міряне видѣли съ досадою, что на нихъ падало все бремя налоговъ, между тѣмъ какъ самые богатые владѣтели были свободны отъ обязанности поддерживать Государство деньгами и защищать оружіемъ.

Но хотя свѣтскія сословія въ Германіи сильно негодовали на непомѣрное богатство и безчисленныя преимущества духовенства, однако для нихъ еще было бы снонсѣе, если бы эти выгоды принадлежали ихъ соотечественникамъ, которые вѣроятно не стали бы слишкомъ зло-

---

(1) Centum. Gravam. sect. 28.

(2) Centum. Gravam. sect. 28. Goldasti Const. Imper. II, 79, 108. Pfeffel Hist. du Droit. Publ. 350, 374.

употреблять мірскихъ благъ своихъ, или пользоваться своими правами съ неприличною жестокостію. Но Епископы Римскіе, объявивъ, что они верховные и безгрѣшные Главы Церкви Христіанской, (самая высокомѣрная дерзость честолюбія!), успѣли наконецъ въ своихъ притязаніяхъ, противныхъ благу и здравому смыслу людей, посредствомъ глубокомысленной политики, неизмѣннаго постоянства и умѣнья извлекать свою пользу изъ каждаго обстоятельства, которое представлялось имъ набожностію однихъ Государей, нуждами другихъ и легкомысліемъ народа. Надъ Германіею, особенно, Папы властвовали неограниченно. Они отлучали отъ Церкви, низводили съ престола нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ Императоровъ, и вооружали противъ нихъ не только ихъ подданныхъ, но даже ихъ дѣтей. Сами же среди раздоровъ, которые воспламеняли, старались все болѣе распространять права свои, отнимая у свѣтскихъ владѣтелей важнѣйшія ихъ преимущества. Германская Церковь равнымъ образомъ чувствовала всю силу угнетенія, проистекающаго отъ чуждаго господства и отъ алчности иноземцевъ.

Право раздавать духовныя мѣста, похищенное въ тѣ смутныя времена Папами, было пріобрѣтеніемъ весьма важнымъ; оно утвердило духовную власть на развалинахъ свѣтской. Оно долго находилось въ рукахъ Императоровъ и Князей Германскихъ, и способствовало умноженію ихъ могущества и доходовъ. Отнявъ его, Папы стали наполнять Имперію своими кліентами и пріучать множество подданныхъ къ зависимости не отъ Князей, а отъ Римскаго престола; жаловали чужеземцамъ богатѣйшія духовныя мѣста въ каждой области и расточали доходы, отъ

нихъ получаемые, на поддержаніе роскоши Двора своего. Это наконецъ вывело изъ терпѣнія людей даже самыхъ суевѣрныхъ вѣковъ, и ропотъ Германцевъ былъ такъ силенъ, что Первосвященники, опасаясь раздражить ихъ до крайности, согласились, противъ обыкновенія, нѣсколько убавить свои притязанія, и довольствоваться выборомъ только на тѣ мѣста, которыя шесть мѣсяцевъ въ году пробудутъ не заняты, предоставивъ распоряжаться остальными Князьямъ и другимъ законнымъ владѣтелямъ (1).

Но Римскій Дворъ легко находилъ средства уклоняться отъ уступки, такъ много стѣснявшей власть его. Въ каждой странѣ были духовныя мѣста, на которыя могли опредѣлять одни Папы. Они распространили далеко за прежніе предѣлы этотъ давній обычай, не рѣдко возбуждавшій негодованіе. Къ мѣстамъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ Папъ, были причислены всѣ, занимаемыя Кардиналами и кѣмъ-либо изъ многочисленныхъ чиновниковъ Римскаго Двора, равнымъ образомъ тѣми духовными лицами, которымъ случалось умереть въ Римѣ, или на пути за сорокъ миль отъ него; мѣста, праздныя по переводу, и многія другія также вошли въ этотъ составъ; Юлій II и Леонъ часто располагали даже такими мѣстами, на которыя не объявляли никакого права, подъ предлогомъ, что они удержали его за собою мысленно. Но эта власть ихъ, при всей своей обширности, могла простираться лишь на мѣста, дѣйствительно праздныя, и потому Папы, желая обезграничить ее, ввели въ употребленіе *мѣстоожидательныя грамоты*, назна-

(1) F. Paul. Hist. of. Eccles. Benef. 204. Gold. Const. Imper. I, 408.

чавшія преемниковъ духовнымъ лицамъ. Такимъ образомъ Германія была наполнена людьми, зависѣвшими отъ Римскаго Двора, который, жалуя преемничествомъ, перехватилъ у Князей и другихъ свѣтскихъ владѣтелей почти все право духовнаго чинопроизводства (1).

Образъ употребленія этого необычайнаго права особенно возмущалъ Германцевъ. Чрезмѣрное корыстолюбіе Римскаго Двора вошло почти въ пословицу. Продажа духовныхъ мѣстъ была такъ гласна, что даже не думали таить ее, или скрывать подъ другимъ видомъ. Купеческія товарищества открыто брали ихъ на откупъ у Папскихъ чиновниковъ и перепродавали за дорогую цѣну (2). Благочестивые съ глубокимъ прискорбіемъ смотрѣли на богопротивныя дѣла, недостойныя служителей Церкви Христіанской; а мужи государственные сожалѣли о вывозѣ множества денегъ посредствомъ этой беззаконной торговли.

Въ самомъ дѣлѣ, постоянные налоги, которыми Римскій Дворъ обременялъ всѣ страны, признававшія власть его, были такъ значительны, что нечего удивляться, если возникалъ ропотъ при малѣйшемъ несправедливомъ ихъ увеличеніи. Каждый духовный, получивъ доходное мѣсто, платилъ ежегодный пожизненный окладъ Папѣ; эта подать, взыскиваемая очень строго, была весьма велика въ совокупности. Сверхъ того Папы довольно часто требовали отъ духовенства

---

(1) Centum. Gravam. sect. 21. Fascic. Rer. expet. etc. 334. Goldast. Const. Imper. I 391, 404, 405. F. Paul. Hist. of Eccl. Benef. 167, 199.

(2) Fascic. Rer. expet. I. 359.

особенныхъ пожертвованій и сбирали чрезвычайныя десятины съ духовныхъ имѣній на походы противъ Невѣрныхъ, рѣдко однакожъ предпринимаемые. Сообразивъ все это, можно представить себѣ несмѣтность церковныхъ доходовъ, которые текли въ Римъ непрерывной рѣкою.

Таковы были нравы, непомѣрное богатство, власть и права духовенства до Реформаціи; таково было господство, утвержденное Папами надъ міромъ Христіанскимъ, и таковы мысли объ нихъ въ Германіи, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Въ очеркѣ, мною начертанномъ, я слѣдовалъ не Реформатскимъ писателямъ, способнымъ въ пылу ревности преувеличить заблужденія и ложно представить состояніе Римской Церкви; онъ основанъ на свидѣтельствахъ, болѣе достовѣрныхъ, на бумагахъ Имперскихъ Сеймовъ, исчисляющихъ множество золъ, подъ бременемъ которыхъ стенала Имперія и отъ которыхъ она хотѣла освободиться. Вѣроятно, сильно было негодованіе народа, когда въ собраніяхъ Чиновъ Государственныхъ говорили такъ рѣзко; и если уже эти собранія настоятельно требовали прекращенія злоупотребленій Римскаго Двора, то народъ, конечно, выражалъ свои мысли и желанія языкомъ болѣе смѣлымъ и грубымъ.

Лютеръ проповѣдывалъ людямъ, такимъ образомъ приготовленнымъ, съ увѣренностію въ успѣхѣ. Ихъ давно тяготило Папское владычество, они давно покорствовали ему неохотно, и съ радостію услышали первые призывы къ своему освобожденію. Вотъ почему новое ученіе было принято съ жадностію, и быстро распространилось по всей Германіи. Даже пылкость и раздражительность Лютера, самонадѣянность, съ

которою онъ утверждалъ свои мнѣнія, высокомѣріе и презрительность его въ обращеніи съ своими противниками, всѣ эти слабости, заслужившія бы названіе пороковъ въ вѣкъ болѣе образованный, не казались важными недостатками современникамъ реформатора, которые были сильно взволнованы занимательными его спорами, огрубѣли отъ Папскаго самовластія и сами видѣли всѣ обличаемыя злоупотребленія.

Равнымъ образомъ не оскорбляли послѣдователей Лютера грубыя непристойности, наполняющія спорныя его сочиненія, и низкія остроты его въ самыхъ важныхъ рѣчахъ. Безъ первыхъ не случалось тогда ни одного спора, а послѣднія были обыкновенны даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, при разсужденіи о самыхъ священныхъ предметахъ. Брань и насмѣшка не только не вредили дѣлу реформатора, но приносили пользу, наровнѣ съ сильными доказательствами, когда онъ излагалъ несообразности Папизма и убѣждалъ людей оставить ихъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, быстрымъ успѣхамъ Лютера благопріятствовали случайныя обстоятельства, которыми не пользовался ни одинъ изъ его предподвижниковъ. Сюда относится книгопечатаніе, изобрѣтенное до него лѣтъ за пятьдесятъ. Оно чудеснымъ образомъ облегчило пріобрѣтеніе и распространеніе познаній; книги Лютера, въ рукописяхъ, расходились бы медленно и едва ли бы проникли въ отдаленныя страны, но печатныя, онѣ вдругъ разсѣялись по всей Европѣ. И уже не одни богатые и ученые пользовались ими, какъ бывало прежде; народъ сталъ читать ихъ, и, такимъ образомъ приглашенный мыслить и судить, отважился разби-

рать и отвергать многіе догматы, которымъ принуждали его вѣрить, не научая разумѣть ихъ.

Въ то же время возрожденіе наукъ было весьма благотворно для Реформаціи. Изученіе древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей пробудило умъ человѣческій отъ глубокой дремоты, въ которую онъ былъ погруженъ нѣсколько столѣтій. Люди, казалось, возвратили тогда свои мыслящія силы и, восхищенные этимъ пріобрѣтеніемъ, весьма смѣло испытывали ихъ надъ всѣми предметами. Они уже не боялись вступать на новыя стези и принимать новыхъ мнѣній. Новизна, повидимому, служила въ то время къ чести реформаторовъ; духъ вѣка, вмѣсто того, чтобы ужасаться, когда Лютеръ дерзкою рукою срывалъ завѣсу, простертую надъ заблужденіями, рукоплескалъ и благопріятствовалъ его смѣлости. Лютеръ, ревностно поощрялъ упражненія въ древней Словесности и, чувствуя необходимость ея для изученія Священнаго Писанія, пріобрѣлъ значительныя свѣдѣнія въ языкахъ Еврейскомъ и Греческомъ. Меланхтонъ и нѣкоторые другіе изъ его учениковъ были отличные словесники. А такъ какъ тѣ же необразованные люди, которые противились введенію наукъ въ Германіи, возстали и противъ мнѣній Лютера и объявили скорое принятіе послѣднихъ слѣдствіемъ успѣховъ, сдѣланныхъ первыми, то всѣ стали думать, что дѣло просвѣщенія и дѣло Реформаціи тѣсно связаны между собою, и потому въ каждой странѣ то и другое пріобрѣло общихъ друзей и враговъ. Реформаторы имѣли сначала великое превосходство въ распрѣ. Ученость, основательность въ мысляхъ, чистота въ изложеніи, даже остроуміе, были совершенно на ихъ сторонѣ и доставляли имъ легкое торжество надъ невѣ-

жествомъ ихъ противниковъ; и могли ли грубыя доказательства, выражаемыя темнымъ, варварскимъ языкомъ, поддержать систему заблужденій, которой не защитили все искусство и изобрѣтательность послѣднихъ, болѣе ученыхъ ея заступниковъ.

Смѣлый духъ изслѣдованія, возникшій при возрожденіи наукъ въ Европѣ, былъ такъ благопріятенъ для Реформаціи, что нежелавшіе удачи Лютеру способствовали его успѣхамъ и приготовляли народы къ принятію мнѣній, имъ проповѣдуемыхъ. Большая часть умныхъ людей, занимавшихся изученіемъ древней Словесности въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, безъ всякаго намѣренія низпровергнуть Папское владычество, открывала несообразность многихъ догматовъ и обрядовъ, освященныхъ Церковію, и видѣла ничтожность доказательствъ, которыми непросвѣщенные защитники старались оправдать ихъ. Негодованіе на этихъ поборниковъ принятыхъ заблужденій часто побуждало ученыхъ излагать свои собственныя мысли и осмѣивать невѣжество очень вольно и строго. Такимъ образомъ люди были приготовлены къ важнымъ нападеніямъ Лютера, потому что много уже потеряли уваженія къ догматамъ и особамъ, противъ которыхъ онъ возставалъ. Это преимущественно относится къ Германіи. Въ ней сдѣланы были первыя покушенія оживить любовь къ древней Словесности, въ ней же и духовные, далеко превосходившіе невѣжествомъ братію свою по ту сторону Альповъ, ревностнѣе вооружались на новыя ученыя занятія, и за то терпѣли отъ ихъ любителей гораздо болѣе зла. Въ сочиненіяхъ Рейхлина, Гуттена и другихъ возстановителей просвѣщенія въ Германіи, по-

врежденное состояніе Римской Церкви описывается такимъ язвительнымъ слогомъ, который мало уступаетъ даже Лютерову (1).

По этой же причинѣ и Эразмъ часто осуждалъ заблужденія Церкви, невѣжество и пороки духовенства. Слава и вліяніе его были такъ велики въ Европѣ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, и книги его всѣ читали съ такимъ удивленіемъ, что Лютеръ особенно обязанъ ему своими успѣхами. Эразмъ, назначенный для Церкви и наставленный въ духовной Словесности, занимался богословскими изслѣдованіями болѣе всѣхъ ученыхъ мужей того вѣка. Проницательный умъ его и великая начитанность давали ему средства открывать многія заблужденія какъ въ догматахъ, такъ и въ обрядахъ Римской Церкви. Нѣкоторые изъ нихъ онъ опровергалъ весьма основательно и краснорѣчиво, а другіе осмѣивалъ, осыпая ихъ стрѣлами народнаго и сатирическаго остроумія, которымъ отличался. Почти все, что давало Лютеру поводъ къ преобразованію, еще прежде подвергалось уже охужденію, или насмѣшкѣ Эразма. Какъ только Лютеръ началъ борьбу съ Церковію, то Эразмъ, казалось, одобрялъ его подвигъ; онъ даже искалъ дружбы нѣкоторыхъ учениковъ и покровителей реформатора, порицая поступки и духъ его противниковъ (2). Онъ явно нападалъ съ нимъ на схоластическихъ богослововъ, какъ на преподавателей системы неназидательной и темной. Онъ способствовалъ ему обратить лю-

---

(1) Gerdesius Hist. Evang. Renov. vol. I, p. 141, 157. Seckend. lib. I, p. 103. Von der Hardt. Hist. Literar. Reform. pars II.

(2) Seckend. lib. I, p. 40, 96.

дей къ изученію Священнаго Писанія, какъ единственнаго источника истинной Вѣры (1).

Различныя обстоятельства, однакожъ, препятствовали Эразму держать одинъ путь съ Лютеромъ. Природная робость нрава, недостатокъ той душевной силы, которая одна только можетъ побудить человѣка къ принятію на себя обязанности реформатора (2); чрезвычайное уваженіе къ особамъ высокаго званія; боязнь потерять жалованье и другія награды, которыя онъ получалъ отъ ихъ щедрости; великая любовь къ миру и надежда исправить злоупотребленія постепенно и кроткими мѣрами — все это вмѣстѣ рѣшило его уменьшить прежнюю ревность (3) и стать посредникомъ между Лютеромъ и его противниками. Но хотя Эразмъ вскорѣ началъ называть Лютера дерзкимъ и необузданнымъ, хотя наконецъ согласился даже писать противъ него, однако онъ есть предтеча и сподвижникъ его въ брани съ Церковію. Онъ первый посѣялъ сѣмена, взлелѣянныя и возращенныя Лютеромъ до зрѣлости. Его насмѣшки и намеки проложили

---

(1) Von der Hardt. Histor. Literar. Reform. pars I. Gerdes. Hist. Evang. Renov. I, 147.

(2) Самъ Эразмъ довольно откровенно въ томъ признается: „Лютеръ, говоритъ онъ, научилъ насъ многимъ спасительнымъ истинамъ, и далъ намъ много добрыхъ совѣтовъ. Желаю, чтобъ онъ не уничтожилъ ихъ дѣйствія непростительными проступками. Но если онъ и писалъ обо всемъ самымъ здравымъ образомъ, то я нисколько не расположенъ умереть за истину; не всякой имѣетъ мужество быть мученикомъ, и я опасаюсь, чтобы мнѣ не подражать отступникамъ, когда дѣло дойдетъ до пытокъ.“ Epist. Erasmi in Jortin's Life of. Erasm. vol. I, p. 273.

(3) Jortin's Life of Erasmus, vol. I, p. 258.

путь язвительнымъ рѣчамъ и прямымъ нападеніямъ послѣдняго. Таковъ казался въ свое время Эразмъ ревностнымъ поборникамъ Римской Церкви (1); такимъ онъ долженъ казаться и всякому, кто свѣдущъ въ Исторіи того вѣка.

Въ этомъ длинномъ исчисленіи обстоятельствъ, которыя совокупно благопріятствовали успѣхамъ Лютера и ослабляли сопротивленіе его противниковъ, я не входилъ въ разборъ богословскихъ догматовъ Папизма и не хотѣлъ показать, противны ли они духу Христіанства, основываются ли на разумѣ, на Словѣ Божіемъ, или на обычаяхъ первобытной Церкви, совершенно предоставляя это церковнымъ Историкамъ. Но, присоединивъ слѣдствія отношеній Вѣры къ вліянію причинъ политическихъ, мы ясно увидимъ, что, вмѣстѣ, они должны были скоро и непреодолимо дѣйствовать на умъ человѣческій. Хотя современники Лютера, видя передъ своими глазами дѣла, нами описанныя, или сами принимая въ нихъ живое участіе, не могли съ точностію излагать и хладнокровно изслѣдовать, отъ чего они происходили; хотя быстрое распространеніе новыхъ мнѣній казалось имъ такъ непостижимо, что они приписывали его особенному, неблагопріятному положенію звѣздъ, отъ котораго разсѣвался по свѣту духъ превратности и нововведеній (2): однако успѣхи Лютера, очевиднымъ образомъ, были естественными послѣдствіями многихъ могущественныхъ причинъ, приготовленныхъ судьбою для этой цѣли. Я смѣю надѣяться, что опытъ показать ихъ и объяснить столь

---

(1) Von der Hardt. Hist. Literar. Reform. pars I, p. 2.

(2) Jovii Historia Lut. 1553, fol. p. 134.

важное событіе не покажется безполезнымъ отступленіемъ, и возвращаюсь къ своей Исторіи.

1521 г. — Совѣщанія на Вормскомъ Сеймѣ происходили съ медленностію, обыкновенною въ такихъ собраніяхъ. Члены потеряли много времени на нѣкоторыя распоряженія, касавшіяся до внутренняго устройства Имперіи; утвердили судебную власть Имперской Камеры и придали судопроизводству ея болѣе опредѣленности и правильности; назначили Совѣтъ Регентства для пособія Фердинанду управлять Имперіею въ отсутствіе Карла, которое, судя по обширности его владѣній и великому разнообразію дѣлъ, должно было случаться довольно часто (1); наконецъ приступили къ состоянію Вѣры. Нѣкоторыя благовидныя причины побуждали Императора объявить себя покровителемъ Лютера, или, покрайней мѣрѣ, потворствовать его успѣхамъ. Если бы онъ не имѣлъ другихъ владѣній, кромѣ Германскихъ, и другой короны, кромѣ Императорской, то, можетъ статься, былъ бы расположенъ благопріятствовать человѣку, смѣло защищавшему тѣ права, за которыя Императоры долго боролись съ Папами. Но обширные и опасные замыслы Франциска I заставили Карла сообразаться не съ ограниченными видами, приличными для Германскаго Государя, и великая важность Папской дружбы рѣшила его на строгость въ отношеніи къ Лютеру, чтобы скорѣе склонить Леона на свою сторону. Спѣша къ этой цѣли, онъ уступилъ требованію Папскихъ Легатовъ въ Германіи, которые настаивали, чтобы Сеймъ безъ всякаго отла-

---

(1) Pont. Heuter. Rer. Austr. lib. VIII, chap. II, p. 195. Pfeffel Abrégé Chronol. p. 598.

гательства и безъ торжественнаго совѣщанія осудилъ человѣка, уже отлученнаго отъ Церкви Папою. Но члены Сейма, находя такой рѣшительный образъ дѣйствія безпримѣрнымъ и несправедливымъ, назначили срокъ, когда Лютеру лично явиться и объявить: остается онъ, или нѣтъ, при мнѣніяхъ, навлекшихъ на него гнѣвъ Церкви (1). Императоръ и всѣ Князья, черезъ владѣнія которыхъ реформаторъ долженъ былъ проѣзжать, дали ему охранную грамоту (6го Марта); первый, сверхъ того, письмомъ вызывалъ его на Сеймъ, возобновивъ увѣренія, что защититъ его отъ всякой обиды и насилія (2). Лютеръ немедленно повиновался и поѣхалъ въ Вормсъ, сопровождаемый вѣстникомъ, который привезъ Императорское письмо и охранный листъ. Между тѣмъ на пути многіе друзья знаменитаго мужа, вспоминая участь, постигшую Гусса въ подобныхъ же обстоятельствахъ, и не смотря на такую же Императорскую грамоту, мучились безпокойствомъ и убѣждали Лютера не бросаться безпечно въ опасность. Но, возвышаясь надъ страхомъ человѣческимъ, онъ заставилъ друзей своихъ умолкнуть, сказавъ имъ: „меня законно призываютъ въ Вормсъ, и я пойду туда во имя Божіе, хотя бы противъ меня собралось столько же чертей, сколько тамъ черепицъ на кровляхъ (3).“

Пріемъ, сдѣланный ему въ Вормсѣ, могъ бы онъ почесть полною наградою за труды свои, если бы дѣйствовалъ изъ суетности, или славо-

---

(1) P. Mart. Ep. 722.
(2) Luth. Oper. II, 412.
(3) Luth. Oper. II, 413.

любія. Его встрѣтило такое множество народа, какого не было и при торжественномъ въѣздѣ Императора; домъ его былъ ежедневно наполненъ Князьями и знатнѣйшими особами (1); всѣ платили ему дань уваженія, какъ мужу, обладающему даромъ управлять умами и чувствами людей, и это уваженіе было искреннѣе, лестнѣе всѣхъ почестей, которыя оказываютъ происхожденію, или сану. На Сеймѣ Лютеръ ознаменовалъ себя благородствомъ и твердостію духа. Онъ откровенно сознался, что писалъ спорныя сочиненія съ лишнимъ жаромъ и колкостію, но не хотѣлъ отречься отъ своихъ мнѣній, пока не убѣдятъ его въ ихъ ложности, ни согласиться, чтобъ ихъ судили, основываясь на чемъ нибудь другомъ, кромѣ Слова Божія. Когда ни угрозы, ни увѣщанія не могли поколебать его рѣшительности, то нѣкоторые изъ духовенства предложили подражать примѣру Констанцскаго Собора и, наказавъ виновника заразительной ереси, вдругъ избавить Церковь отъ вреда, ей наносимаго. Но члены Сейма не хотѣли подвергнуть честь Германіи свѣжему упреку вторичнымъ нарушеніемъ торжественной клятвы; самъ Карлъ не желалъ запятнять начала своего царствованія дѣломъ постыднымъ, и Лютеру позволили удалиться въ безопасности (2). Спустя нѣсколько дней отъ выѣзда его изъ города (26 Апрѣля), Сеймъ обнародовалъ имянной Императорскій указъ, который лишалъ Лютера, какъ упорнаго и отлученнаго отъ Церкви преступника, всѣхъ гражданскихъ преимуществъ, запрещалъ Князьямъ давать ему убѣжище, или принимать его подъ покровитель-

(1) Luth. Opera II, 414. Seckend. 156.
(2) Paul's Hist. of Counc. p. 13. Seckend. 160.

ство, и обязывалъ всѣхъ ловить его, какъ скоро пройдетъ срокъ, назначенный въ охранной грамотѣ (1).

Но строгость этого указа не имѣла важныхъ слѣдствій, потому что исполненію его помѣшали отчасти занятія, которыми бунты въ Испаніи и война въ Италіи и Нидерландахъ обременили Императора, а отчасти благоразумная предосторожность Электора Саксонскаго. Когда Лютеръ съ товарищами своими, возвращаясь изъ Вормса, проходилъ мимо Альтенштейна въ Турингіи, то вдругъ выскочили изъ лѣсу всадники въ маскахъ, схватили его и увезли въ Вартбургъ, крѣпкій замокъ, стоявшій неподалеку оттуда. Здѣсь Электоръ доставлялъ Лютеру всѣ возможныя удобства, но тщательно скрывалъ его до тѣхъ поръ, пока перемѣна въ политическомъ состояніи Европы утишила бурю, которая грозила ему погибелью. Живя девять мѣсяцевъ въ этомъ уединеніи и часто называя его своимъ Паѳосомъ, по имени острова, гдѣ заточенъ былъ Апостолъ Іоаннъ, Лютеръ неутомимо защищалъ свое ученіе и опровергалъ своихъ противниковъ. Послѣдователи его, смущенные и унывшіе, когда онъ внезапно пропалъ безъ вѣсти, ободрились духомъ, читая его сочиненія.

Въ это время мнѣнія Лютера продолжали укореняться и распространились почти во всѣхъ городахъ Саксоніи. Виттембергскіе Августинцы, съ одобренія Университета и согласія Электора, сдѣлали первый шагъ къ перемѣнѣ въ принятыхъ обрядахъ богослуженія, уничтоживъ частныя

(1) Gold. Const. Imperial. II, 408.

обѣдни и пріобщая мірянъ крови и тѣла Христовой при совершеніи Таинства Евхаристіи.

Но сколько ни утѣшался Лютеръ въ неизвѣстности мужествомъ и успѣхами учениковъ своихъ, однако два обстоятельства значительно уменьшили его радость, потому что казались неодолимыми препятствіями къ принятію его мнѣній въ двухъ самыхъ могущественныхъ Королевствахъ Европы: одно изъ этихъ обстоятельствъ былъ торжественный приговоръ, которымъ отвергалъ новое ученіе Парижскій Университетъ, самое древнее и въ то время самое почтенное изъ ученыхъ обществъ въ Европѣ; другое — отвѣтъ на книгу Лютера о плѣненіи Вавилонскомъ, написанный Королемъ Англійскимъ. Генрихъ VIII, не смотря на живой и пылкій нравъ свой, любилъ заниматься Словесностію; къ этому пріучилъ его подозрительный отецъ, желая удалить его отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ. Сверхъ того алчный до славы всякаго рода, приверженный къ Римской Церквѣ и раздраженный Лютеромъ за презрительные отзывы его о Ѳомѣ Аквинасѣ, любимомъ своемъ писателѣ, Король Англійскій думалъ, что мало противоположить одну верховную власть мнѣніямъ реформатора, но рѣшился поразить ихъ и схоластическимъ оружіемъ. Съ этою цѣлію издалъ онъ свое разсужденіе о семи Таинствахъ, теперь забытое, потому что прошелъ случай, по которому оно было сочинено, но не лишенное полемическаго остроумія и колкости. Придворные льстецы называли его тогда чудеснымъ твореніемъ ума и учености, которое столько же возвышало Генриха надъ прочими писателями въ познаніяхъ, сколько онъ превосходилъ ихъ своимъ саномъ. Папа, которому поднесли это разсужденіе въ пол-

номъ собранiи Кардиналовъ, отозвался объ немъ въ такихъ выраженiяхъ, какъ если бы оно было внушено непосредственнымъ Откровенiемъ, и, желая ознаменовать благодарность Церкви за необыкновенную ревность Англiйскаго Короля, нарекъ его *Защитникомъ Вѣры*. Хотя Генрихъ скоро перестаֺлъ казаться имъ въ глазахъ Римскихъ Первосвященниковъ, однако онъ удержалъ полученное проименованiе съ бо́льшимъ правомъ, нежели его преемники, явные враги тѣхъ мнѣнiй, которыя онъ защищалъ. Лютеръ, не смотря ни на славу Университета, ни на достоинство Монарха, издалъ противъ нихъ возраженiя, написанныя такъ же рѣзко и строго, какъ если бы онъ опровергалъ ничтожнѣйшихъ своихъ противниковъ. Эта неприличная дерзость, вмѣсто того, чтобы возбудить негодованiе современниковъ, была принята за новое доказательство неустрашимости Лютера; участiе же Государя и знаменитыхъ ученыхъ въ богословской распрѣ обратило на нее вниманiе, болѣе общее; а духъ новизны, господствовавшiй тогда въ Европѣ, былъ такъ заразителенъ и очевидность истины, которая сопровождала ученiе реформаторовъ при первомъ его благовѣстiи, имѣла такое могущественное дѣйствiе, что, наперекоръ гражданской и церковной власти, новообращаемые ежедневно умножались и во Францiи и въ Англiи.

Сколько ни желалъ Императоръ остановить успѣхи Лютера, но необходимость часто принуждала его въ продолженiе Вормскаго Сейма обращать свои мысли къ дѣламъ, болѣе важнымъ. Уже война между имъ и Франциском готова была возгорѣться въ Наварѣ, въ Нидерландахъ и въ Италiи; она требовала большаго искусства, что-

бы отвратить опасность, или заблаговременныхъ, мудрыхъ осторожностей, чтобы противостоять ей. Всѣ обстоятельства склоняли Карла предпочесть первую мѣру. Испанія страдала отъ внутреннихъ мятежей. Въ Италіи онъ еще не пріобрѣлъ себѣ ни одного надежнаго союзника. Въ Нидерландахъ подданные его трепетали при одной мысли о разрывѣ съ Франціею, гибельное вліяніе котораго на свою торговлю они часто испытывали. Эти причины и постоянная заботливость Шіевра поддерживать миръ между своимъ Государемъ и Королемъ Французскимъ не располагали къ войнѣ Императора. Но Францискъ съ своими министрами не имѣлъ такихъ же мирныхъ чувствованій. Онъ ясно предвидѣлъ, что противоположность выгодъ, соревнованіе и честолюбіе не позволятъ долго существовать согласію между имъ и Карломъ, а нѣкоторые преимущества льстили его надеждою напасть врасплохъ на соперника и превозмочь его, прежде нежели онъ изготовится къ оборонѣ. Владѣнія Французскаго Короля, сосредоточенныя, покорныя верховной власти, обитаемыя народомъ, дышущимъ войною и привязаннымъ къ своему Государю всѣми узами долга и любви, были гораздо способнѣе къ грозному и внезапному вооруженію, нежели земли Императора, болѣе обширныя, но разбросанныя, въ одной части которыхъ народъ бунтовалъ противъ намѣстниковъ, и которыя всѣ вообще имѣли болѣе ограниченный монархическій образъ правленія.

Два Государя могли погасить возникавшее пламя войны, но вмѣсто того они старались поддержать и раздуть его. Хотя Генрихъ VIII и занялъ мѣсто посредника, хотя обѣ стороны часто относились къ нему; но онъ оставилъ

безпристрастіе, приличное своему званію. Козни Вольсея совершенно отвлекли его отъ Короля Французскаго; онъ даже тайнымъ образомъ питалъ раздоръ, который онъ долженъ былъ прекратить, и ждалъ только приличнаго предлога, чтобы соединить свое оружіе съ Императорскимъ (1).

Старанія Папы возбудить вражду между Императоромъ и Францискомъ были открытѣе и больше имѣли вліянія. Какъ общій отецъ Христіанъ и владѣтель Италійскій, Леонъ обязанъ былъ, по своему долгу и пользамъ, явить себя блюстителемъ общественнаго спокойствія и избѣгать всякихъ мѣръ, которыя могли разрушить порядокъ, послѣ многихъ кровопролитій и переговоровъ учрежденный въ Италіи. И въ самомъ дѣлѣ, Папа, сообразивъ, что ему надлежало дѣйствовать именно такимъ образомъ, намѣренъ былъ способствовать возведенію Карла на престолъ Императорскій, и вступить въ посредничество между соперниками, угождая поперемѣнно обоимъ, но не заключая тѣсныхъ связей ни съ однимъ изъ нихъ. Это спасло бы Европу отъ многихъ бѣдствій, но Леонъ не исполнилъ своего намѣренія: онъ былъ весьма честолюбивъ и смѣлъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ, обольщаемый славою, онъ страстно желалъ ознаменовать свое первосвященство блистательнымъ подвигомъ; онъ горѣлъ нетерпѣніемъ возвратить Парму и Пьяченцу, потеря которыхъ покрывала его стыдомъ, а пріобрѣтеніе отражало яркій блескъ на правленіе Юлія; онъ видѣлъ съ негодованіемъ господство, утвержденное въ Италіи Заальпійскими, варварскими народами; ласкалъ себя на-

(1) Herbert. Fiddes's Life of Wolsey, 258.

деждою, что, пособивъ напередъ одному Государю отнять у другаго завоеванное въ этой странѣ, онъ потомъ изгонитъ побѣдителя и возвратитъ Италіи свободу и счастіе, которыми она наслаждалась до нашествія Карла VIII, когда каждое владѣніе въ ней имѣло своихъ природныхъ правителей, свои законы и не знало еще ига чужеземнаго. Какъ ни мечтательны покажутся эти замыслы, но ихъ лелѣяли въ душѣ своей всѣ Итальянцы, знаменитые геніемъ и предпріимчивостію въ шестнадцатомъ столѣтіи. Хотя они напрасно ожидали своимъ искусствомъ и тонкостію въ переговорахъ уничтожить усилія народовъ, конечно, уступавшихъ имъ въ образованности, но за то гораздо болѣе могущественныхъ и воинственныхъ; однако эта пустая надежда такъ обольщала Папу, что, не взирая на кроткій нравъ свой и страсть къ удовольствіямъ роскошной жизни, онъ спѣшилъ нарушить миръ въ Европѣ и принять участіе въ опасной войнѣ съ пылкостію браннолюбиваго Юлія (1).

Между тѣмъ выборъ союзника между двумя Государями оставался во власти Леона. Оба они искали дружбы его; онъ нѣсколько времени колебался и сначала заключилъ союзъ съ Францискомъ. Цѣлію этого союза были завоеваніе и раздѣлъ Неаполитанскаго Королевства. Папа, вѣроятно, полагалъ, что живой и дѣятельный Францискъ, начальствуя войскомъ такого же духа, предупредитъ медленныя и нерѣшительныя мѣры Императора, легко покоритъ отрѣзанную часть владѣній послѣдняго, которая была худо приготовлена къ оборонѣ, и всегда доставалась въ до-

---

(1) Guic. lib. XIV, p. 173.

бычу первому завоевателю. Но или Французскій Король, очень гласно обнаруживъ свои сомнѣнія въ искренности Леона, перемѣнилъ его виды, или Папа заключилъ договоръ изъ хитрости, для прикрытія настоящихъ своихъ сношеній, или онъ соблазнился надеждою получить болѣе выгодъ отъ союза съ Императоромъ, или наконецъ льстила ему ревность къ Церквѣ, которую оказалъ этотъ Государь, осудивъ Лютера; только достовѣрно, что Леонъ измѣнилъ первому своему союзнику и предложилъ свое дружество Карлу, хотя подъ великою тайною (1). Донъ Іоаннъ Мануэль, тотъ самый, который былъ любимцемъ Филиппа и своимъ умомъ разстроивалъ всѣ намѣренія Фердинанда, освобожденный, по смерти его, изъ темницы, получилъ въ это время должность Императорскаго посланника въ Римѣ, какъ человѣкъ, вполнѣ способный употребить благосклонное расположеніе Леона въ пользу своего Государя (2).

Карлъ, опасаясь, чтобы Шіевръ не замедлилъ, или совсѣмъ не отвратилъ войны съ Франціею, тайно отъ него далъ полномочіе Мануэлю вести переговоры съ Римскимъ Дворомъ, и Мануэль скоро заключилъ союзъ между Папою и Императоромъ (8го Мая) (3). Главными статьями, которыя положили основаніе могуществу послѣдняго въ Италіи, постановлено было, чтобы ему и Папѣ соединенными силами изгнать Французовъ изъ Миланскаго Герцожства, и отдать его Франциску Сфорсѣ, сыну Людовика Мав-

(1) Guic. lib. XIV, p. 175. Mém. de Bellay. Par. 1573, p. 24.
(2) Jovii Vita Leonis, lib. IV, p. 89.
(3) Guic. l. XIV, 181. Mém. de Bellay, p. 24. Du Mont Corps. Diplom. Tom. IV, suppl. p. 96.

ра, жившему въ Трентѣ съ тѣхъ поръ, какъ Французскій Король отнялъ владѣнія у брата его, Максиміліана; чтобы Парму и Пьяченцу возвратить Церквѣ; чтобы Императору помочь Папѣ въ завоеваніи Феррары; увеличить ежегодную дань, платимую Неаполитанскимъ Королевствомъ Святому престолу; принять подъ свое покровительство Домъ Медичіевъ; сдѣлать Кардинала изъ этого Дома Архіепископомъ Толедскимъ, и назначить ему по десяти тысячъ дукатовъ жалованья, а побочному сыну Лаврентія Медичи, Александру, дать владѣнія въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, которыя приносили бы столько же дохода.

Удаленіе отъ участія въ этомъ важномъ дѣлѣ показалось Шіевру рѣшительнымъ доказательствомъ, что онъ потерялъ уже всю власть надъ умомъ своего питомца. Печаль, произведенная немилостію Государя, и скорбь при думахъ о многихъ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ войны съ Франціею сократили, говорятъ, дни Фламанскаго Министра (1). Но хотя это, можетъ быть, есть простое заключеніе Историковъ, склонныхъ приписывать необыкновеннымъ причинамъ все, что ни случается съ знаменитыми людьми, и относить даже болѣзни и смерть ихъ къ слѣдствію политическихъ страстей, которыя чаще не даютъ наслаждаться жизнію, нежели сокращаютъ ее; однакожъ достовѣрно, что смерть Шіевра въ этихъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ уничтожила всѣ надежды избѣжать разрыва съ Франціею (2). Сверхъ того она избавила Карла отъ Министра, совѣтамъ котораго онъ привыкъ слѣ-

---

(1) Beclarii Comment. de Reb. Gallic. 483.
(2) P. Heuter. Rer. Austr. lib. VIII, c. XI, p. 197.

довать изъ дѣтства, между тѣмъ какъ это повиновеніе держало его въ опекѣ, неприличной ни его лѣтамъ, ни сану, и оковывало его геній. Едва нестало препятствій развитію душевныхъ силъ Императора, и онъ началъ обнаруживать державныя способности, которыя превзошли ожиданія современниковъ (1) и внушаютъ удивленіе потомству.

Тѣмъ временемъ, какъ Папа и Императоръ, въ слѣдствіе тайнаго союза, готовились напасть на Миланъ, война началась въ другомъ краю. Францискъ почелъ себя въ правѣ, по Нойнскому договору, вступиться за дѣтей Іоанна Альберта, Короля Наварскаго, которые часто требовали возвращенія наслѣдственныхъ земель своихъ и всегда получали отказъ отъ Императора подъ пустыми предлогами. Обстоятельства, казалось, очень благопріятствовали предпріятію Франциска: Карлъ находился далеко отъ Навары; войска, обыкновенно тамъ стоявшія, были вызваны для усмиренія бунтовъ въ Испаніи; недовольные правительствомъ этой страны убѣдительно просили Французскаго Короля вторгнуться въ Навару (2), гдѣ многіе тотчасъ приняли бы сторону потомковъ прежнихъ своихъ Государей. Но, желая сколько можно избѣжать ссоры съ Императоромъ и Англійскимъ Королемъ, Францискъ велѣлъ набирать войска и вести войну отъ имени Генриха Альберта, а не отъ своего собственнаго. Полководцемъ избрали Андрея де Фуа де л'Эспара, молодаго дворянина, избрали не по доблестямъ ратнымъ, но по близкому родству

(1) P. Mart. Ep. 735.
(2) Ibid. 721.

его съ несчастнымъ Королемъ Генрихомъ, а еще болѣе по тому, что сестра его, госпожа де Шатобріанъ, была любимою наперсницею Франциска. Не встрѣтивъ въ своемъ походѣ непріятеля, онъ въ нѣсколько дней овладѣлъ всѣмъ Наварскимъ Королевствомъ; сопротивленіе оказала одна только Пампелуна. Впрочемъ не стоило бы и говорить о слабой ея оборонѣ, еслибъ притомъ Бискайскій дворянинъ, Игнатій Лойола, не получилъ опасной раны. Онъ выздоравливалъ медленно и во время болѣзни имѣлъ одно наслажденіе: читать житія Святыхъ. Будучи отъ природы восторженнаго духа, честолюбивъ и смѣлъ, онъ пылалъ такимъ желаніемъ соревновать подвижникамъ Римской Церкви, которое довело его до самыхъ странныхъ поступковъ; а наконецъ онъ учредилъ общество Іезуитовъ, самый благоустроенный и самый важный въ политическомъ отношеніи монашескій орденъ, сдѣлавшій людямъ пользы и вреда болѣе всѣхъ братствъ духовныхъ.

Если бы Эспаръ, покоривъ Пампелуну, ограничился предосторожностями, чтобы упрочить свое завоеваніе, то Наварское Королевство могло бы и донынѣ принадлежать Франціи. Но одушевляемый юношеской отвагою и ободреніями Франциска, который всегда ослѣплялся счастіемъ, онъ перешелъ Наварскія границы и осадилъ Логроньо, маленькой городокъ въ Кастиліи. Тогда Кастильцы, равнодушно смотрѣвшіе на быстрые успѣхи его оружія, оставили свою безпечность, и такъ какъ несогласія въ ихъ Королевствѣ почти совсѣмъ прекратились, то они соревновали другъ другу въ защитѣ своего отечества: одни для того, чтобы изгладить память прошлой вины настоящимъ усердіемъ; другіе — чтобы къ заслугѣ усмиренія мятежныхъ подданныхъ

Императора прибавить славу побѣды надъ внѣшними его врагами. Внезапное приближеніе Испанскаго войска и храбрая оборона Логроньскихъ жителей принудили Французскаго полководца оставить опрометчивое свое предпріятіе. Непріятели, число которыхъ ежедневно возрастало, тревожили его во время отступленія; но онъ вмѣсто того, чтобы укрыться подъ пушками Пампелуны, или дождаться вспомогательныхъ полковъ, къ нему спѣшившихъ, напалъ на Испанцевъ, превосходившихъ его силами, весьма стремительно, но безъ всякаго соображенія, и потому былъ совершенно разбитъ, и съ главными офицерами взятъ въ плѣнъ; Навара же опять досталась Испаніи еще скорѣе, нежели Французы покорили ее (1).

Францискъ хотя и старался оправдать свое вторженіе въ Навару, прикрываясь именемъ Генриха Альберта, однако въ то же время прибѣгнулъ къ такой же почти хитрости, чтобы напасть на другую часть земель Императорскихъ. Робертъ Маркскій, владѣтель небольшой, но независимой землицы Бульонъ на границѣ Луксембурга и Шампани, притѣсняемый Авлическимъ Совѣтомъ, вышелъ изъ службы Императора и отдался въ покровительство Франциску, который, пользуясь его гнѣвомъ, легко убѣдилъ его послать вѣстника въ Вормсъ съ торжественнымъ объявленіемъ войны Императору. Такая сумазбродная дерзость въ маленькомъ владѣльцѣ удивила Карла, и показалась ему вѣрнымъ доказательствомъ, что Французскій Король обѣщалъ Роберту сильную помощь. Справедливость этой догадки скоро оправдалась. Робертъ, набравъ войско во Франціи, по-

---

(1) Mém. de Bellay, p. 21. P. Mart. Ep. 726.

видимому безъ согласія Короля, вошелъ въ Люксембургъ и, разоривъ открытыя мѣста, осадилъ Виретонъ. Карлъ громко жаловался на это явное нарушеніе мира и требовалъ, чтобы Генрихъ VIII, по Лондонскому договору, заключенному въ тысяча пять сотъ осьмнадцатомъ году, обратилъ свое оружіе противъ Франциска, какъ противъ начателя войны. Францискъ представлялъ, что онъ былъ не обязанъ отвѣчать за поступки Роберта, который, не смотря на его ясное запрещеніе, переманилъ нѣсколько подданныхъ его въ свою службу и воевалъ за свое собственное дѣло. Но Генрихъ такъ мало уважилъ эту отговорку, что Король Французскій, не желая раздражать могущественнаго сосѣда и все еще надѣясь привлечь его на свою сторону, велѣлъ Роберту распустить войско (1).

Между тѣмъ Императоръ собралъ силы, чтобы наказать дерзость Роберта. Двадцать тысячь подъ предводительствомъ Графа Нассавскаго вошли въ Бульонъ и въ нѣсколько дней овладѣли здѣсь всѣми городами, кромѣ Седана. Давъ Роберту такъ сильно почувствовать гнѣвъ своего Государя, Нассау двинулся къ Французской границѣ; а Карлъ, твердо увѣренный въ пристрастной дружбѣ Генриха, и слѣдовательно не имѣя тѣхъ же опасеній, какъ Францискъ, велѣлъ своему полководцу осаждать Музонъ. Трусость гарнизона заставила градоначальника сдаться почти безъ сопротивленія; Нассау подступилъ потомъ къ Мезьеру, мѣсто въ то время не очень крѣпкое, но весьма важное по своему положенію: взявъ его, Имперское войско могло бы

(1) Mém. de Bellay, p. 22 etc. Mém. de Fleuranges, p. 335 etc.

проникнуть въ сердце Шампани, гдѣ едва ли другой какой нибудь городъ остановилъ бы успѣхи непріятеля. Къ счастію Франціи, Король, зная важность Мезьера и опасность, которой онъ подвергался, поручилъ защиту его Баяру, проименованному *Рыцаремъ безъ страха и безъ упрека* (1). По богатырской храбрости въ битвахъ, по тонкой чувствительности въ дѣлахъ чести и по любви къ прекрасному полу, ближе всѣхъ другихъ образцевъ, выставляемыхъ Исторіею, подходя къ героямъ рыцарства, Баяръ обладалъ всѣми доблестями великаго полководца. Онъ имѣлъ много случаевъ обнаружить ихъ, защищая Мезьеръ; частію мужествомъ, частію благоразуміемъ, онъ весьма долго удерживалъ непріятеля подъ стѣнами крѣпости и наконецъ принудилъ его снять осаду съ безславіемъ и урономъ (2). Францискъ, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, скоро возвратилъ Музонъ, и вошедъ въ Нидерланды, взялъ нѣсколько неважныхъ мѣстъ. Близь Валянсьена, отъ излишней осторожности, въ которой однакожъ нельзя часто упрекать его, онъ потерялъ случай истребить войско Императора (3), а что еще хуже, обидѣлъ Конетабля Бурбона, поручивъ начальство надъ передовыми полками Герцогу Алансонскому, хотя оно принадлежало Бурбону, какъ преимущество его должности.

Во время ратныхъ дѣйствій, въ Кале собрался Совѣтъ при посредничествѣ Генриха VIII, для миролюбнаго окончанія всѣхъ несогласій между

---

(1) Oeuvres de Brantome, tom. VI, 114.

(2) Mém. de Bellay, p. 25, etc.

(3) P. Mart. Ep. 747. Mém. de Bellay, 35.

державными соперниками, и онъ имѣлъ бы добрыя слѣдствія, еслибъ виды посредника сколько-нибудь согласовались съ его словами. Генрихъ уполномочилъ вести переговоры одного Вольсея, и этого выбора было довольно для ихъ безплодности. Англійскій Прелатъ, алкавшій Папской тіары, главнаго предмета своего честолюбія, и готовый всѣмъ пожертвовать для выгодъ Императора, такъ мало скрывалъ свое пристрастіе, что, если бы Францискъ хорошо не зналъ, какъ онъ высокомѣренъ и мстителенъ, то отказался бы отъ его посредничества. Долго изслѣдовали, кто началъ непріятельскія дѣйствія; Вольсей представлялъ это главнымъ дѣломъ, и, сложивъ всю вину на Франциска, надѣялся оправдать, по Лондонскому договору, всякой союзъ Государя своего съ Карломъ. Потомъ разсуждали, на какихъ условіяхъ прекратить войну; но тутъ желанія Императора обнаружили, что онъ или совсѣмъ не хотѣлъ мира, или зналъ, что Вольсей одобритъ всѣ его предложенія. Онъ требовалъ, вопервыхъ, отдачи Бургундскаго Герцожства, откуда могъ безпрепятственно проникать въ сердце Франціи, и, вовторыхъ, освобожденія Графствъ Фландріи и Артуа отъ подчиненности Французскому престолу, хотя противъ нея не возставалъ ни одинъ изъ его предковъ, и хотя самъ онъ обязался возобновить ее въ договорѣ Нойонскомъ. Францискъ съ презрѣніемъ отвергнулъ эти требованія, которыя великодушный Государь едва ли рѣшился бы удовлетворить даже послѣ войны, самой несчастливой. Императоръ также ни сколько не былъ расположенъ согласиться на предложенія Французскаго Короля, болѣе справедливыя и умѣренныя, именно: чтобы возвратить Навару законному ея Государю и снять осаду Турне; и по-

тому совѣтъ кончился, оставивъ послѣдствія, обыкновенно сопровождающія безуспѣшные переговоры — раздраженіе противныхъ сторонъ, для примиренія которыхъ они предпринимаются (1).

Во время переговоровъ Вольсей, подъ предлогомъ, что самъ Императоръ скорѣе сдѣлаетъ справедливыя уступки, нежели его Министры, ѣздилъ для свиданія съ нимъ въ Брюге. Карлъ, знавшій тщеславіе Кардинала, принялъ его съ такимъ почтеніемъ и пышностію, какъ бы самаго Короля Англійскаго. Но вмѣсто стараній объ мирѣ, Вольсей, именемъ своего Государя, заключилъ съ Императоромъ союзъ противъ Франциска; условились, чтобы Карлъ напалъ на Францію изъ Испаніи, а Генрихъ ворвался въ Пикардію, каждый съ сорока-тысячнымъ войскомъ, и чтобы для крѣпости союза Карлъ взялъ въ супружество Принцессу Марію, единственную дочь Генриха и будущую его наслѣдницу (2). Генрихъ въ оправданіе этой мѣры, несправедливой и неполитической, не представилъ ничего, кромѣ статьи Лондонскаго договора, которою онъ будто бы обязывался дѣйствовать противъ Французскаго Короля, какъ перваго начателя войны, и кромѣ обиды, которую будто бы нанесъ ему Францискъ, позволивъ Герцогу Албани возвратиться въ Шотландію, гдѣ онъ былъ главою заговора, вреднаго Англіи. Однакожъ другіе виды руководили Генриха. Пылкое воображеніе представляло ему, что выгоды строгой сторонности для его подданныхъ и честь посредничества между враждующими Государями для него самаго ничего

---

(1) P. Mart. Ep. 739. Herbert.

(2) Rymer. Foeder. XIII, Herbert.

не значили въ сравненіи съ славою быть полководцемъ и завоевателемъ, подобно Карлу и Франциску, — и онъ не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Рѣшась на это, Генрихъ предпочелъ союзъ съ Императоромъ по яснымъ причинамъ. Онъ не имѣлъ никакого права ни на одно изъ владѣній Карла, и самое положеніе ихъ было большею частію весьма невыгодно для нападенія Англичанъ; напротивъ, нѣкоторыя приморскія области Франціи долго находились во власти Англійскихъ Королей, притязанія которыхъ даже на престолъ Французскій еще не совсѣмъ пришли въ забвеніе; а Кале не только давалъ Генриху удобный входъ во Францію, но въ случаѣ несчастія могъ служить безопаснымъ убѣжищемъ. Генрихъ полагалъ, что встрѣтитъ слабое сопротивленіе на одномъ краю Франціи, когда Императоръ займетъ Монарха ея войною на другомъ краю, и льстилъ себя мыслію, что ему предоставлена слава возвратить древнее достояніе Королей Англійскихъ на твердой землѣ. Вольсей искусно питая эти пустыя мечты, завлекалъ Генриха въ предпріятія, самыя благопріятныя для личныхъ своихъ видовъ, и Англичане, народная ненависть которыхъ къ Французамъ была способна воспламеняться при каждомъ случаѣ, одобряли воинственный духъ своего Государя.

Между тѣмъ союзъ между Папою и Императоромъ имѣлъ важныя слѣдствія въ Италіи. Жители ея ненавидѣли тогда господство Французовъ сильнѣе всякаго чужеземнаго ига. Холодные обитатели Германіи и важные Испанцы болѣе могли сообразоваться съ ревнивымъ нравомъ ихъ и чинными обычаями, нежели Французы, по своей живости весьма склонные къ волокитству и нарушенію приличій. Но Людовикъ XII, управ-

вляя Миланцами правосудно и кротко, и жалуя имъ преимущества, какими они не пользовались даже при своихъ природныхъ Государяхъ, почти истребилъ въ нихъ предубѣжденіе къ своимъ подданнымъ и примирилъ ихъ съ Французскимъ господствомъ. Францискъ, завоевавъ Миланское Герцожство, не подражалъ примѣру своего предшественника, и хотя самъ, по благородству нрава, былъ неспособенъ угнетать народъ, но давалъ къ этому смѣлость любимцамъ своимъ, имѣя къ нимъ слѣпую довѣренность и не наблюдая за ихъ поведеніемъ. Онъ поручилъ управлять Миланомъ Оде де Фуа, Маршалу Лотреку, другому брату госпожи де Шатобріанъ, воину опытному и знаменитому, но съ тѣмъ вмѣстѣ надменному, властолюбивому, хищному, не терпѣвшему совѣтовъ и противорѣчій. Онъ совершенно истребилъ въ Миланцахъ привязанность къ Французамъ самоволіемъ своимъ и грабительствомъ, и сослалъ въ ссылку многихъ знатныхъ гражданъ, а многіе сами оставили свое отечество для безопасности. Къ числу ихъ принадлежалъ Іеронимъ Мороне́, Вице-канцлеръ Миланскій, славный своимъ хитрымъ умомъ и предпріимчивостію даже въ такой странѣ, гдѣ эти качества были весьма обыкновенны, потому что частыя крамолы и перевороты открывали тогда обширное поприще для ихъ развитія. Онъ перешелъ на сторону Франциска Сфорсы, брату котораго, Максимиліану, прежде измѣнилъ, и хотя Леонъ еще не объявлялъ своего союза съ Императоромъ, однако Мороне, подозрѣвая его намѣреніе напасть на Миланское Герцожство, предложилъ ему захватить нѣкоторыя мѣста въ этомъ владѣніи съ помощію изгнанниковъ, которые готовы были на всякое отчаянное предпріятіе изъ ненависти къ Французамъ и привержен-

ности къ прежнимъ своимъ правителямъ. Леонъ не только одобрилъ этотъ замыслъ, но даже выдалъ значительное денежное пособіе на его исполненіе; и когда заговорщики, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, нигдѣ не имѣли успѣха, то онъ позволилъ имъ удалиться въ Реджо, въ то время принадлежавшій Церквѣ. Лотрекъ былъ тогда во Франціи. Братъ его, Маршалъ де Фуа, котораго онъ оставилъ правителемъ въ Миланѣ на время своего отсутствія, обольщенный надеждою вдругъ поймать всѣхъ явныхъ враговъ своего Государя, какъ въ западнѣ, осмѣлился войти въ Церковныя земли и осадить Реджо (24 го Іюня). Но бдительность и благоразуміе градоначальника, Историка Гвичардини, принудили Французскаго полководца со стыдомъ оставить свое предпріятіе (1). Леонъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, весьма обрадовался, потому что оно доставляло ему приличный предлогъ къ разрыву съ Франціею, и, немедленно собравъ Кардиналовъ, жаловался на враждебныя дѣйствія Французскаго Короля, превозносилъ ревность Императора къ Церквѣ, недавно доказанную судомъ надъ Лютеромъ, и объявилъ, что, для собственной защиты и для безопасности Церковнаго Государства, ему осталось одно средство — соединить свое оружіе съ Императорскимъ. Съ этою цѣлію онъ, какъ будто бы только теперь, заключилъ договоръ съ Дономъ Іоанномъ Мануэлемъ, хотя подписанный уже за нѣсколько мѣсяцевъ прежде, и торжественно отлучилъ отъ Церкви де Фуа за святотатственное нашествіе на землю Петра Апостола.

Леонъ уже началъ готовиться къ войнѣ, нанявъ значительный отрядъ Швейцарцевъ; но Им-

---

(1) Guic. lib. XIV, 183. Mém. de Bellay, p. 38 etc.

ператорскіе полки такъ медленно двигались изъ Неаполитанскаго Королевства и Германіи, что миновала уже половина осени, когда все войско выступило въ походъ подъ предводительствомъ Проспера Колонны, знаменитѣйшаго изъ вождей Итальянскихъ, извѣданная опытность и великая осторожность котораго были весьма благоразумно противопоставлены стремительности Французовъ. Де Фуа посылалъ гонца за гонцомъ, чтобы увѣдомить Короля о приближающейся опасности. Францискъ не ожидалъ ее въ томъ краю такъ внезапно; силы его частію дѣйствовали въ Нидерландахъ, частію сбирались на Испанскую границу, и потому онъ отправилъ пословъ просить еще войска у Швейцарцевъ, своихъ союзниковъ, а Лотреку велѣлъ тотчасъ же ѣхать къ должности. Полководецъ, хорошо знавшій, какъ небережливо управляли королевскими доходами, и какъ много терпѣли Миланскія войска, не получая жалованья, не хотѣлъ отправиться, пока не выдадутъ ему трехъ сотъ тысячь кронъ; но долженъ былъ наконецъ уступить Королю, матери его, Луизѣ Савойской, и Санблянсе, Государственному Казначею, которые увѣрили его, даже съ клятвою, что, пріѣхавъ въ Миланъ, онъ уже найдетъ тамъ нужныя ему деньги. Къ несчастію Франціи, Луиза рѣшилась не сдержать своего обѣщанія. Она была женщина коварная, мстительная, корыстолюбивая и готовая на всякую жертву для удовлетворенія страстей своихъ; но пріобрѣла неограниченную власть надъ сыномъ материнскою нѣжностію къ нему, заботами объ его воспитаніи и отличными своими способностями. Лотрекъ навлекъ на себя немилость Луизы высокомѣрнымъ пренебреженіемъ ея благосклонности и свободными разсказами объ нѣкоторыхъ любовныхъ ея

приключеніяхъ. Желая лишить его славы, которою онъ могъ бы покрыться, счастливо защитивъ Миланское Герцожство, она взяла триста тысячь кронъ, ему назначенныхъ, и оставила ихъ на собственныя свои нужды.

Лотрекъ, жестоко обманутый, нашелъ однако средства собрать значительное войско, хотя гораздо меньшее союзнаго. Онъ принялъ оборонительныя мѣры, самыя сообразныя съ своимъ положеніемъ: уклонялся отъ рѣшительной битвы, но легкими войсками не давалъ покоя непріятелю, тревожилъ его въ станѣ, перехватывалъ его обозы, и прикрывалъ каждое мѣсто, которое онъ хотѣлъ взять. Эти благоразумныя дѣйствія не только замедлили успѣхи союзниковъ, но скоро изнурили бы Леона, который до сихъ поръ несъ одинъ всѣ военныя издержки; потому что Императоръ не могъ посылать ему большихъ денежныхъ пособій, употребивъ всѣ доходы Испаніи на усмиреніе въ ней бунтовъ и содержа многочисленное войско въ Нидерландахъ. Но непредвидѣнный случай произвелъ гибельную перемѣну въ дѣлахъ Франціи. Въ войскѣ Лотрека служили двѣнадцать тысячь Швейцарцевъ подъ своими знаменами. Законъ, человѣколюбивый и мудрый, запрещалъ имъ наниматься въ службу къ двумъ непріятелямъ. Корысть иногда кривила этимъ закономъ, и республиканцы получали позволеніе вступать въ службу къ кому хотѣли, только съ условіемъ сражаться подъ знаменами своихъ полководцевъ, а не Республики. Кардиналъ Сіонскій, пылая ненавистію къ Французамъ, убѣдилъ двѣнадцать тысячь своихъ единоземцевъ подкрѣпить союзниковъ. Увидѣвъ множество своихъ согражданъ, готовыхъ истреблять другъ друга, Правители Кантоновъ ужаснулись безславія, которое ожидало

ихъ, если бы они допустили это кровопролитіе, ужаснулись и потери, грозившей ихъ отечеству. Немедленно послали они гонцовъ съ повелѣніемъ, чтобы Швейцарцы оставили оба войска и возвратились въ свою землю. Но Кардиналъ Сіонскій подкупилъ вѣстниковъ не сообщать этого Швейцарцамъ въ службѣ союзниковъ. Такимъ образомъ одни только находившіеся въ Французскомъ войскѣ, получили указъ своего Правительства, и, утомясь продолжительностію войны, а еще болѣе досадуя на неплату жалованья, они тотчасъ повиновались, не смотря на представленія и просьбы Лотрека.

Покинутый войскомъ, которое составляло главную его силу, Лотрекъ не смѣлъ долѣе противостоять союзникамъ; онъ отступилъ къ Милану и укрѣпился на берегахъ Адды, полагая всю свою безопасность въ томъ, чтобы не пустить непріятеля черезъ рѣку, — средство къ защитѣ той страны самое неблагонадежное; оно рѣдко удавалось противъ опытнаго, искуснаго полководца. И Колонна, не смотря на бдительность Лотрека, перешелъ Адду съ небольшою потерею, принудилъ Французовъ запереться въ стѣнахъ Милана, и готовился осаждать его, какъ неизвѣстный человѣкъ, который никогда послѣ того не хвалился своею услугою и не просилъ за нея награды, пришелъ изъ города и увѣдомилъ Мороне, что если непріятели въ ту же ночь сдѣлаютъ приступъ, то Гибелины отдадутъ имъ одни городскія ворота. Хотя Колонна не любилъ опрометчивыхъ предпріятій, однако велѣлъ Маркизу Пескарѣ двинуться впередъ съ Испанскою пѣхотою, а самъ пошелъ за нимъ съ остальнымъ войскомъ. Къ ночи, Пескара, достигнувъ до Римскихъ воротъ въ предмѣстіи, захватилъ най-

денный тамъ караулъ; солдаты, обязанные защищать укрѣпленія, примыкавшіе къ воротамъ, тотчасъ обратились въ бѣгство; Маркизъ, занявъ мѣсто, ими оставленное, и все подаваясь далѣе, смѣло и осторожно, овладѣлъ городомъ почти безъ сопротивленія и кровопролитія. Побѣдители не менѣе побѣжденныхъ были изумлены легкостію и успѣхомъ своего покушенія. Лотрекъ стремительно отступилъ къ Венеціянскимъ границамъ съ остатками своего войска. Миланскіе города, подражая примѣру столицы, сдавались союзникамъ. Парма и Пьяченца были присоединены къ Церковному Государству, и изъ всѣхъ завоеваній въ Ломбардіи Французы удержали только городъ Кремону, замокъ Миланскій и нѣсколько неважныхъ крѣпостей (1).

Леонъ съ такими радостными восторгами получалъ извѣстія объ этихъ счастливыхъ происшествіяхъ, слѣдовавшихъ быстро одно за другимъ, что (по словамъ Французскихъ Историковъ) занемогъ лихорадкою, пренебреженіе которой стоило ему жизни. Онъ умеръ втораго Декабря, еще въ лѣтахъ мужества и на верху славы. Этотъ неожиданный случай разстроилъ союзъ. Кардиналы Сіонскій и Медичи оставили войско, чтобы присутствовать въ Конклавѣ. Швейцарцевъ отозвало домой Правительство ихъ; другіе наемники были распущены, по недостатку денегъ на жалованье, и только Испанцы съ небольшимъ числомъ Нѣмцевъ остались защитниками Миланскаго Герцожства. Но Лотрекъ, не имѣя людей и денегъ,

(1) Guic. lib. XIV, 190 etc. Mém. de Bellay, 42 etc. Galeacii Capella de Reb. Gest. pro restitut. Fran. Sfortiae Comment. ap. Scardium, vol. II, 180 etc.

не могъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ по своему желанію. Бдительность Мороне и благоразуміе Колонны уничтожили слабыя покушенія его на Миланскія земли; а Гвичардини искусно и храбро отразилъ болѣе смѣлый и опасный приступъ его къ Пармѣ (1).

1522 г. — Тѣмъ временемъ великое несогласіе царствовало въ Конклавѣ, собравшемся по смерти Леона, и всѣ тонкости, свойственныя людямъ, которые состарѣлись въ пронырствѣ, были употреблены въ спорѣ за Папскую тіару. О Вольсеѣ никто и не думалъ, хотя онъ не забылъ напомнить Императору его пышныя обѣщанія. Кардиналъ Юлій Медичи, племянникъ Леона, самый знаменитый изъ членовъ духовнаго собранія по способностямъ, богатству и опытности въ дѣлахъ государственныхъ, имѣлъ уже на своей сторонѣ пятнадцать голосовъ. Это число, по уставамъ Конклава, было достаточно, чтобы отказать всѣмъ другимъ искателямъ, но еще не могло рѣшить его избранія. Противъ Юлія сговорились всѣ старые Кардиналы, хотя еще несогласные кого предпочесть ему. Между тѣмъ какъ противныя стороны старались задобрить, подкупить, утомить одна другую, Медичи и его приверженцы, слѣдуя ежедневному обряду, предложили въ одно утро балотировать Кардинала Адріана Утрехтскаго, который тогда управлялъ Испаніею вмѣсто Императора. Они сдѣлали это просто, чтобы продлить время; но противная сторона тотчасъ одобрила ихъ желаніе, и къ великому удивленію Конклава и цѣлой Европы, чужеземецъ, неизвѣстный даже тѣмъ, кото-

(1) Guic. L. XIV, 214.

рые подавали голоса въ его пользу, и незнакомый съ нравами Римлянъ и съ выгодаим Церковнаго Государства, былъ единодушно возведенъ на престолъ Папскій (9 Января), и въ такихъ опасныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, когда въ Первосвященники нуженъ былъ способнѣйшій изъ Кардиналовъ. Сами избиратели, не умѣя дать себѣ отчета въ своемъ странномъ выборѣ, за который народъ Римскій осыпалъ ихъ бранью и проклятіями, когда они шли установленнымъ порядкомъ изъ Конклава, относили его къ непосредственному внушенію Святаго Духа. Но ближе приписать это дѣло Дону Іоанну Мануэлю, Императорскому посланнику, который своими происками облегчилъ избраніе особы, преданной Карлу изъ благодарности, изъ выгодъ и расположенія (1).

Возвышеніе Адріана доставило Императору новое вліяніе въ Италіи, придало большой блескъ власти его, казалось дѣломъ необыкновенной милости и могущества. Францискъ съ чувствами соперника видѣлъ предпочтеніе, оказываемое Карлу, и рѣшился возвратить потери свои въ Италіи свѣжими силами. Швейцарцы, желая сколько-нибудь вознаградить Французскаго Короля за безвременный отзывъ полковъ своихъ, въ слѣдствіе котораго онъ лишился Миланскаго Герцожства, позволили ему набрать десять тысячь человѣкъ въ своей Республикѣ. Это подкрѣпленіе и деньги, полученныя отъ Короля, привели Лотрека въ состояніе снова начать войну. Захвативъ, частію врасплохъ, частію силою нѣкоторыя мѣста въ

(1) Herm. Moringi Vita Hadriani, ap. Casp. Burman. in Analect. de Hadr. p. 52. Conclave Hadr. Ibid. p. 144 etc.

Миланской землѣ, онъ подошелъ довольно близко къ столицѣ. Союзное войско не могло остановить его успѣховъ, и, не смотря на то, что хитрости Мороне и воззванія одного монаха, имъ употребленнаго, воспламенивъ Миланцевъ непримиримою ненавистію къ Французскому господству, склонили ихъ къ платежу чрезвычайныхъ налоговъ, Колонна скоро бы долженъ былъ оставить выгодное мѣсто, занятое имъ при Бикоккѣ, и распустить свои войска по недостатку денегъ на жалованье, если бы Швейцарцы во Французской службѣ еще разъ не вывели его изъ затруднительнаго положенія.

Дерзость и своенравіе этого народа такъ же часто бывали гибельны для друзей его, какъ храбрость и опытность для враговъ. Нѣсколько мѣсяцевъ не получая жалованья отъ Лотрека, Швейцарцы громко роптали; наконецъ деньги имъ были отправлены изъ Франціи подъ надежною защитою; но неусыпный Мороне поставилъ на дорогѣ отрядъ войска, и посланные съ казною не смѣли исполнить своего порученія. Узнавъ объ этомъ, Швейцарцы потеряли все терпѣніе; офицеры и солдаты, столпясь кругомъ Лотрека, въ одинъ голосъ грозили ему, что немедленно уйдутъ, если онъ не заплатитъ имъ жалованья, или на другое же утро не поведетъ ихъ противъ непріятеля. Напрасно Лотрекъ представлялъ невозможность удовлетворить первое ихъ требованіе и опрометчивость втораго, которымъ они принуждали его идти на вѣрное пораженіе; потому что мѣсто, занятое непріятелемъ, и само по себѣ очень крѣпкое, искусствомъ было сдѣлано почти неприступнымъ. Швейцарцы, не внимая голосу разсудка, и надѣясь своею храбростію одолѣть всѣ препятствія, неистово возобновили

свои требованія и хотѣли, чтобы Лотрекъ пустилъ ихъ впередъ начать нападеніе. Лотрекъ долженъ былъ уступить ихъ непобѣдимому упорству. Онъ, вѣроятно, полагалъ, что какое-нибудь изъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, такъ часто рѣшающихъ судьбу сраженій, увѣнчаетъ это безразсудное предпріятіе успѣхомъ неожиданнымъ, и зналъ притомъ, что слѣдствія пораженія не могли быть пагубнѣе ухода половины войска. На другой день (въ Маѣ), рано утромъ, Швейцарцы съ величайшей отважностью пошли на непріятеля, котораго со всѣхъ сторонъ защищали окопы и пушки, и который былъ готовъ къ оборонѣ. Они весьма твердо выдерживали ужасный огонь, и не дожидаясь своей артиллеріи, пылко бросились на укрѣпленія. Но послѣ невѣроятныхъ усилій храбрости, мужественно поддержанныхъ Французами, потерявъ отличнѣйшихъ офицеровъ, лучшіе полки, и удостовѣрясь въ неприступномъ положеніи непріятеля, они затрубили отступъ, удаляясь однако съ поля брани въ строгомъ порядкѣ, непреслѣдуемые непріятелемъ, какъ войско отраженное, но не разбитое.

На другой день Швейцарцы, пережившіе Бикоккское сраженіе, отправились въ свое отечество; а Лотрекъ, отчаясь въ возможности долѣе сопротивляться, удалился во Францію, оставивъ гарнизоны въ Кремонѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, которыя всѣ, исключая Кремонскаго вышгорода, скоро сдалися Колоннѣ.

Однако Францискъ еще твердою ногою держался въ Италіи, потому что ему принадлежала Генуя съ своими землями, откуда онъ могъ удобно дѣйствовать для возвращенія Миланскаго Герцожства. Но Колонна, уже отважный отъ

непрестанныхъ успѣховъ и убѣжденный Адорніями, наслѣдственными врагами Фрегозіевъ, которые подъ покровительствомъ Франціи, пользовались въ Генуѣ главною властію, рѣшился завоевать эту Республику, и совершилъ свое предпріятіе съ легкостію изумительною. Онъ овладѣлъ Генуею по такому же нечаянному случаю, какъ Миланомъ, и почти безъ сопротивленія и кровопролитія утвердилъ въ ней могущество Адорніевъ и господство Императора (1).

Такое несчастіе за несчастіемъ было весьма прискорбно Франциску, и печаль его не мало увеличилась неожиданнымъ пріѣздомъ вѣстника изъ Англіи, который объявилъ ему войну отъ имени своего Государя (29го Мая). Это произошло въ слѣдствіе договора, тайно заключеннаго Вольсеемъ и Императоромъ въ Брюге. Хотя привезенная новость и должна была поразить Франциска послѣ всѣхъ стараній, употребленныхъ имъ, чтобы снискать дружбу Генриха и привлечь на свою сторону его министра, однакожъ онъ принялъ посланнаго съ царственнымъ величіемъ и спокойствіемъ духа (2), и, не оставляя ни одной мѣры противъ Императора, началъ дѣятельно готовиться къ сопротивленію новому непріятелю и прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ средствамъ для пріобрѣтенія денегъ; потому что истощилъ казну свою издержками на бывшія военныя дѣйствія и на свои удовольствія. Онъ учредилъ продажныя должности, заложилъ королевскіе удѣлы, велѣлъ собрать съ подданныхъ новые налоги, и даже отнять отъ гробницы Св. Мартына рѣшетку изъ

(1) Jovii Vita Ferdin. Davali, p. 344. Guic. L. XIV, 233.
(2) Journal de Louise de Savoie, p. 199.

цѣльнаго серебра, которою окружилъ ее Людовикъ XI, по набожному обѣту. Эти средства дали Франциску возможность снарядить значительное войско и привести пограничные города въ хорошое оборонительное положеніе.

Императоръ, между тѣмъ, старался извлечь какъ можно болѣе пользы отъ могущественнаго союза съ Генрихомъ, и потому посѣтилъ его на пути своемъ въ Испанію, куда благополучное состояніе дѣлъ позволило ему отправиться. Этимъ свиданіемъ Императоръ предполагалъ укрѣпить свое дружество съ Королемъ Англійскимъ, побудить его къ дѣятельной войнѣ съ Франціею и утѣшить Вольсея въ его жестокой неудачѣ. Успѣхъ превзошелъ всѣ надежды Карла. Въ шестинедѣльное пребываніе свое въ Англіи онъ умѣлъ благорасположить къ себѣ не только Генриха и его министра, но даже самый народъ. Король, тщеславію котораго были весьма лестны посѣщеніе Императора и его усердная почтительность, принялъ жаркое участіе во всѣхъ его видахъ. Кардиналъ, предусматривая по лѣтамъ и немощамъ Адріана, что Папскій престолъ скоро будетъ свободенъ, скрылъ свое негодованіе; и такъ какъ Императоръ увеличилъ ему жалованье и возобновилъ свои обѣщанія всѣми силами благопріятствовать его домогательству, то онъ старался заслужить эти милости новыми ревностными услугами. Народъ, раздѣляя славу своего Государя, и восхищаясь довѣренностію Карла къ Англичанамъ, которую онъ оказалъ, избравъ Графа Соррея главнымъ своимъ Адмираломъ, съ такою же охотою хотѣлъ начать войну, какъ самъ Генрихъ.

Чтобы доказать Императору, до отъѣзда его изъ Англіи, воинственный жаръ, всѣхъ оду-

шевлявшій, Соррей пустился въ море и опустошилъ берега Нормандіи; потомъ сдѣлалъ высадку въ Бретань, гдѣ разорилъ и сжегъ Морле и нѣсколько другихъ мѣстъ, менѣе значительныхъ. Послѣ этихъ легкихъ набѣговъ, болѣе безславныхъ, нежели вредныхъ для Франціи, онъ прибылъ въ Кале, принялъ начальство надъ главною ратью, состоявшею изъ шестнадцати тысячь человѣкъ, и соединясь съ Фламанскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ Графъ Буренъ, двинулся въ Пикардію. Рать, собранная Францискомъ, была гораздо малочисленнѣе. Но Французы, давно воюя съ Англичанами, открыли надлежащій способъ защищать отъ нихъ свою землю. Неудачи научили ихъ избѣгать рѣшительнаго сраженія съ непріятелемъ, а стараться утомлять его продолжительностію войны и уничтожать по частямъ, наблюдая за всѣми его движеніями, перехватывая обозы, къ нему идущіе, нападая на передовую его стражу, тревожа его непрестанно конницею, и помѣщая гарнизоны въ каждое мѣсто, способное къ оборонѣ. Герцогъ Вандомскій, Французскій полководецъ въ Пикардіи, дѣйствовалъ по этому способу благоразумно и успѣшно: онъ не только не далъ Соррею взять ни одного важнаго города, но даже принудилъ его удалиться; потому что изнуреніе, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и потери во многихъ несчастныхъ сшибкахъ значительно уменьшили Англійское войско.

Такъ кончилось второе ратованіе въ самую общую войну изъ всѣхъ преждебывшихъ въ Европѣ; и хотя безвременный гнѣвъ матери, непростительная дерзость полководца и своеволіе наемнаго войска лишили Франциска Итальянскихъ его завоеваній, однако союзные непріятели его

не могли сдѣлать ничего важнаго въ самой Франціи и всегда находили Монарха ея въ исправной готовности принять ихъ при каждомъ нападеніи.

Между тѣмъ, какъ Христіанскіе Государи истощали силы свои другъ противъ друга, Солиманъ Блистательный вошелъ въ Венгрію, и осадивъ Бѣлградъ, который почитался главнымъ оплотомъ ея отъ Турковъ, скоро принудилъ его сдаться. Ободренный этимъ успѣхомъ, Султанъ обратилъ побѣдоносное оружіе свое противъ острова Родоса, гдѣ жили тогда рыцари Св. Іоанна Іерусалимскаго. По обыкновенію Азіятскихъ повелителей, онъ повелъ многочисленную рать на это маленькое владѣніе. Двѣсти тысячь Невѣрныхъ и четыреста кораблей явились подъ стѣнами крѣпости, защищаемой пятью стами простыхъ воиновъ и шестью стами рыцарей подъ начальствомъ Вилье де Лиль Адама, Великаго Магистра, мудростію и мужествомъ достойнаго своего мѣста въ это опасное время. При первомъ подозрѣніи, для чего Солиманъ снаряжалъ огромныя морскія силы, онъ отправилъ гонцовъ ко всѣмъ Дворамъ Христіанскимъ просить помощи противъ общаго непріятеля. Но хотя каждый Государь въ тотъ вѣкъ признавалъ Родосъ главною оградою Христіанскаго міра съ Востока и полагался на храбрость рыцарей, какъ на самую вѣрную защиту отъ успѣховъ Оттоманскаго оружія; хотя Папа съ ревностію, приличною Главѣ Церкви, убѣждалъ Государей-соперниковъ забыть частную свою вражду и соединенными силами воспрепятствовать Невѣрнымъ истребить общество, приносившее честь имени Христіанскому: однако непріязнь Карла и Франциска была такъ сильна и неумолима, что, не взирая на опасность, которой подвергалась вся Европа, и не трогаясь

ни просьбами Великаго Магистра, ни увѣщаніями Адріана, они позволили Солиману спокойно дѣйствовать противъ Родоса. Великій Магистръ, отразивъ много приступовъ геройскою обороною, наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій храбрости, терпѣнія и воинской изобрѣтательности въ продолженіе осады шестимѣсячной, принужденъ былъ уступить множеству, и на выгодныхъ условіяхъ, предложенныхъ Султаномъ, который чтилъ его дивное мужество, сдалъ городъ, обращенный въ груду развалинъ и неимѣвшій уже никакой возможности къ сопротивленію (1). Карлъ и Францискъ, стыдясь, что ихъ властолюбіе стоило такъ дорого Христіанству, слагали вину другъ на друга, между тѣмъ какъ Европа, съ бо́льшею справедливостію, приписывала ее имъ обоимъ. Императоръ, въ вознагражденіе за Родосъ, пожаловалъ рыцарямъ Св. Іоанна маленькой островъ Мальту, гдѣ они утвердили свое мѣстопребываніе, не имѣя прежняго могущества и славы, но сохраняя тотъ же духъ и ту же непримиримую ненависть къ Невѣрнымъ.

(1) Fontanus de Bello Rhodio, ap. Scard. Script. Rer. German. vol. II, p. 88. P. Barre Hist. d'Allem. Tom. VIII, 57.

КНИГА III.

1522 г. — Карлъ, имѣвъ удовольствіе видѣть начало непріязненныхъ дѣйствій между Франціею и Англіею, простился съ Генрихомъ и прибылъ въ Испанію семнадцатаго Іюня. Эта страна только что стала устроиваться въ порядкѣ и укрѣпляться въ силахъ послѣ бѣдствій, испытанныхъ ею въ отсутствіе Императора отъ войны междоусобной, о началѣ и ходѣ которой я помѣщу здѣсь повѣствованіе, потому что она имѣла малую связь съ другими происшествіями въ Европѣ.

Едва разнесся слухъ, что Кортесное Собраніе въ Галиціи согласилось на *пожертвованіе* Императору, а самъ онъ не хотѣлъ прекратить ни одного злоупотребленія, какъ поднялся всеобщій ропотъ. Граждане Толедскіе, почитая себя, по великимъ своимъ преимуществамъ, блюстителями правъ общинъ Кастильскихъ, и видя напрасныя представленія своихъ депутатовъ противъ дара, противнаго кореннымъ уставамъ Государства, взбунтовались (въ Маѣ 1520 г.), подняли оружіе и, захвативъ укрѣпленныя городскія ворота, напали на аль-казаръ или замокъ, и скоро принудили его сдаться. Ободренные этимъ успѣхомъ, они отняли власть у всѣхъ, подозрѣваемыхъ ими въ приверженности ко Двору, учредили народное правленіе, составленное изъ выборныхъ отъ нѣкоторыхъ приходовъ въ городѣ, и завели войско для своей защиты. Главнымъ пред-

водителемъ народа въ этомъ бунтѣ былъ Донъ Іоаннъ де Падилла, старшій сынъ Кастильскаго Коммендатора, молодой дворянинъ, отличавшійся великодушіемъ, неустрашимостію, честолюбіемъ и всѣми дарованіями, которыя во времена гражданскихъ раздоровъ доставляютъ людямъ силу и знатность (1).

Еще пагубнѣе были слѣдствія ожесточенія гражданъ Сеговійскихъ. Тордесилласъ, одинъ изъ ихъ представителей на послѣднемъ Кортесѣ, человѣкъ смѣлый и надмѣнный, подалъ голосъ въ пользу пожертвованія и, возвратившись, отважился созвать согражданъ въ большую церковь, чтобы, слѣдуя обычаю, дать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но чернь, не стерпѣвъ дерзости его оправдывать то, что она почитала непростительнымъ, съ бѣшенствомъ выломила церковныя двери и, схвативъ несчастнаго Тордесилласа, повлекла его по улицамъ на мѣсто казни, обременяя проклятіями и побоями. Напрасно Деканъ и Каноники торжественно вынесли на встрѣчу народу Святые дары, чтобы укротить его ярость; напрасно монахи тѣхъ обителей, мимо которыхъ онъ проходилъ, на колѣнахъ умоляли его пощадить жизнь Тордесилласа, или по крайней мѣрѣ дать ему время исповѣдать грѣхи свои и получить въ нихъ прощеніе; не внимая голосу человѣколюбія и Вѣры, народъ кричалъ: „одинъ палачъ можетъ разрѣшить отъ грѣховъ такого измѣнника отечеству", тащилъ его далѣе съ бо́льшею неистовостью и, увидя, что онъ умеръ, повѣсилъ его за ноги на городской висѣлицѣ (2). Жители Бургоса, Заморы и еще дру-

(1) Sandov. p. 77.
(2) P. Martyr. Ep. 671.

гихъ городовъ воспламенились тѣмъ же духомъ. Но хотя представители ихъ, предостереженные судьбою Тордесилласа, были такъ умны, что заранѣе спаслись бѣгствомъ, однако народъ сжегъ, вмѣсто ихъ, болваны, ихъ представлявшіе, срылъ домы бѣглецовъ до основанія, и предалъ пламени ихъ имущество. Омерзѣніе, которое они внушили къ себѣ, какъ предатели, простиралось до того, что никто изъ необузданной черни не тронулъ даже дорогихъ вещей, имъ принадлежавшихъ (1).

Адріанъ, въ то время Регентъ Испанскій, едва успѣлъ утвердить свое мѣстопребываніе въ Вальядолидѣ, какъ получилъ извѣстіе объ этихъ мятежахъ. Немедленно (5 Іюня 1520 г.) созвалъ онъ Совѣтъ, чтобы обдумать, какими мѣрами прекратить ихъ. Мнѣнія совѣтниковъ были различны: иные представляли необходимость смирить дерзкій духъ въ самомъ началѣ строгимъ правосудіемъ; другіе говорили, что должно кротко поступить съ народомъ, имѣвшимъ нѣкоторыя причины къ возмущенію, и не выводить его совершенно изъ границъ обязанностей безвременною строгостію. Къ сторонѣ первыхъ, сильно подкрѣпляемой Архіепископомъ Гранадскимъ, предсѣдателемъ Совѣта, мужемъ весьма почтеннымъ, но вспыльчивымъ, присталъ и Адріанъ, ревностію поддержать власть своего Государя увлеченный въ предпріятіе, противное свойственной ему осторожности и тихости. Онъ велѣлъ Рокиллу, одному изъ судей Королевскихъ, немедленно ѣхать въ Сеговію, которая подала первый примѣръ бунта, и поступить съ виновными по законамъ; а въ отвращеніе непокорности жите-

(1) P. Martyr. Ep. 674. Sandov. 103.

лей отправилъ съ нимъ значительный отрядъ войска. Сеговійцы, предвидя, чего имъ ожидать отъ судьи, извѣстнаго своимъ жестокосердіемъ, единодушно вооружились, и, составивъ двѣнадцатитысячное ополченіе, заперли городскія ворота. Роквилло, раздраженный этою дерзостію, объявилъ жителей бунтовщиками, лишенными покровительства законовъ; войско же его, овладѣвъ всѣми путями въ городъ, надѣялось скоро принудить его къ сдачѣ голодомъ. Но Сеговійцы защищались храбро и, получивъ значительное подкрѣпленіе изъ Толедо, напали подъ предводительствомъ Падиллы на Роквилла и принудили его отступить, при чемъ онъ лишился обоза и войсковой казны (1).

Послѣ этого Адріанъ велѣлъ Антонію де Фонсека, котораго Императоръ назначилъ верховнымъ вождемъ силъ Испанскихъ, начать правильную осаду Сеговіи. Но жители Медины дель Кампо, гдѣ Кардиналъ Ксименесъ устроилъ обширный арсеналъ, не дали ему осадныхъ орудій, сказавъ, что они приготовлены не на погибель Испанцевъ, но во вредъ ихъ непріятелямъ. Фонсека, видя невозможность исполнить данное приказаніе безъ огнестрѣльнаго снаряда, рѣшился овладѣть арсеналомъ. Жители Медино дель Кампо единодушно согласились ему противиться; онъ сдѣлалъ храбрый приступъ къ городу (21 го Авг.), но былъ встрѣченъ мужественно. Отчаясь побѣдить силою, онъ зажегъ нѣсколько домовъ, въ надеждѣ, что граждане уйдутъ со стѣнъ спасать свои семейства и имущества. Но этотъ поступокъ, напротивъ того, увеличилъ ихъ ярость, и они прогнали Фонсеку, съ большимъ

(1) Sandov. 112. P. Martyr. Ep. 679. Miniana, Contin. p. 15.

для него урономъ, между тѣмъ какъ пламя, разливаясь изъ улицы въ улицу, обратило въ пепелъ почти весь городъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ тогда въ Испаніи, и весьма важный по своей торговлѣ. Испанское купечество понесло несмѣтную потерю, потому что ряды въ Медино дель Кампо были наполнены товарами для наступавшей ярмарки. Этотъ убытокъ, присоединясь къ впечатлѣнію, которое жестокій поступокъ Фонсеки произвелъ на народъ, давно отвыкшій отъ ужасовъ междоусобія, раздражилъ Кастильцевъ почти до безумія. Фонсека сталъ предметомъ всеобщаго негодованія; его называли позорнымъ именемъ зажигателя и врага отечества; даже граждане Вальядолида, не смотря на пребываніе у нихъ Кардинала, объявили, что они не могутъ долѣе оставаться простыми зрителями страданій своихъ соотечественниковъ, и вооружась, по примѣру другихъ городовъ, сожгли до тла весь домъ Фонсеки, перемѣнили начальниковъ въ городѣ, набрали войско, и стерегли стѣны свои съ такою бдительностію, какъ будто опасались непріятельскаго нападенія.

Кардиналъ, хотя добродѣтельный, безкорыстный и способный съ честію управлять Королевствомъ во времена спокойныя, не имѣлъ ни мужества, ни дарованій, необходимыхъ въ эту годину опасности, и, чувствуя свое безсиліе прекратить дерзости, совершаемыя въ глазахъ его, старался успокоить Испанцевъ, объявя имъ, что Фонсека преступилъ полученныя повелѣнія и своею опрометчивостію столько же оскорбилъ его самаго, сколько обидѣлъ народъ. Эта снисходительность, слѣдствіе нерѣшительнаго и робкаго нрава, увеличила смѣлость недовольныхъ. Когда Адріанъ призвалъ Фонсеку назадъ и

распустилъ войско, не имѣя возможности долѣе содержать его, потому что казна была истощена хищностію Фламанскихъ Министровъ и большіе города, всѣ вооруженные, не присылали никакого денежнаго пособія; то народъ получилъ полную волю дѣлать что хотѣлъ, а въ рукахъ Адріана не осталось и тѣни власти.

Тогдашнее положеніе феодализма въ Испаніи было благопріятнѣе для независимости, нежели въ другихъ большихъ Королевствахъ Европы. Главная тому причина заключалась въ числѣ большихъ, цвѣтущихъ городовъ, обстоятельство, о которомъ я уже упоминалъ и которое болѣе всѣхъ другихъ смягчаетъ жестокость феодальныхъ уставовъ и способствуетъ введенію умѣреннѣйшаго образа правленія. Жители каждаго города составляли значительныя общества съ важными льготами и правами: они были избавлены отъ подвластія и вассализма; принимали не малое участіе въ законодательствѣ; занимались промышленностію, безъ которой города не могутъ существовать; богатѣли отъ торговли и, будучи сами независимы, стали блюстителями независимости общественной. Представители ихъ въ Кортесѣ старались распространить преимущества своего сословія, освободить его отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей и сдѣлать самымъ могущественнымъ въ Государствѣ.

Настоящія обстоятельства, казалось, благопріятствовали новымъ притязаніямъ. Государь находился въ отсутствіи; злоупотребленія Министровъ лишили его почтенія и любви подданныхъ; народъ, раздраженный множествомъ притѣсненій и обидъ, поднялъ оружіе, хотя не дружно, но какъ будто по единодушному согласію;

онъ пылалъ яростію, способною довести его до самыхъ отчаянныхъ предпріятій; казна была истощена; Государство не имѣло войска; правительствовалъ чужеземецъ, конечно весьма добродѣтельный, но съ способностями не по мѣсту. Падилла и другіе народные вожди, сообразивъ эти обстоятельства и рѣшась воспользоваться ими, прежде всего хотѣли соединить недовольныхъ какимъ нибудь союзомъ, чтобы они могли дѣйствовать дружнѣе и идти къ одной общей цѣли. Успѣхъ былъ не труденъ, потому что жители различныхъ городовъ взбунтовались по однимъ и тѣмъ же причинамъ и привыкли почитать себя отдѣльнымъ сословіемъ отъ прочихъ подданныхъ. Назначенъ былъ общій совѣтъ въ Авилѣ. Съѣхались депутаты почти изъ всѣхъ городовъ, имѣвшихъ право посылать представителей въ Кортесъ. Всѣ они произнесли торжественную клятву жить и умереть, вѣрно служа Королю и защищая преимущества своего сословія; назвались священною *Юнтою*, или священнымъ союзомъ, и стали разсуждать о состояніи Государства и надлежащихъ средствахъ прекратить злоупотребленія, отъ которыхъ оно страдало. Прежде всего естественнымъ образомъ представилось имъ избраніе чужеземца въ Регенты; они единогласно признали это нарушеніемъ коренныхъ законовъ Испаніи и рѣшили отправить посольство изъ своихъ членовъ къ Адріану съ требованіемъ, чтобы онъ сложилъ съ себя всѣ знаки своего сана и воздержался на будущее время отъ власти, объявленной ими незаконною (1).

Пока они готовились исполнить это смѣлое предпріятіе, Падилла совершилъ подвигъ, самый

(1) P. Mart. Ep. 691.

полезный для ихъ дѣла. Выручивъ Сеговію, онъ вдругъ пошелъ къ Тордесилласу, гдѣ жила несчастная Королева Іоанна, необезпеченная въ своей безопасности никакими предосторожностями со стороны Адріана (1). Падилла, по тайнымъ переговорамъ съ жителями, былъ впущенъ въ городъ (29 Авг.). Немедленно явился онъ къ Королевѣ, и, приближась къ ней съ тѣмъ глубокимъ почтеніемъ, котораго она требовала отъ принимаемыхъ ею немногихъ людей, изложилъ подробно бѣдственное положеніе Кастильцевъ подъ управленіемъ ея сына, который, самъ не имѣя опытности, позволилъ чужеземцамъ такъ жестоко поступать съ ними, что они были принуждены взяться за оружіе для защиты правъ своихъ. Королева, какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна, весьма удивилась рѣчамъ его и сказала, что она ни въ чемъ не была виновата, что въ первый разъ только услышала о смерти своего родителя и не знала о злополучіи народа, что теперь постарается помочь ему дѣйствительными мѣрами, а, между тѣмъ, позволила Падиллѣ дѣлать все, необходимое для общаго блага. Падилла, очень скорый на заключенія, согласныя съ своими желаніями, почелъ свѣтлый проблескъ разсудка въ Королевѣ за совершенное возвращеніе этой способности, и, увѣдомивъ Юнту о случившемся, совѣтовалъ ей пріѣхать въ Тордесилласъ и имѣть въ немъ пребываніе. Это было тотчасъ исполнено. Но хотя Іоанна приняла весьма милостиво всеподданнѣйшую просьбу Юнты вступить въ управленіе Королевствомъ и, въ знакъ своего благоволенія, допустила всѣхъ депутатовъ къ

---

(1) Vita dell' Emper. Carl V. dell' Alf. Ulloa. Ven 1509, p. 67. Miniana, Contin. p. 17.

рукѣ; хотя она присутствовала на турнирѣ, въ честь ея данномъ, и казалась весьма довольною торжественными свидѣтельствами уваженія, которое ей оказывали: однакожъ скоро погрузилась въ прежнюю свою задумчивость и уныніе, и ничѣмъ не льзя было умолить ее подписывать бумаги, необходимыя для отправленія дѣлъ (1).

Юнта, тщательно скрывая это послѣднее обстоятельство, дѣйствовала именемъ Іоанны; Кастильцы же, которые боготворили память Изабеллы и сохраняли удивительную привязанность къ дочери ея, предались неумѣренной радости, едва узнали о согласіи Іоанны принять бразды правленія, и, полагая, что она совершенно выздоровѣла, приписывали это чудо волѣ самаго Неба освободить отечество ихъ отъ угнетенія чужеземцевъ. Юнта, чувствуя вліяніе и могущество, которыя придало ей мнимое ея управленіе по власти Королевской, не довольствовалась уже прежнимъ намѣреніемъ требовать отъ Адріана, чтобы онъ сложилъ съ себя званіе Регента; но отправила Падиллу съ значительнымъ войскомъ въ Вальядолидъ, велѣвъ схватить членовъ правительствующаго Совѣта, и привезти ихъ въ Тордесиллась, вмѣстѣ съ государственными печатями, государственнымъ архивомъ и книгами казначейства. Падилла, принятый гражданами, какъ освободитель отечества, въ точности исполнилъ свое порученіе, позволивъ однакожъ Адріану остаться въ Вальядолидѣ, но въ видѣ частнаго лица, безъ всякихъ признаковъ власти (2).

Императоръ, котораго часто извѣщали объ этихъ происшествіяхъ, пока онъ находился еще

(1) Sandov. 164. P. Martyr. Ep. 685, 686.
(2) Sandov. 174. P. Martyr. Ep. 791.

во Фландріи, почувствовалъ, какъ онъ былъ неблагоразуменъ, очень долго пренебрегая ропотомъ и жалобами Кастильцевъ. Онъ видѣлъ съ глубокою горестію, что самое важное изъ его владѣній, основа его могущества, стремилось къ независимости и готово было испытать всѣ ужасы войны междоусобной. Онъ, вѣроятно, ее бы отвратилъ своимъ присутствіемъ; но не могъ, въ то время, посѣтить Испаніи, не подвергаясь опасности лишиться короны Императорской и не давъ Французскому Королю полной свободы исполнить честолюбивые его замыслы. Осталось только рѣшить, какъ лучше усмирить недовольныхъ: кротостью и снисхожденіемъ, или силою? и Карлъ хотѣлъ извѣдать первое средство, готовясь между тѣмъ, на случай, и къ послѣднему. Онъ послалъ окружныя грамоты ко всѣмъ городамъ Кастильскимъ, увѣщавая ихъ въ самыхъ милостивыхъ словахъ положить оружіе съ надеждою на полное прощеніе; обѣщалъ городамъ, оставшимся вѣрными, не брать съ нихъ пожертвованія, опредѣленнаго на послѣднемъ Кортесѣ; предлагалъ эту же милость и тѣмъ, которые возвратятся къ своему долгу; наконецъ обязался впередъ поручать всѣ должности однимъ природнымъ Кастильцамъ. Съ другой стороны, онъ побуждалъ дворянъ къ ревности и защитѣ какъ ихъ собственныхъ, такъ и самодержавныхъ правъ отъ дерзкихъ притязаній городскихъ общинъ; назначилъ Регентами Королевства, вмѣстѣ съ Адріаномъ, главнаго Адмирала, Дона Фадрика Энрикеза, и главнаго Коннетабля, Дона Инига де Веласко, двухъ мужей, знаменитыхъ своими способностями и сильныхъ своимъ вліяніемъ, и далъ имъ полномочіе поддержать Королевскую власть

силою оружія, если упорство недовольныхъ доведетъ до этой необходимости (1).

Но милости Императора ни къ чему не послужили. Юнта, полагаясь на единодушное повиновеніе себѣ народа, гордясь успѣхами, которые сопровождали всѣ ея предпріятія, и видя, что не собираютъ противъ нея войска, хотѣла ограничить Королевскую власть и права дворянства, и сочинила докладъ (2), очень похожій на требованія Англійскаго народа при Короляхъ изъ Дома Стюартовъ и сходный съ притязаніями другихъ народовъ въ продолженіе ихъ борьбы съ своими Государями, потому что духъ правленія въ различныхъ земляхъ феодальныхъ былъ почти одинаковъ. Но Кастильцы имѣли уже въ это время тѣ понятія о независимости, о своихъ правахъ и политическихъ отношеніяхъ, которыя Англичане получили гораздо позднѣе, спустя болѣе столѣтія.

Однако должно согласиться, что Юнта, необуздываемая властію и ободряемая успѣхами, стала весьма дерзка и устремилась къ нововведеніямъ, которыя встревожили прочія государственныя сословія и были для нея пагубны. Дворяне, вмѣсто того, чтобы противиться ея дѣйствіямъ, не мѣшали имъ, пока она требовала только прекращенія злоупотребленій, происходившихъ отъ неопытности Короля и отъ неблагоразумія и хищности его Министровъ; но они воспламенились гнѣвомъ, какъ скоро Юнта коснулась до преимуществъ ихъ сословія, и ясно увидѣли, что мѣры городовъ имѣли цѣлію не одно

---

(1) P. Heuter. Rer. Austr. lib. VIII, c. 6, p. 188.

(2) Sandov. 206. P. Mart. Ep. 686.

ограниченіе самодержавной власти, но и сокрушеніе аристократической. Неудовольствіе ихъ на избраніе Адріана въ Регенты значительно уменьшилось, когда Императоръ назначилъ ему въ соправители Адмирала и Коннетабля; гордость же внушала имъ, что для нихъ приличнѣе повиноваться обширной самодержавной власти, нежели терпѣть высокомѣрныя притязанія народа, и потому они рѣшились подать помощь своему Королю и начали собирать вассаловъ.

Юнта между тѣмъ поручила нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ поднести Императору сочиненный ею докладъ и съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта. Избранные члены немедленно отправились въ Германію; но, получивъ въ различныхъ мѣстахъ вѣрныя извѣстія, что при Дворѣ опасность угрожала ихъ жизни, они остановились на пути и увѣдомили Юнту о слышанномъ (20го Окт. (1). Эта новость раздражила ее до такой степени, что она вышла изъ границъ благоразумія и умѣренности. Поступокъ Короля, недопустившаго къ себѣ своихъ подданныхъ съ покорною просьбою, былъ представленъ тиранствомъ неслыханнымъ. По мнѣнію Юнты болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ съ оружіемъ въ рукахъ прогнать ту голодную стаю пришельцевъ, которая толпилась вокругъ престола и, пожравъ богатство Испаніи, препятствовала воплямъ народа достигать до слуха Королевскаго. Многіе съ жаромъ одобряли прежнее намѣреніе лишить Карла на всю жизнь его матери Королевскаго сана и верховной власти, весьма опрометчиво уступленныхъ ему по ложному предположенію, что Іоанна совершенно неспособна управ-

(1) Sandov. 143.

лять Государствомъ. Нѣкоторые предложили дать ей помощника въ дѣлахъ государственныхъ, сочетавъ ее бракомъ съ Принцемъ Калабрскимъ, наслѣдникомъ Королей Неаполе-Арагонскихъ, который содержался въ заключеніи съ того времени, какъ Фердинандъ похитилъ престолъ у его предковъ. Всѣ были согласны, что надежда получить удовлетвореніе и безопасность простыми просьбами очень долго удерживала ихъ въ бездѣйствіи и мѣшала имъ воспользоваться единодушіемъ народа, и что теперь необходимо было собрать всѣ силы и дѣйствовать рѣшительно противъ опаснаго союза Короля и дворянства для уничтоженія городскихъ преимуществъ (1).

Въ скоромъ времени Юнта имѣла уже въ своемъ распоряженіи двадцать тысячь человѣкъ. Поднялись сильные споры, кому начальствовать войскомъ. Народъ и ратники почитали одного только своего любимца, Падиллу, достойнымъ этой чести. Но избранъ былъ полководцемъ (23го Ноября) Донъ Педро де Гиронъ, старшій сынъ Графа Уруены, молодой знатный дворянинъ, недавно присоединившійся къ городамъ по личному неудовольствію на Императора. Онъ получилъ должность военачальника изъ уваженія къ высокому его роду и по тайному желанію многихъ членовъ Юнты унизить Падиллу, вліяніе котораго на народъ стало устрашать ихъ; но скоро доказалъ имъ гибельнымъ урокомъ, что не имѣлъ ни опытности, ни дарованій, ни твердости, необходимыхъ для полководца.

Регенты, между тѣмъ, назначивъ Ріосеко сборнымъ мѣстомъ для своихъ войскъ, которыя

(1) P. Mart. Ep. 688.

были гораздо малочисленнѣе городскихъ, но за то несравненно превосходили ихъ въ ратномъ искусствѣ и храбрости. Они вызвали полки своей постоянной и старой пѣхоты изъ Наварры. Конница, главная сила ихъ, состояла бо́льшею частію изъ дворянъ, привыкшихъ къ ратной жизни и одушевленныхъ воинственнымъ духомъ, свойственнымъ ихъ сословію въ томъ вѣкѣ. Пѣхота же Юнты была составлена изъ однихъ гражданъ и ремесленниковъ, незнакомыхъ съ войною, а небольшой конный отрядъ, набранный ею, — изъ людей неблагороднаго происхожденія, не имѣвшихъ понятія о своей службѣ. Сколько разнились между собою противныя силы, столько же и качества ихъ полководцевъ: Королистами начальствовалъ Графъ Гаро, старшій сынъ Коннетабля, воинъ весьма опытный и съ отличными способностями.

Гиронъ пошелъ съ своимъ войскомъ прямо на Ріосеко, и, захвативъ вокругъ него всѣ деревни и дороги, надѣялся, что Королисты принуждены будутъ или сдаться по недостатку съѣстныхъ припасовъ, или вступить въ невыгодное сраженіе, прежде нежели соберутся всѣ ихъ силы. Но онъ не умѣлъ исполнить этого предпріятія, а войску его недоставало нужнаго къ тому терпѣнія и искусства. Графъ Гаро безъ большаго труда провелъ въ городъ черезъ непріятельскіе притины значительное подкрѣпленіе, и Гиронъ, отчаясь покорить Ріосеко, внезапно подступилъ къ Виллапандѣ, гдѣ его противники имѣли главный запасъ жизненныхъ потребностей. Этимъ необдуманнымъ движеніемъ онъ оставилъ Тордесиллась безъ прикрытія, и Гаро пошелъ туда (5 Дек.) ночью, тайно, и съ величайшею поспѣшностью; напалъ на городъ, въ которомъ всей

стражи былъ одинъ только полкъ священниковъ, набранный Епископомъ Заморы; на разсвѣтѣ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, проложилъ себѣ путь въ Тордесилласъ, овладѣлъ Королевою, взялъ въ плѣнъ многихъ членовъ Юнты и возвратилъ государственную печать и другія принадлежности правительства.

Этотъ гибельный ударъ лишилъ Юнту всего вліянія и власти, которыми она пользовалась, показывая видъ, что дѣйствуетъ отъ имени Королевы; дворяне, все еще колебавшіеся, къ чьей сторонѣ имъ пристать, послѣ этого присоединились къ Регентамъ, и общее смятеніе объяло городскія общины. Оно еще болѣе возрасло отъ подозрѣній на Гирона, котораго всѣ громко обвиняли въ предачѣ Тордесилласа; и хотя эта клевета не имѣла никакого основанія, потому что Королисты были обязаны своимъ успѣхомъ скорѣе неблагоразумію Гирона, нежели его измѣнѣ, однакожъ онъ совершенно потерялъ довѣренность своей стороны, сложилъ съ себя начальство и удалился въ одинъ изъ своихъ замковъ (1).

Чины Юнты, которые спаслись отъ непріятеля въ Тордесилласѣ, убѣжали въ Вальядолидъ, и такъ какъ дополнять мѣста плѣнниковъ новымъ выборомъ было бы долго, то они поручили небольшому числу изъ среды себя верховное управленіе дѣлами. Войско ихъ шло также къ Вальядолиду и умножалось прибытіемъ свѣжихъ силъ изъ разныхъ частей Кастиліи; духъ его ободрился, потому что Падиллу назначили главнымъ полководцемъ; и вся сторона недовольныхъ, забывъ послѣднее свое несчастіе, изъявляла прежнюю рев-

---

(1) Miscellaneous Tracts by Dr. Mich. Geddes, vol. I, p. 278.

ность къ защитѣ правъ своего отечества и прежнюю неумолимую ненависть къ своимъ утѣснителямъ.

Однако нужда въ деньгахъ на жалованье войску очень безпокоила Юнту. Фламанцы вывезли изъ Королевства большую часть ходячей монеты; постоянныя подати, сбираемыя въ мирное время, были незначительны; война прекратила торговлю; Юнта видѣла, что казна ея ежедневно убываетъ и боялась возбудить ропотъ въ народѣ, обременивъ его новыми налогами, къ которымъ онъ въ тѣ вѣки былъ непривыченъ. Но изъ этого затрудненія вывела ее Донна Марія Пахеко, супруга Падиллы, женщина знатнаго рода, одаренная великими способностями, имѣвшая честолюбіе неограниченное и одушевленная самою пылкою ревностію къ дѣлу Юнты. Она, возносясь надъ суевѣрными страхами, которымъ часто покоряются въ ея полѣ, смѣло предложила взять изъ собора Толедскаго всѣ богатыя и великолѣпныя украшенія; а чтобы этотъ поступокъ не показался нечестіемъ и не раздражилъ народа, то она устроила торжественное шествіе въ соборъ. Всѣ, сопровождавшіе ее, были одѣты, подобно ей, въ печальное платье; всѣ, по ея примѣру, проливали слезы, били себя въ грудь и, падая на колѣна, молили о прощеніи тѣхъ Святыхъ, которыхъ раки они хотѣли похитить. Донна Марія, убѣдивъ народъ, этою хитростію, что необходимость и ревность къ правому дѣлу отважили ее, противъ воли, на такой поступокъ, спасла себя отъ обвиненія въ святотатствѣ, и доставила Юнтѣ значительное денежное пособіе (1). Регенты, не менѣе затрудняясь содержаніемъ войскъ, потому что

---

(1) Sandov. 308. Dict. de Bayle, art. Padilla.

ская казна отчасти была расточена Фламанцами, отчасти захвачена Юнтою, дошли до необходимости взять драгоцѣнныя вещи Королевы и посуду, принадлежавшую дворянству, а потомъ занять небольшое количество денегъ у Короля Португальскаго (1).

Дворянству весьма не хотѣлось рѣшительно дѣйствовать противъ Юнты. Оно не менѣе самихъ общинъ ненавидѣло Фламанцевъ; очень одобряло нѣкоторыя статьи доклада; думало, что обстоятельства благопріятствовали не только исправить прежнія злоупотребленія, но даже усовершенствовать и обезпечить государственное учрежденіе посредствомъ новыхъ законовъ; боялось своимъ междоусобіемъ съ другимъ законодательнымъ сословіемъ усилить могущество верховной власти и подвергнуть опасности какъ собственную свою независимость, такъ и преимущества городовъ. Этѣ причины побуждали Регентовъ часто предлагать миръ Юнтѣ и вести съ нею непрерывные переговоры во время междоусобія; и предложенія съ ихъ стороны были дѣльныя: они желали, чтобы Юнта отступилась отъ нѣкоторыхъ статей своего доклада, самыхъ противныхъ Королевской власти и правамъ дворянства, и съ этимъ условіемъ обязывались исходатайствовать согласіе Императора на всѣ прочія ея требованія; а если бы онъ, по внушенію злыхъ совѣтниковъ, отвергнулъ ихъ, то многіе дворяне обѣщались присоединиться къ Юнтѣ и дѣйствовать за-одно съ нею (2). Но раздоры между членами Юнты препятствовали имъ совѣщаться хладнокровно и судить съ благо-

(1) P. Mart. Ep. 718.
(2) P. Mart. Ep. 695, 713. Geddes's Traets, I, 261.

разуміемъ. Нѣкоторые города, вступившіе въ союзъ, питали одинъ къ другому ту мелкую зависть и недовѣрчивость, которыя внушаются соперничествомъ въ торговлѣ и богатствѣ; Коннетабль вліяніемъ своимъ и обѣщаніями склонилъ жителей Бургоса отложиться отъ Юнты, а другіе дворяне поколебали вѣрность меньшихъ городовъ; въ среднемъ сословіи не было ни одного человѣка съ такимъ возвышеннымъ духомъ, съ такими отличными способностями, которыя доставили бы ему верховное управленіе дѣлами своей стороны. Полководецъ Падилла имѣлъ качества народнаго любимца, и потому люди высшаго званія, приставшіе къ Юнтѣ, не довѣряли ему; а послѣ Гирона каждый человѣкъ знатнаго происхожденія, который принималъ ея сторону, былъ подозрителенъ народу. Такимъ образомъ самые сильные признаки нерѣшительности, взаимной недовѣрчивости и скудоумія обнаруживались тогда во всѣхъ дѣйствіяхъ Юнты. Послѣ многихъ толковъ объ условіяхъ, предложенныхъ Регентами, она до того увлеклась злобою на дворянъ, что не хотѣла и думать о примиреніи, а грозила отнять у нихъ всѣ коронныя земли, и опять присоединить ихъ къ владѣніямъ Королевскимъ. Хотя эта неразумная мѣра, доставляя Кастильскимъ Королямъ полновластіе и независимость отъ народа, могла вдругъ уничтожить всѣ права, за которыя города сражались; однако Юнта такъ прилѣпилась къ ней, что менѣе вооружалась противъ грабительства чужестранныхъ министровъ, нежели противъ обширной власти и огромнаго богатства дворянъ, и, кажется, надѣялась примириться съ Карломъ, предложивъ ему отнять у нихъ земли.

Падилла, одержавъ неважныя побѣды и покоривъ нѣсколько незначительныхъ городовъ, способствовалъ утвержденію Юнты въ ея предпріятіи; она получила такую довѣренность къ храбрости своего ополченія, что надѣялась легко восторжествовать надъ королистами. Падилла, пользуясь бодрымъ духомъ войска, пока счастіе благопріятствовало ему, осадилъ Торрелобатонъ, бывшій крѣпче и важнѣе всѣхъ мѣстъ, на которыя онъ до сихъ поръ нападалъ, взялъ его приступомъ, не взирая на отчаянную оборону, и отдалъ на разграбленіе своимъ воинамъ (1 го Марта 1521 г.). Если бы онъ тотчасъ же пошелъ съ побѣдоносными полками на Тордесиллясъ, главный станъ непріятелей, то вѣроятно разбилъ бы войско ихъ, малочисленное и смущенное нечаяннымъ нападеніемъ; но непостоянство и неразуміе Юнты помѣшало этому намѣренію. Не умѣя ни вести войны, ни заключить мира, она опять вняла мирнымъ предложеніямъ Регентовъ, и даже согласилась ненадолго прекратить междоусобіе. Переговоры кончились ничѣмъ; но пока они продолжались, многіе солдаты Падиллы, необуздываемые строгостію военныхъ уставовъ, ушли съ добычею, похищенною въ Торрелобатонѣ; другіе же, соскучась, что война тянется столько времени, разбѣжались (1). А Коннетабль, между тѣмъ, успѣлъ собрать свои силы въ Бургосъ, все приготовить къ походу, и, какъ скоро миновалъ срокъ перемирія, соединиться съ Графомъ Гаро, не смотря на всѣ старанія Падиллы воспрепятствовать этому. Соединясь, отецъ и сынъ немедленно пошли къ Торрелобатону; Падилла, не смѣя отважиться на битву, потому что войско его

(1) Sandov. 336.

значительно убыло, хотѣлъ отступить въ Торо, и еслибъ это удалось ему, то онъ избавился бы отъ опасности, потому что Регенты должны были отрядить часть своихъ силъ въ Наварру, куда ворвались тогда Французы. Но Гаро, предвидя, какія гибельныя послѣдствія произойдутъ, если Падилла успѣетъ въ своемъ намѣреніи, быстро погнался за нимъ съ своею конницею, настигъ его у Виллалара и, не дожидаясь пѣхоты, рѣшился напасть (23 Апр.). Случилось, что войско Падиллы, усталое и оробѣвшее отъ стремительнаго отступленія, которое оно почитало бѣгствомъ, проходило въ это время по удобренному полю, до такой степени размокшему отъ сильнаго дождя, что солдаты вязли почти по колѣно на каждомъ шагу. Гаро устремилъ противъ нихъ огонь своихъ полевыхъ орудій. Всѣ эти обстоятельства разстроили и устрашили новобранцевъ какъ нельзя болѣе: не останавливаясь и не сопротивляясь, они бѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ. Падилла съ чрезвычайнымъ мужествомъ и дѣятельностію старался соединить ихъ, но тщетно: отъ ужаса они стали глухи къ его угрозамъ и увѣщаніямъ. Видя, что все потеряно, и рѣшась не пережить своего безславія и паденія стороны своей, онъ бросился въ ряды непріятелей; но былъ раненъ, сшибенъ съ коня и взятъ въ плѣнъ. Важнѣйшіе послѣ него начальники недовольныхъ также попались въ руки побѣдителей; простымъ же солдатамъ Гаро далъ уйти безъ вреда: великодушные дворяне не хотѣли убивать людей, бросавшихъ оружіе (1).

---

(1) Sandov. 345 etc. P. Mart. Ep. 720. Miniana. Contin. p. 26. Epitome de la Vide y Hechos del Emper. Carlos V, por D. Juan Anton. de Vera y Zuniga. 4 to. Madr. 1627, p. 19.

Ненависть враговъ Падиллы не заставила его долго томиться въ ожиданіи своей участи. На другой же день, не соблюдая установленнаго порядка, они приговорили отрубить ему голову; имъ казалось, что очевидность и важность преступленія избавляли ихъ отъ обрядовъ законнаго судопроизводства. Немедленно повели Падиллу на казнь вмѣстѣ съ Дономъ Іоанномъ Браво и Дономъ Францискомъ Мальдонадою, изъ которыхъ первый былъ предводителемъ Сеговійцевъ, а послѣдній—ратниковъ Саламанки. Падилла смотрѣлъ на приближеніе смерти съ тихою, непоколебимою твердостію; и когда Браво сталъ негодовать, услышавъ, что его объявили измѣнникомъ, то онъ остановилъ его: „вчера ты могъ говорить, какъ дворянинъ, сказалъ онъ, а сего дня долженъ умереть съ смиреніемъ Христіанскимъ.“ Получивъ позволеніе писать къ женѣ и гражданамъ Толеды, своей родины, онъ прощался съ первою мужественно и нѣжно, а къ послѣдней взывалъ съ восторгомъ, свойственнымъ тому, кто почитаетъ себя мученикомъ за отечество (1).

---

(1) Содержаніе этихъ писемъ такъ краснорѣчиво и сильно, что я перевелъ ихъ для удовольствія читателей.

Письмо Дона Жуана Падиллы къ своей женѣ.

Сеньора!

„Еслибъ печаль твоя не огорчала меня болѣе собственной моей смерти, то я почелъ бы себя совершенно счастливымъ. Конецъ жизни назначенъ всѣмъ людямъ, и Всемогущій оказываетъ особенную свою милость къ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ онъ избираетъ для такой смерти какъ моя, жалкая для многихъ, но Ему угодная. Я не имѣю времени утѣшать тебя. Враги мои не хотятъ, и я самъ не желаю отлагать принятія вѣнца, мнѣ уготованнаго. Оплакивай потерю мужа, но не смерть мою, кото-

Послѣ этого онъ спокойно покорился своей участи. Большая часть Испанскихъ Историковъ, привыкшихъ къ понятіямъ о правленіи и само-

---

рая такъ славна, что никто не долженъ сожалѣть объ ней. Я завѣщаю тебѣ мою душу; болѣе ничего мнѣ не оставлено. Прими ее, какъ вещь, которую ты цѣнила дороже всего на свѣтѣ. Я не смѣю писать къ отцу моему, Перу Лопезу, потому что хотя я и показалъ себя его сыномъ, рѣшась потерять жизнь, но не наслѣдовалъ его счастія. Перестаю, чтобы не вывести изъ терпѣнія палача, который ждетъ меня, и не возбудить подозрѣнія, что, желая продлить жизнь, распространяю письмо. Слуга мой, Созіа, очевидецъ, знающій самыя тайныя мои мысли, увѣдомитъ тебя, о чемъ не могу писать. Прощай, ожидаю орудія, которое повергнетъ тебя въ печаль, но дастъ мнѣ свободу."

Письмо его къ городу Толедо.

„Тебя, свободный отъ временъ могущественныхъ Готовъ, глава Испаніи и свѣтъ цѣлаго міра! тебя, который, проливая кровь иноземныхъ пришельцевъ и свою собственную, возвратилъ свободу себѣ самому и сосѣдственнымъ градамъ! извѣщаетъ вѣрный сынъ твой, Жуанъ де Падилла, что онъ кровію своего тѣла освѣжилъ древнія побѣды твои. Если судьба не допустила дѣламъ моимъ стать между успѣшными и славными твоими подвигами, то виновно въ томъ злое мое счастіе, а не добрая моя воля. Молю тебя, прими жертву мою; я не получилъ отъ Бога ничего болѣе, чтобы отдать за тебя. Доброе твое мнѣніе драгоцѣннѣе для меня жизни. Счастіе весьма непостоянно и превратно; но я безконечно утѣшаюсь тѣмъ, что, будучи послѣднимъ изъ сыновъ твоихъ, принимаю за тебя смерть, и что ты воспиталъ мстителей за мои страданія. Много устъ будутъ разглашать образъ моей смерти, мнѣ еще неизвѣстный, хотя я знаю, что погибель уже близка. Конецъ мой запечатлѣетъ мои желанія. Поручаю тебѣ душу мою, какъ заступнику Христіанства. О тѣлѣ моемъ не говорю ничего, оно не мое. Не могу писать болѣе; ножъ у горла; но не столько страшусь я казни, сколько твоего гнѣва." Sandov. Hist. vol. I, p. 478.

державной власти, весьма различнымъ отъ того образа мыслей, по которому онъ дѣйствовалъ, такъ усердствовали хулить дѣло, имъ защищаемое, что боялись, или забыли отдать справедливость его достоинствамъ, и очерняя память Падиллы, старались лишить его даже сожалѣнія.

Побѣда Валларская была рѣшительна. Вальядолидъ, самый ревностный изъ городовъ союзныхъ, немедленно отворилъ ворота побѣдителямъ, и когда Регенты поступили съ нимъ весьма милостиво, то Медина дель Кампо, Сеговія и многіе другіе города послѣдовали его примѣру. Это внезапное разрушеніе союза, который былъ составленъ не по легкимъ непріятностямъ, или причинамъ ничтожнымъ, въ который вступило цѣлое сословіе народа и которому дали время пріобрѣсти извѣстную степень устройства и твердости подъ управленіемъ законнымъ, служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ неспособности его начальниковъ и тайнаго раздора между его членами. Хотя часть войска, побѣдившаго союзниковъ, должна была, черезъ нѣсколько дней послѣ битвы, идти въ Наварру, противъ Французовъ; однако ничто не могло побудить унывшія общины Кастильскія опять взяться за оружіе и воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для пріобрѣтенія тѣхъ правъ и преимуществъ, за которыя онѣ такъ ревностно вступались. Изъ числа ихъ слѣдуетъ исключить одинъ только городъ Толедо, одушевляемый Донной Маріей Пахекою, вдовою Падиллы. Вмѣсто того, чтобы оплакивать своего мужа съ женскою горестію, она хотѣла отмстить его смерть и поддержать дѣло, за которое онъ пострадалъ. Почтеніе къ полу Донны Маріи, удивленіе къ мужеству и способностямъ ея, сочувствіе къ ея несчастіямъ

и любовь къ памяти Падиллы, доставили ей такое же вліяніе надъ народомъ, какимъ онъ самъ пользовался. Благоразуміе и дѣятельность этой женщины оправдывали оказанную ей довѣренность. Она писала къ Французскому полководцу въ Наваррѣ, поощряя его напасть на Кастилію предложеніемъ сильной помощи; старалась письмами и посредствомъ своихъ повѣренныхъ оживить духъ и надежды въ другихъ городахъ; набрала войско и вытребовала на содержаніе его знатное количество денегъ отъ соборнаго духовенства (1); употребляла всѣ хитрости, которыя могли увлечь и воспламенить чернь: велѣла полкамъ, вмѣсто знаменъ, имѣть кресты, какъ будто бы начиналась война съ Невѣрными; одѣвъ своего сына, еще нѣжнаго дитятю, въ глубокопечальную одежду, и, посадивъ на мула, сопровождала его по улицамъ Толедскимъ, между тѣмъ какъ впереди носили знамя, представлявшее казнь Падиллы, отца его (2). Этими средствами она непрерывно волновала умы народа, препятствовала страстямъ его утихнуть, и не давала ему чувствовать опасностей, которымъ онъ подвергался, сопротивляясь одинъ Королевской власти. Пока войско занято было въ Наваррѣ, Регенты не могли отважиться на покореніе Толедо силою, и всѣ старанія ихъ уменьшить въ народѣ довѣренность къ Доннѣ Маріи, и смягчить ее обѣщаніями и просьбами брата ея, Маркиза де Мондеяра, были недѣйствительны. Изгнавъ Французовъ изъ Наварры, часть войска возвратилась въ Кастилію и осадила Толедо. Но даже и это не произвело ника-

(1) P. Mart. Ep. 727.

(2) Sandov. 375.

кого впечатлѣнія на смѣлую и упорную вдову Падиллы. Она храбро защищала городъ; воины ея нѣсколько разъ разбивали Королистовъ въ вылазкахъ, и осаждавшіе не имѣли никакого успѣха, пока духовенство не возстало противъ Донны Маріи, чрезвычайно оскорбляясь тѣмъ, что она не уважала его собственности. Въ это же время уничтожилась и главная причина его негодованія на Императора: умеръ Вильгельмъ де Круа, Архіепископъ Толедскій, а на мѣсто его былъ избранъ Кастилецъ. И такъ оно стало увѣрять народъ, что Марія пріобрѣла такую власть надъ нимъ силою чародѣйства, что помогалъ ей нечистый духъ, служившій у нея въ образѣ Негритянки и что она все дѣлала по дьявольскому внушенію (1). Легкомысленная чернь, потерявъ терпѣніе выдерживать осаду и отчаясь въ помощи какъ прежнихъ своихъ союзниковъ, такъ и Французовъ, желала мира, и потому вооружилась на Донну Марію, и, прогнавъ ее изъ города, сдала его Королистамъ (26го Окт.). Вдова Падиллы заперлась въ вышгородѣ, который съ удивительною твердостію защищала четыре мѣсяца, и наконецъ, доведенная до послѣдней крайности, (1го Февр. 1522 г.) убѣжала, переодѣтая, въ Португалію, гдѣ имѣла много родныхъ (2).

Послѣ бѣгства ея вышгородъ сдался, спокойствіе въ Кастиліи возстановилось, и смѣлое покушеніе городовъ, подобно всѣмъ неуспѣшнымъ мятежамъ, способствовало утвержденію и распространенію верховной власти, хотя клонилось къ ея ограниченію. Кортесы остались необходимымъ

(1) P. Mart. Ep. 727.
(2) Sandov. 375. P. Mart. Ep. 754. Ferrer. VIII, 563.

звѣномъ государственнымъ, и Король сзывалъ ихъ, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ; но прежній осторожный обрядъ — исправлять злоупотребленія, вредившія общественному благосостоянію до приступленія къ денежному пособію, былъ замѣненъ обычаемъ, болѣе учтивымъ—прежде всего подавать голоса въ пользу пожертвованія, такъ что Государь, получая желаемое, никогда не позволялъ членамъ Кортеса вступаться въ разсмотрѣніе дѣлъ, оскорбительное для своей власти. Преимущества, которыми пользовались города, были мало помалу ограничены, или уничтожены; торговля ихъ начала упадать, и они, становясь бѣднѣе и малолюднѣе, утратили силу и вліяніе, пріобрѣтенныя ими въ Кортесѣ.

Между тѣмъ какъ Кастилія подвергалась бѣдствіямъ войны междоусобной, Валенціянское Королевство еще сильнѣе страдало отъ внутреннихъ мятежей. Общество, которое составилось въ городѣ Валенціи въ тысяча пятьсотъ двадцатомъ году подъ именемъ Германады, осталось и по отъѣздѣ Императора изъ Испаніи. Члены его, подъ предлогомъ защиты береговъ отъ набѣговъ Варварійскихъ разбойниковъ, и съ позволенія Карла, необдуманно имъ даннаго, не хотѣли положить оружія. Но бѣдствія, которыя Валенціянцы старались прекратить, происходили болѣе отъ высокомѣрія и грабительства дворянъ, нежели отъ злоупотребленія верховной власти, и потому гнѣвъ Германады преимущественно обратился на первыхъ. Нетерпѣливое мщеніе народа обнаружилось, какъ скоро онъ получилъ позволеніе вооружиться и почувствовалъ свою силу. Онъ изгналъ дворянъ почти изъ всѣхъ городовъ, сталъ грабить домы ихъ, опустошать ихъ владѣнія и осаждать ихъ замки; потомъ выбралъ тринадцать человѣкъ,

по одному изъ всѣхъ торговыхъ обществъ, учрежденныхъ въ Валенціи, и поручилъ имъ правленіе для того будто бы, чтобы исправить законы, завести однообразное судопроизводство безъ всякаго пристрастія и лицезрѣнія, и такимъ образомъ возвратить людямъ нѣкоторую степень первобытнаго ихъ достоинства.

Дворяне принуждены были взяться за оружіе для своей защиты. Непріязненныя дѣйствія начались, и шли со всѣмъ ожесточеніемъ, которое ненависть за угнетеніе внушала одной сторонѣ и которымъ мысль объ оскорбленномъ достоинствѣ одушевляла другую. Такъ какъ ни одинъ человѣкъ благороднаго происхожденія не присталъ къ Германадѣ, то дѣлами и войскомъ ея распоряжали низкіе ремесленники, снискавшіе довѣренность разъяренной черни свирѣпымъ своимъ усердіемъ и отчаянностью. Такіе люди не знали и не хотѣли знать законовъ, существующихъ между образованными народами для смягченія бѣдствій войны, и производили дѣла самыя звѣрскія и оскорбительныя для человѣчества.

Императоръ, занятый усмиреніемъ бунта въ Кастиліи, который прямѣе грозилъ низпровергнуть власть его, не могъ обратить большаго вниманія на смуты въ Валенціи и предоставилъ дворянству этого Королевства самому за себя сражаться. Намѣстникъ его, Графъ де Мелито, былъ верховнымъ воеводою силъ, собранныхъ дворянами. Германада вела войну въ тысяча пятьсотъ двадцатомъ и двадцать первомъ году съ такимъ мужествомъ, какого нельзя было ожидать отъ буйныхъ мятежниковъ подъ начальствомъ грубыхъ невѣждъ. Они нѣсколько разъ разбивали дворянъ въ стычкахъ, хотя незначительныхъ,

но весьма упорныхъ, и отразили всѣ покушенія ихъ овладѣть нѣкоторыми городами. Но дворяне, превосходя своихъ непріятелей въ военномъ искусствѣ и начальствуя войскомъ, болѣе опытнымъ, всегда почти брали верхъ въ сраженіяхъ. Наконецъ присоединился къ нимъ отрядъ Кастильской конницы, посланный Регентами въ Валенцію вскорѣ послѣ рѣшительной побѣды надъ Падиллою, и эта помощь доставила имъ такой перевѣсъ, что они совершенно истребили Германаду. Начальники ея почти безъ суда были преданы самой мучительной казни, какую только могло внушить дворянамъ свѣжее чувство претерпѣнныхъ оскорбленій. Правленіе же въ Валенціи приняло прежній свой видъ (1).

Въ Арагоніи также начали показываться сильные признаки того ропота и мятежа, которые владычествовали въ прочихъ Испанскихъ Королевствахъ; однако благоразумныя мѣры Вице-Короля, Дона Жуана де Ланузы, усмирили недовольныхъ и не дали имъ поднять явнаго бунта. За то на островѣ Маіоркѣ, причисленномъ къ Арагонскому Королевству, тѣ же причины, которыя возбудили волненія въ Валенціи, произвели слѣдствія, не менѣе гибельныя. Народъ, выведенный изъ терпѣнія жестокостями дворянства, взбунтовался (19го Март. 1521 г.), лишилъ власти Вице-Короля своего, прогналъ его съ острова, и умертвилъ всѣхъ дворянъ, которыхъ, по несчастію, успѣлъ захватить. Онъ продолжалъ бунтовать съ такимъ же упорствомъ, съ какою

---

(1) Argensola Annales de Aragon, cap. 75, 90, 99, 118. Sayas Annales de Aragon, cap. 5, 12 etc. P. Mart. Ep. lib. 33 et 34 passim. Ferreras Hist. d'Espagne, VIII, 542, 564 etc.

яростію началъ. Стоило большаго труда привести его въ повиновеніе; спокойствіе было возстановлено уже повсюду въ Испаніи, прежде нежели принудили народъ въ Маіоркѣ покориться своему Государю (1).

При этомъ всеобщемъ ропотѣ Испанцевъ и множествѣ причинъ, которыя принуждали ихъ къ сильнымъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ угнетенія, можетъ показаться страннымъ, почему недовольные въ различныхъ Королевствахъ дѣйствовали безъ взаимнаго согласія и даже безъ всякихъ связей между собою. Если бы они соединили свои совѣты и оружіе, то всѣ предпріятія ихъ были бы успѣшнѣе и рѣшительнѣе. Народъ сталъ бы уважать этотъ внутренній союзъ, а противники, не имѣя возможности одолѣть недовольныхъ, согласились бы на всѣ условія ихъ начальниковъ. Но многія обстоятельства препятствовали Испанцамъ составить одно цѣлое и принять общія мѣры. Жители различныхъ Королевствъ Испаніи хотя и стали подданными одного Государя, однако удержали народную непріязнь одни къ другимъ въ полной силѣ. Они еще такъ живо помнили прежнюю свою вражду и соперничество, такъ сильно чувствовали взаимныя свои обиды, что между ими не могло существовать довѣренности и единодушія. Они лучше хотѣли зависѣть отъ самихъ себя въ своей борьбѣ и участи, нежели просить помощи у сосѣдей, которыхъ ненавидѣли. Съ тѣмъ вмѣстѣ образъ правленія въ иныхъ Королевствахъ Испаніи, несправедливости, на которыя жаловались ихъ жи-

---

(1) Argensola Ann. de Arag. c. 113. Sayas. Ann. de Arag. c. 7, 11, 14, 76, 81. Ferreras Hist. d'Espagne, VIII, 542, 579—609.

тели, перемѣны и преобразованія, которыхъ они желали, имѣли такое различіе между собою, что не легко было согласить всѣхъ недовольныхъ дѣйствовать соединенными силами. Эта недружность и сохранила Карлу Испанскія его Королевства: каждое, принимая отдѣльныя мѣры, принуждено было наконецъ покориться волѣ своего Государя.

Пріѣздъ Императора въ Испанію исполнилъ подданныхъ, воевавшихъ противъ него, страшными опасеніями, отъ которыхъ однакожъ онъ скоро избавилъ ихъ милосердіемъ, равно благоразумнымъ и великодушнымъ. Изъ множества преступниковъ, виновныхъ въ бунтѣ, не болѣе двадцати были казнены въ Кастиліи. Не смотря на убѣдительныя просьбы Совѣта Государственнаго, Карлъ не хотѣлъ болѣе проливать крови рукою палача, и (28 Окт.) обнародовалъ, что прощаетъ всѣ преступленія, случившіяся во время мятежей. Эта милость не простиралась только на восемдесять человѣкъ, однакожъ болѣе въ страхъ другимъ, нежели къ собственной ихъ погибели, какъ доказываетъ слѣдующее обстоятельство: одинъ услужливый придворный предложилъ Королю открыть ему, гдѣ скрывался самый важный изъ числа ихъ; Король отвѣчалъ милостиво и шутливо: „не нужно, мнѣ теперь нечего бояться этого человѣка, а ему не худо жить отъ меня подалѣе, и вамъ бы лучше было сказать ему, что я здѣсь, нежели увѣдомлять меня, гдѣ онъ (1).“ Показывая такое великодушіе, стараясь избѣгать всего, чѣмъ возбуждалъ неудовольствіе Кастильцевъ въ прежнее свое пребываніе, сообра-

(1) Sandov. 377, etc. Vida del Emper. Carlos, por D. Juan Anton. de Vera y Zuniga, p. 30.

зуясь съ ихъ нравами, говоря ихъ языкомъ и соблюдая всѣ ихъ обычаи, онъ пріобрѣлъ надъ ними такое вліяніе, какое едва ли когда нибудь имѣли даже природные ихъ Государи: Кастильцы стали помогать ему во всѣхъ предпріятіяхъ съ ревностію и мужествомъ и много способствовали его успѣхамъ и величію (1).

Около того времени, какъ Императоръ прибылъ въ Испанію, Адріанъ отправился въ Римъ для вступленія въ новое свое достоинство. Но хотя Римскій народъ нетерпѣливо ждалъ его, однако не могъ скрыть своего удивленія и неудовольствія, когда онъ пріѣхалъ. Привыкнувъ къ царскому великолѣпію Юлія и къ изящной пышности Леона, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на старца смиреннаго вида, суровой нравственности, врага роскоши, нелюбителя искусствъ, и безъ всѣхъ наружныхъ совершенствъ, ожидаемыхъ чернію отъ людей, возводимыхъ на высокія степени (2). Политическіе виды и правила Адріана не менѣе поразили Папскихъ министровъ своею странностію. Онъ признавалъ испорченность Римскаго Двора и многіе безпорядки въ Іерархіи, скорбѣлъ объ ея состояніи и хотѣлъ исправить его; не думалъ возвысить своего семейства; совѣстился даже удержать земли, пріобрѣтенныя нѣкоторыми изъ своихъ предмѣстниковъ болѣе насиліемъ, или обманомъ, нежели по законному праву; возвратилъ Франческу Маріѣ де Роверé Урбинское Герцожство, отнятое у него Леономъ, и отдалъ Герцогу Феррарскому нѣкоторыя мѣста, присвоенныя Церко-

(1) Ulloa Vita de Carlos V, p. 85.
(2) Guic. l. XV, 238. Jovii Vita Adriani, 117. Bellefor. Epitr. des Princes, 84.

вію (1). Люди, непривыкшіе видѣть, чтобы Государи соображали свои дѣйствія съ началами нравственности и правосудія, находили въ поступкахъ новаго Папы неоспоримыя доказательства его малодушія и неопытности; а такъ какъ Адріанъ часто затруднялся и обнаруживалъ нерѣшимость въ совѣтахъ, не зная многосложной и запутанной системы Итальянскихъ политиковъ и не имѣя никакой довѣренности къ лицамъ, которыхъ утонченность и лукавство въ дѣлахъ были противны природной его простотѣ и чистосердечію, то мнѣніе о неспососности его ежедневно возрастало, и наконецъ онъ сталъ предметомъ посмѣянія своихъ подданныхъ (2).

Хотя преданный Императору, Адріанъ старался однакожъ дѣйствовать съ безпристрастіемъ, приличнымъ отцу Христіанства: онъ хотѣлъ примирить враждебныя стороны и склонить ихъ къ союзу противъ Солимана, который завоеваніемъ Родоса сталъ очень опасенъ для Европы (3). Но это предпріятіе было выше его способностей. Надлежало имѣть не только чистыя намѣренія, но отличный умъ и искусство, чтобы разобрать много разнообразныхъ притязаній, согласить еще болѣе противоположныхъ выгодъ, потушить страсти, воспламененныя гордостію, соревнованіемъ, обидами, и довести всѣ враждебныя Государства до единодушнаго и охотнаго стремленія къ одной цѣли.

(1) Guic. lib. XV, 240.

(2) Jov. Vita Adr. 118. P. Mart. Ep. 774. Ruscelli Lettres des Princes, vol. I, 87, 96. 101.

(3) Bellef. Epitr. p. 86.

Итальянскіе владѣтели желали мира, не менѣе самаго Папы. Императорское войско подъ предводительствомъ Колонны еще не было распущено, и все бремя его содержанія падало на однихъ Итальянцевъ; потому что доходы Карла отъ Испаніи, отъ Неаполя и Нидерландовъ или изошли, или употреблялись на другія нужды. Большая часть полковъ стояла въ Церковной Области, и Вицекороль Неаполитанскій каждый мѣсяцъ бралъ поборы съ Флорентинцевъ, Миланцевъ, Генуэзцевъ и жителей Лукки. Всѣ роптали на угнетеніе, всѣмъ хотѣлось освободиться отъ него; но страхъ раздражить войско, или прогнѣвить Императора и навлечь на себя еще болѣе зла, принуждалъ къ терпѣнію (1).

1523 г. — Однако увѣщанія Папы и грамота его, убѣждавшая всѣхъ Государей Христіанскихъ къ трехлѣтнему миру, имѣли такое дѣйствіе, что Императорскій, Французскій и Англійскій послы въ Римѣ получили полномочіе вступить въ дружелюбныя сношенія; но пока они теряли время въ безплодныхъ переговорахъ, Государи ихъ продолжали готовиться къ войнѣ. Венеціяне, до сихъ поръ весьма твердо державшіе сторону Франциска, убѣдясь наконецъ, что дѣла его въ Италіи совершенно разстроились, (28 Іюня) заключили съ Императоромъ союзъ, къ которому вскорѣ присталъ и Адріанъ, увѣренный соотечественникомъ своимъ и другомъ, Карломъ Ланноемъ, Вицекоролемъ Неаполитанскимъ, что все препятствіе къ миру происходило отъ гордости Французскаго Короля. Прочія Итальянскія владѣнія послѣдовали примѣру ихъ, и Францискъ, лишен-

---

(1) Guic. l. XV, 238.

ный всѣхъ союзниковъ, долженъ былъ одинъ противиться усиліямъ непріятелей, которыхъ земли почти со всѣхъ сторонъ окружали его Королевство, а войска отвсюду грозили ему нападеніемъ (1).

Полагали, что этотъ могущественный союзъ устрашитъ Франциска и принудитъ его къ войнѣ оборонительной, или, покрайней мѣрѣ, изгонитъ изъ его головы всякую мысль о походѣ въ Италію; но весьма нерадивый и даже безпечный въ случаяхъ обыкновенныхъ, онъ одушевлялся, когда наступала опасность, и не только встрѣчалъ ее съ мужествомъ и смѣлостію, которыя никогда не оставляли его, но даже принималъ скорыя и благоразумныя мѣры къ сопротивленію. Еще непріятели не изготовились ни къ одному изъ своихъ предпріятій, а Францискъ собралъ уже рать многочисленную. Власть его надъ своимъ народомъ превосходила самодержавныя права, которыя Карлъ и Генрихъ имѣли въ своихъ Государствахъ. Они зависѣли въ деньгахъ отъ Собранія Чиновъ и получали пособіе, обыкновенно незначительное; но и то давалось имъ очень медленно и съ великою неохотою. Подати же, налагаемыя Францискомъ, были гораздо болѣе и сбирались такъ поспѣшно, что войска его всегда уже выступали въ походъ, между тѣмъ какъ Генрихъ и Карлъ еще размышляли о средствахъ къ набору. Такъ случилось и въ это время. Чувствуя свою выгоду, Францискъ надѣялся разстроить всѣ мѣры Императора, напавъ лично на Миланское Герцожство. Первые полки дошли уже до Ліона, и самъ Король спѣшилъ за ними съ другою частію войска, какъ открытіе заговора, грозившаго Фран-

(1) Guic. l. XV, 241, 248.

ціи погибелью, принудило его остановиться и перемѣнить свое намѣреніе.

Главою опаснаго злоумышленія былъ Карлъ, Герцогъ Бурбонскій, Великій Коннетабль, по знатному своему роду, огромному богатству и высокой должности — самый могущественный, а по отличнымъ способностямъ полководца и мужа государственнаго, и по блестящимъ своимъ заслугамъ—самый знаменитый подданный во Франціи. Подобно Королю, онъ дышалъ войною и любилъ рыцарскія упражненія. Это сходство нравовъ, равенство лѣтъ и близкое родство, естественнымъ образомъ ввели его въ особенную милость къ Франциску. Но, къ несчастію, Луиза, мать Короля, ненавидѣвшая Домъ Бурбоновъ за то, что Анна Бретанская, супруга Людовика XII, съ которою она жила въ непримиримой враждѣ, имѣла особенную къ нему привязанность, пріучила своего сына, покорнаго всѣмъ ея внушеніямъ, смотрѣть на дѣла Коннетабля съ неприличною завистію. Карлъ не получилъ достойной награды за отличіе свое въ битвѣ при Мариньяно; его удалили отъ управленія Миланомъ подъ пустыми предлогами и приняли съ холодностію, которой онъ не заслужилъ своимъ благоразумнымъ поведеніемъ на отнятомъ у него трудномъ мѣстѣ; ему не выдавали жалованья безъ всякой благовидной причины; а въ войну тысяча пятьсотъ двадцать перваго года, Король, какъ мы уже говорили, обидѣлъ его передъ цѣлымъ войскомъ, поручивъ Герцогу Алансонскому начальство надъ авангардомъ. Коннетабль сначала переносилъ эти несправедливости съ такою умѣренностію, какой нельзя было ожидать отъ гордаго Принца, знающаго свои права и свои заслуги. Но множество обидъ истощило наконецъ терпѣніе его; пылая местію,

онъ удалился отъ Двора и вступилъ въ тайныя связи съ министрами Императора.

Случилось, что въ это время умерла Герцогиня Бурбонская, не оставивъ дѣтей; Луиза, столько же влюбчивая, сколько и мстительная, и, не смотря на свои сорокъ шесть лѣтъ, еще способная къ нѣжной страсти, стала другими глазами смотрѣть на Коннетабля, любезнаго и прекраснаго Принца. Забывъ неравенство возрастовъ, она задумала о бракѣ. Бурбонъ имѣлъ случай получить все, чего только можетъ желать честолюбивая душа отъ безумной страсти женщины, управлявшей своимъ сыномъ и Королевствомъ; но неспособный, подобно Луизѣ, вдругъ перемѣнить ненависть на любовь, ни притворяться такъ низко, чтобы показывать неравнодушіе къ своей гонительницѣ, которая долго преслѣдовала его съ незаслуженною злобою, онъ не только отвергнулъ бракъ, но даже отравилъ свой отказъ колкою насмѣшкою. Королева, презрѣнная и осмѣянная, вмѣсто любви, запылала мщеніемъ, и съ тѣхъ поръ не думала уже о супружествѣ съ Бурбономъ, но рѣшилась погубить его.

Съ этою цѣлію просила она совѣта у Канцлера Дю Пра, который подлымъ употребленіемъ отличныхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній въ законахъ достигъ до высокаго своего мѣста. Онъ научилъ ее начать тяжбу съ Коннетаблемъ за всѣ владѣнія Бурбонскаго Дома. На одну часть ихъ объявлены были притязанія отъ имени Короля, какъ будто бы она принадлежала коронѣ, а на другую — отъ имени Луизы, какъ будто бы ближайшей наслѣдницы умершей Герцогини. Оба эти требованія не имѣли никакого законнаго основанія; но Луиза, просьбами и властію, а Дю Пра

крючкодѣйствомъ, склонили судей отписать въ казну собственность Коннетабля. Эта несправедливость довела его до отчаянія и до такихъ мѣръ, которыя только оно способно внушить. Онъ возобновилъ свои переговоры съ Императорскими министрами и, полагая что обиды, нанесенныя ему, оправдаютъ всякія средства къ отмщенію, предложилъ Карлу свое вѣрноподданство и помощь для завоеванія Франціи. Императоръ и Король Англійскій, которому сообщили эту тайну (1), ожидая великихъ выгодъ отъ мятежныхъ замысловъ Коннетабля, готовы были принять его съ отверстыми объятіями и не жалѣли обѣщаній, чтобы утвердить его въ принятомъ намѣреніи. Императоръ предложилъ ему въ супружество сестру свою Елеонору, вдову Короля Португальскаго, съ богатымъ приданымъ. Бурбонъ былъ поставленъ главнымъ лицемъ въ договорѣ между Карломъ и Генрихомъ. Условились отдать ему Графства Провансъ и Дофине съ титломъ Короля. Императоръ обязался вступить во Францію черезъ Пиренеи, а Генрихъ, вспомоществуемый Фламанцами, напасть на Пикардію, между тѣмъ какъ двѣнадцать тысячь Нѣмцевъ, нанятыхъ на общій счетъ, должны были проникнуть въ Бургундію и дѣйствовать за одно съ Бурбономъ, который взялся набрать шесть тысячь человѣкъ у своихъ друзей и вассаловъ внутри самой Франціи. Исполненіе этого тайнаго и опаснаго заговора отложили до того времени, когда Францискъ уведетъ съ собою за Альпы послѣднее войско, послѣднюю защиту своихъ владѣній; а такъ какъ онъ отошелъ

(1) Rymer's Foedera, XIII, 794.

уже далеко, что Францiя стояла на краю погибели (1).

Къ счастiю ея, переговоры, продолжавшiеся нѣсколько мѣсяцевъ, были открыты. Хотя ихъ вели очень тайно и сообщали только малому числу избранныхъ повѣренныхъ, однакожъ они не избѣжали замѣчанiя остальнаго множества служителей Коннетабля, которые стали гораздо любопытнѣе, увидѣвъ, что имъ не довѣряли. Двое изъ нихъ извѣстили Короля о таинственной перепискѣ своего господина съ Графомъ Рё, Фламанскимъ вельможею, весьма близкимъ къ Императору. Францискъ, не вѣря, чтобы первый Принцъ крови могъ унизиться до предательства, тотчасъ прибылъ въ Мулéнъ, къ Коннетаблю, который лежалъ въ постелѣ, притворяясь больнымъ, для избѣжанiя похода въ Италiю. Услышавъ отъ своего Государя объ доносѣ, Бурбонъ торжественно и съ видомъ самаго искренняго чистосердечiя клялся въ невинности и сказалъ, что, чувствуя себя уже довольно здоровымъ, онъ черезъ нѣсколько дней присоединится къ войску. Францискъ, самъ откровенный и прямодушный, легко обманывался признаками этихъ качествъ въ другихъ; онъ совершенно повѣрилъ словамъ Коннетабля, не хотѣлъ отдать его подъ стражу, не смотря на внушенiя мудрѣйшихъ своихъ совѣтниковъ, и сталъ продолжать походъ къ Лiону. Вскорѣ выѣхалъ и Бурбонъ, показывая видъ, что намѣревается слѣдовать за войскомъ; но вдругъ онъ повернулъ влѣво, переправился черезъ Рону, и, послѣ безчисленныхъ трудовъ и опасностей, благополучно пробрался въ Италiю, ускользнувъ

(1) Thuani Hist. lib. I, c. 10. Heuter. Rer. Austr. lib. VIII, c. 18, p. 207.

отъ всѣхъ сыскныхъ отрядовъ, которые Король, очень поздно почувствовавшій свое легковѣріе, послалъ за нимъ въ погоню (1).

Франциснъ взялъ всѣ возможныя предосторожности, чтобы предварить худыя послѣдствія невознаградимой своей ошибки. Онъ помѣстилъ гарнизоны во всѣ крѣпкія мѣста въ земляхъ Коннетабля; велѣлъ схватить всѣхъ дворянъ, которыхъ почиталъ его сообщниками, и узнавъ, какъ обширны были его умыслы и какъ далеко распространилась зараза измѣны между Французами, оставилъ намѣреніе лично предводительствовать войсками въ Италіи, чтобы отсутствіемъ своимъ не ободрить заговорщиковъ къ какому нибудь отчаянному покушенію.

Однако онъ не отложилъ своего предпріятія противъ Миланскаго Герцожства; но, назначивъ за себя главноначальствующимъ Адмирала Бонниве, велѣлъ ему идти туда съ тридцатитысячнымъ войскомъ. Бонниве обязанъ былъ этимъ предпочтеніемъ не воинскимъ своимъ доблестямъ, потому что изъ всѣхъ достоинствъ, необходимыхъ для полководца, онъ имѣлъ только самое послѣднее и самое обыкновенное, то есть — личную храбрость. Но за то онъ былъ прекраснѣйшій изъ придворныхъ, любезенъ въ обращеніи, ловокъ, вкрадчивъ и остроуменъ. Эти качества такъ плѣняли Франциска, который весьма коротко обращался съ своими придворными, что онъ всегда удостоивалъ его отличною благосклонностію. Сверхъ того Бонниве былъ непримиримый врагъ Бурбона, и Король, почти незнавшій

---

(1) Mém. de Bellay, p. 64, etc. Peasquier Recherches de la France, p. 481.

тогда на кого положиться, избралъ его въ предводители, какъ самаго надежнаго человѣка.

Колонна, имѣвшій порученіе защищать Миланское Герцожство, собственное свое завоеваніе, никакъ не могъ противиться Французамъ. У него даже не было денегъ на жалованье войску, котораго отъ побѣговъ осталось немного, и потому онъ не принялъ никакихъ предосторожностей, необходимыхъ для безопасности Герцожства. Онъ рѣшился только препятствовать переходу Французовъ черезъ рѣку Тессино, и очень полагался на дѣйствительность этой мѣры, не вспомнивъ, какъ легко самъ разстроилъ намѣреніе Лотрека не пустить его черезъ Адду; за то и не былъ счастливѣе Лотрека, на зло всей своей бдительности. Бонниве безъ потери перешелъ Тессино по забытому броду, Имперцы же удалились въ Миланъ, готовясь оставить городъ, какъ скоро Французы передъ нимъ покажутся. По непостижимой безпечности, которую Гвичардини приписываетъ судьбѣ (1), Бонниве не подступалъ дни четыре и упустилъ случай, представленный ему счастіемъ. Миланцы ободрились: Колонна, еще дѣятельный, не смотря на восмидесятилѣтнюю старость, и Мороне, все такой же врагъ Франціи, какъ прежде, день и ночь заботились о починкѣ укрѣпленій, о привозѣ съѣстныхъ припасовъ и наборѣ войска, и привели городъ въ состояніе выдержать осаду. Бонниве, послѣ неоднократныхъ безуспѣшныхъ приступовъ, которые сами по себѣ вредили войску его болѣе непріятелей, принужденъ былъ суровостію времени года удалиться на зимніе постои.

---

(1) Guic. lib. XV, 254.

Пока все это происходило, Папа Адріанъ умеръ. Римскій народъ, ненависть котораго къ нему болѣе и болѣе возрастала, такъ обрадовался его смерти, что на другой день убралъ цвѣтами двери дома главнаго врача его и прибилъ къ нимъ надпись: *Освободителю Отечества* (1). Кардиналъ Медичи немедленно возобновилъ свои домогательства, и вступилъ въ Конклавъ съ высокими надеждами и при всеобщемъ мнѣніи народа, что онѣ непремѣнно сбудутся. Но хотя Императорская сторона поддерживала его, хотя онъ самъ имѣлъ большое вліяніе и прибѣгалъ ко всѣмъ хитростямъ, пронырствамъ и подкупамъ, царствующимъ на избирательныхъ собраніяхъ; однако же, по упорству и ковнямъ его соперниковъ, засѣданія въ Конклавѣ длились необыкновенно много времени — цѣлыя пятьдесятъ дней. Наконецъ умъ и твердость Кардинала превозмогли всѣ препятствія. Онъ былъ провозглашенъ Главою Церкви и принялъ правленіе подъ именемъ Климента VII (28 Ноябр.). Всѣ одобряли избраніе Конклава. Всѣ многаго ожидали отъ Папы, который, господствуя надъ Флоренціею и обладая богатствомъ Медичіевъ, усиливалъ Церковную Державу, а по отличнымъ своимъ дарованіямъ и опытности въ дѣлахъ государственныхъ казался не только способнымъ защищать духовныя выгоды Церкви, подверженной страшной опасности отъ успѣха Лютеровыхъ мнѣній, но и управлять политическими ея дѣлами съ благоразуміемъ, необходимымъ въ трудныхъ обстоятельствахъ того времени (2).

---

(1) Jovii Vita Adr. 127.
(2) Guic. lib. XV, 263.

Кардиналъ Вольсей, не унывшій отъ разрушенія честолюбивыхъ своихъ видовъ въ предшествовавшемъ Конклавѣ, имѣлъ самыя вѣрныя надежды на успѣхъ своихъ притязаній по смерти Адріана. Генрихъ напомнилъ Императору письмомъ объ его обѣщаніи стараться за Вольсея. Англійскій Министръ самъ хлопоталъ съ дѣятельностію, соотвѣтственною важности сана, котораго онъ домогался, и велѣлъ повѣреннным своимъ въ Римѣ не жалѣть ни обѣщаній, ни денегъ, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Но или Карлъ манилъ его пустыми надеждами, которыхъ никогда не думалъ осуществить, или онъ полагалъ, что неблагоразумно противиться человѣку, такъ вѣрно ожидавшему успѣха, какъ Медичи, или, можетъ быть, Кардиналы боялись возведеніемъ на Папскій престолъ другаго *Загорца* раздражить народъ Римскій, еще ненавидѣвшій память Адріана; только Вольсей, послѣ всѣхъ надеждъ и стараній, съ ужасною досадою узналъ объ избраніи въ Папы Медичи, въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ цвѣтущемъ здоровьѣ, что уже никакъ не могъ утѣшаться мыслію пережить его. Этимъ вторичнымъ опытомъ онъ совершенно убѣдился въ нечистосердечіи Императора, которое возбудило въ немъ весь гнѣвъ, свойственный честолюбцу, когда обманъ разрушитъ всѣ его замыслы; и хотя Климентъ старался смягчить Кардинала, назначивъ его на всю жизнь Легатомъ въ Англіи почти съ Папскою властію, но обида, полученная Вольсеемъ, совершенно разорвала узы, соединявшіе его съ Карломъ, и онъ рѣшился отмстить. Однако ему надобно было скрывать это намѣреніе отъ своего Государя, и напередъ, искусно пользуясь обстоятельствами, истребить въ немъ дружбу къ Императору. Съ

этою цѣлію онъ не только не роптал на свою неудачу, но во всѣхъ случаяхъ показывалъ, что весьма доволенъ избраніемъ Климента въ Папы (1).

Генрихъ свято исполнилъ все, къ чему онъ обязался по союзу противъ Франціи, хотя не такъ скоро, какъ онъ желалъ. Безпечная расточительность и совершенное нерадѣніе о бережливости часто заставляли его терпѣть крайнюю нужду въ деньгахъ. Военныя дѣйствія производились тогда въ Европѣ совершенно не по прежнему. Вмѣсто ополченій, которыя составлялись внезапно и, подъ начальствомъ различныхъ вождей, шли не надолго въ походъ за Государемъ и служили на собственный свой счетъ, начались съ великими издержками наборы войскъ, получавшихъ постоянное и значительное жалованье. Вмѣсто нетерпѣливаго рѣшенія ссоръ скорою битвою, отъ которой зависѣла судьба открытыхъ владѣній и послѣ которой бароны съ вассалами возвращались къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ, непріятели стали укрѣплять города съ большимъ искусствомъ и оборонять ихъ весьма упорно. Война изъ самой простой науки стала самою трудною, шла гораздо долѣе и въ слѣдствіяхъ своихъ была менѣе рѣшительна. Лишнія подати, неразлучныя съ этими перемѣнами въ службѣ военной, казались несносными для народовъ, непривыкшихъ къ тяжкимъ налогамъ. Отсюда происходила скупость Англійскихъ Парламентовъ въ томъ вѣкѣ, которую Генрихъ рѣдко превозмогалъ при всемъ своемъ могуществѣ. Такъ какъ и въ настоящемъ случаѣ народъ отказалъ ему въ деньгахъ, то, для полученія ихъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ

---

(1) Fiddes's Life of Wolsey, 249 etc. Herbert.

полной и почти неограниченной власти, которою пользовался. Это стоило однакожъ столько времени, что войско уже въ позднюю годовую пору (20 Сент.) отправилось въ походъ подъ предводительствомъ Герцога Соффолька, который, соединясь съ Фламанцами, двинулся въ Пикардію. Францискъ, по страсти возвратить Миланское Герцожство, оставилъ сѣверные предѣлы своего Государства почти безъ защиты, и потому Англійскій полководецъ проникъ до самыхъ береговъ Уазы, протекающей въ одиннадцати миляхъ отъ Парижа, и привелъ въ ужасъ столицу. Но нѣсколько полковъ, присланныхъ Королемъ изъ Ліона, неутомимая храбрость Французовъ, которые ни днемъ, ни ночью не давали покоя союзникамъ, необыкновенные холода и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудили Соффолька отступить, и Ля Тремульй имѣлъ славу съ горстію людей остановить успѣхи могущественнаго войска и прогнать его съ позоромъ изъ владѣній Французскихъ (1).

Не болѣе посчастливилось Императору въ покушеніяхъ его на Бургундію и Гіенну, хотя обѣ эти области были такъ же худо приготовлены къ оборонѣ. Благоразуміе и храбрость полководцевъ Франциска замѣнила недостатокъ предусмотрительности; Нѣмцы и Испанцы были отражены съ большею потерею.

Такъ кончился 1523 годъ, въ продолженіе котораго счастіе и успѣхи Франциска возбудили во всей Европѣ высокое мнѣніе объ его могуществѣ и богатствѣ. Онъ открылъ и разрушилъ опасный заговоръ, виновникъ котораго принужденъ былъ бѣжать изъ Франціи; онъ уничтожилъ всѣ замы-

---

(1) Herbert. Mém. de Bellay, 73 etc.

сды могущественныхъ противниковъ, защитилъ свои земли, которыя съ трехъ сторонъ подверглись нападенію, и возвратилъ пол-Герцожства Миланскаго, хотя войско его въ Ломбардіи и не имѣло успѣха, соотвѣтственнаго своей многочисленности.

1524 г. — Слѣдующій годъ начался происшествіями, болѣе несчастливыми для Франціи. Она лишилась Фонтабаріи отъ трусости, или измѣны своего градоначальника. Союзники рѣшились отнять у Бонниве часть Миланскаго Герцожства, лежащую за Тессиномъ. Климентъ, въ первосвященства Леона и Адріана, явный, непримиримый врагъ Франціи, не хотѣлъ теперь приступить къ союзу противъ нея; но, видя съ опасеніемъ возрастающую въ Италіи власть Императора, забылъ личныя свои страсти и неудовольствія, и старался съ ревностію, приличною новому своему сану, примирить враждебныя стороны; однако всѣ труды его были недѣйствительны. Въ началѣ Марта собрались въ Миланѣ многочисленныя войска союзниковъ. Ланной, Вицекороль Неаполитанскій, принялъ начальство надъ ними по смерти Колонны, хотя главное управленіе ратными дѣйствіями Императоръ поручилъ Бурбону и Маркизу Пескарѣ. Послѣдній былъ самый искусный и предпріимчивый изъ полководцевъ Карла; а первый, въ котораго мщеніе вдыхало особенную дѣятельность и изобрѣтательность ума, и который совершенно зналъ способности Французскихъ военачальниковъ, духъ, силу и слабость ихъ войска, былъ самый полезный человѣкъ для союзниковъ. Но всѣ эти выгоды почти уничтожились тѣмъ, что Императоръ не могъ достать денегъ на исполненіе обширныхъ своихъ намѣреній. Войска, получивъ приказъ идти въ походъ,

взбунтовались, требовали жалованья, неплаченнаго имъ нѣсколько мѣсяцевъ, и, не слушая ни угрозъ, ни увѣщаній своихъ начальниковъ, хотѣли разграбить Миланъ, если тотчасъ не удовлетворятъ ихъ. Но Мороне вывелъ полководцевъ изъ затрудненія: имѣя чудесное вліяніе на своихъ соотечественниковъ, онъ склонилъ ихъ выдать нужное количество денегъ, и полки выступили въ походъ (1).

Бонниве не имѣлъ силъ противиться непріятельскому войску, а еще болѣе недоставало ему способностей быть достойнымъ противникомъ вождей его. Послѣ различныхъ движеній и встрѣчъ, подробно описанныхъ современными Историками, но въ настоящій вѣкъ не занимательныхъ и не поучительныхъ, онъ принужденъ былъ оставить крѣпкій станъ свой при Біаграссѣ. Вскорѣ потомъ, частію по собственному неблагоразумію, частію отъ дѣятельности непріятеля, который утомлялъ и губилъ Французскую рать непрерывными нападеніями, частію отъ упрямства шести тысячъ Швейцарцевъ, которые не хотѣли соединиться съ нею, хотя находились только на день пути отъ нея, Бонниве доведенъ былъ до необходимости отступить къ Франціи черезъ Аостскую долину. Въ то самое время, какъ онъ дошелъ до береговъ Сессіи и сталъ переходить эту рѣку, Бурбонъ и Пескара явились съ передовыми силами союзниковъ и стремительно напали на арьергардъ его. Бонниве, дѣйствуя съ отличною храбростію, въ самомъ началѣ сраженія былъ опасно раненъ и принужденъ оставить поле брани; начальство надъ арьергардомъ принялъ рыцарь Баяръ.

---

(1) Guic. lib XV, 267. Capella, 190.

Чуждый придворныхъ происковъ, онъ никогда не назначался главнымъ предводителемъ, но во время дѣйствительной опасности всегда призывали его на мѣста самыя трудныя и важныя. Баяръ противустаалъ непріятелю съ жандармами, и, одушевляя ихъ своимъ присутствіемъ и примѣромъ выдерживать напоръ всѣхъ силъ союзныхъ, далъ время отступить остальному Французскому войску. Но въ этомъ подвигѣ онъ получилъ смертельную рану и, чувствуя, что упадетъ съ лошади, велѣлъ одному изъ воиновъ положить себя подъ дерево, лицемъ къ непріятелю; потомъ, устремивъ глаза на рукоять меча своего, который держалъ вмѣсто креста, началъ молиться, и въ этомъ положеніи, приличномъ воину и Христіанину, спокойно ожидалъ смертнаго часа. Бурбонъ, предводитель непріятельскаго авангарда, увидѣвъ его, изъявилъ свою горесть и сожалѣніе. „Не жалѣй обо мнѣ, вскричалъ великодушный рыцарь: я умираю, какъ честный человѣкъ, исполняя долгъ свой; тѣ жалки, которые сражаются противъ своего Государя и отечества.“ Вскорѣ потомъ подошелъ Маркизъ Пескара; онъ удивлялся доблестямъ Баяра, соболѣзновалъ объ его участи съ чувствомъ благороднаго непріятеля, и видя, что нельзя было безопасно перенесть его на другое мѣсто, велѣлъ раскинуть надъ нимъ ставку и позвать къ нему врачей. Но, не смотря на всѣ ихъ попеченія, Баяръ умеръ, какъ умирали предки его нѣсколько поколѣній—на полѣ битвы. Пескара приказалъ набальзамировать его и отослать къ роднымъ. Бренные остатки рыцаря были принимаемы съ царскими почестями во всѣхъ городахъ Савойи, по волѣ ея Герцога, а въ Дофине, отчизнѣ Баяра, жители всѣхъ званій почтили тѣло его торжественною встрѣчею:

такъ уважали въ тотъ вѣкъ доблести воинскія (1)!

Бонниве отвелъ разбитые остатки своего войска во Францію, и такимъ образомъ въ одно короткое ратованіе Францискъ лишился всѣхъ своихъ владѣній и союзниковъ въ Италіи.

Между тѣмъ какъ столько земель Европейскихъ возмущались войною, воспламененною соперничествомъ Карла и Франциска, Германія наслаждалась глубокимъ спокойствіемъ, весьма благопріятнымъ для Реформаціи. Пока Лютеръ содержался въ Вартбургѣ, Карльштадтъ, одинъ изъ учениковъ его, одушевленный равною съ нимъ ревностію, но не имѣвшій его благоразумія и умѣренности, началъ проповѣдывать черни буйныя и опасныя мнѣнія. Увѣщанія Карльштадта побудили поселянъ нѣкоторыхъ Саксонскихъ деревень вломиться въ церкви, сорвать со стѣнъ образа и разбить ихъ. Эти мятежные поступки совершенно не соотвѣтствовали осторожнымъ правиламъ Электора, и еслибъ во-время не были остановлены, то отвратили бы его отъ реформаторовъ; потому что показывали неуваженіе къ его власти и могли поссорить его съ Императоромъ и другими ревнителями старыхъ мнѣній. Лютеръ, предусматривая грозящую бѣду, немедленно оставилъ свое убѣжище, не дожидаясь позволенія Фридриха, и возвратился въ Виттембергъ (6 Март. 1522 г.). Къ счастію Реформаціи, онъ еще пользовался такимъ уваженіемъ, что однимъ появленіемъ своимъ смирилъ духъ изувѣрства, начавшій обуревать его сторону. Карльштадтъ и изступленные его послѣдова-

---

(1) Bellefor. Epitr. p. 78 Mém. de Bellay, 75. Ouv. de Brant. tom. VI, 108, etc. Pasquier Recherches, p. 526.

тели, сраженные упреками Лютера, говорили, что слышали голосъ Ангела, а не человѣка (1).

Находясь въ Вартбургѣ, Лютеръ сталъ переводить Св. Писаніе на Нѣмецкій языкъ, предпріятіе трудное и важное, которому онъ предался всей душею и для котораго имѣлъ всѣ нужныя качества: онъ былъ довольно свѣдущъ въ коренныхъ языкахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, коротко зналъ слогъ и мысли мужей богодухновенныхъ, отлично владѣлъ роднымъ своимъ языкомъ, и выражался на немъ со всею красотою его и силою. При собственномъ неутомимомъ прилежаніи и при помощи Меланхтона и другихъ своихъ учениковъ, Лютеръ, въ 1522 году, окончилъ Новый Завѣтъ, изданіе котораго было для Римской Церкви вреднѣе всѣхъ его сочиненій. Люди всякаго званія читали Слово Божіе съ невыразимою жадностію и вниманіемъ. Они изумлялись, открывая, какъ ученіе Начальника нашей Вѣры было противно принятымъ мнѣніямъ, стали сличать ихъ съ закономъ Христіанскимъ, и рѣшать, сообразны ли они съ нимъ, или нѣтъ. Великая польза перевода Библіи побудила реформаторовъ и въ другихъ Государствахъ Европы передать ее своимъ соотечественникамъ на природномъ ихъ языкѣ, по примѣру Лютера.

Около этого времени Нюрнбергъ, Франкфуртъ, Гамбургъ и еще нѣкоторые первостепенные вольные города Германіи приняли преобразованную Вѣру, и съ согласія своихъ правительствъ уничтожили обѣдню и другіе обряды Папизма (2). Электоръ Бранденбуржскій, Герцоги

(1) Sleid. Hist. 51. Seckend. 195.

(2) Seckend. 241. Chytraei Contin. Krantzii, 203.

Брауншвейгскій, Люнебуржскій и Князь Ангальтскій, стали явно покровительствовать мнѣніямъ Лютера и благопріятствовать распространенію ихъ между своими подданными.

Римскій Дворъ съ смятеніемъ видѣлъ, что число оставляющихъ Католическую Вѣру съ каждымъ днемъ увеличивалось, и Адріанъ, прибывши въ Италію, прежде всего совѣтовался съ Кардиналами, какими средствами остановить успѣхи Реформаціи. Онъ имѣлъ глубокія познанія въ Схоластическомъ Богословіи и такое почтеніе къ этой наукѣ, которой былъ обязанъ своею извѣстностію и счастіемъ, что признавалъ почти богохульствомъ насмѣшки Лютера надъ Схоластиками, особенно же надъ Ѳомою Аквинасомъ. Всѣ догматы послѣдняго казались ему ясными и неоспоримыми; онъ полагалъ, что тотъ ослѣпленъ невѣжествомъ и дѣйствуетъ противъ собственнаго убѣжденія, кто сомнѣвается въ нихъ, или противорѣчитъ имъ, и потому не было Папы непреклоннѣе Адріана относительно богословскихъ положеній. Онъ не только поддерживалъ ихъ, подобно Леону, изъ уваженія къ ихъ древности и опасенія допускать новизны, но защищалъ ихъ съ ревностію богослова и упорствомъ схоластика. Однако чрезвычайная простота его нравовъ, незараженныхъ пороками Римскаго Двора, давала ему чувствовать развращенность послѣдняго не менѣе самихъ реформаторовъ. Письмо его къ Имперскому Сейму, собравшемуся въ Нюрнбергѣ (въ Ноябрѣ 1522 г.), и наказъ Керегату, своему нунцію, были вѣрнымъ отпечаткомъ его мыслей и чувствованій. Съ одной стороны, онъ осуждалъ Лютеровы мнѣнія еще строже, нежели Папа Леонъ, сурово упрекалъ Германскихъ Князей за то, что они позволяли имъ распространяться, не

исполняя указа Вормскаго Сейма, и предписывалъ или принудить Лютера немедленно отречься отъ гибельныхъ его заблужденій, или сжечь его, какъ неизлечимо - зараженнаго члена Церкви, подобно тому какъ Даѳанъ и Авиронъ были наказаны Моисеемъ, Ананія и Сапфира — Апостоломъ Петромъ, а Иванъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій — прежними Государями Германіи (1). Съ другой стороны, онъ весьма чистосердечно и торжественно признавалъ испорченную нравственность Римскаго Двора источникомъ всѣхъ бѣдствій Церкви; онъ обѣщалъ употребить всѣ силы, чтобы исправить злоупотребленія духовенства такъ скоро, какъ позволяли ихъ свойство и закоренѣлость, и просилъ Князей присовѣтовать ему самыя дѣйствительныя мѣры для прекращенія новой ереси, возникшей въ Германіи (2).

Члены Сейма, осыпавъ похвалами благочестивыя намѣренія Папы, представляли ему опасность и даже невозможность исполнить Вормскій указъ, тогда какъ число Лютеровыхъ послѣдователей возрасло до невѣроятности и вообще всѣ Германцы ненавидѣли Римскій Дворъ за его поборы. Они утверждали, что бѣдствія, которыя терпитъ Германія, происходятъ не отъ вымышленныхъ притѣсненій, но отъ налоговъ дѣйствительныхъ и несносныхъ; что Его Святѣйшество усмотритъ это изъ списка ихъ, который будетъ ему представленъ; что здравіе и сила Церкви требуютъ для своего возстановленія врачевства новаго и сильнаго, и что единственное средство, по ихъ мнѣнію полезное съ

(1) Fascic. Rer. expet. et fugiend. 342.

(2) Ibid. p. 345.

этою цѣлію, есть Соборъ всеобщій. Они совѣтовали Адріану созвать его съ согласія Императора, безъ отлагательства, въ одномъ изъ первыхъ городовъ Германіи, для свободнаго разсужденія о дѣлахъ Вѣры, какого требовала тогда опасное ея положеніе (1).

Нунцій, будучи искуснѣе своего Государя и зная лучше его политическіе виды и пользы Римскаго Двора, ужаснулся, когда предложили о Соборѣ; онъ легко предвидѣлъ гибельныя послѣдствія его въ такое время, когда многіе явно отвергали власть Папскую и когда почтеніе и покорность, ей оказываемыя, во всѣхъ уменьшились. Онъ употреблялъ всю тонкость ума своего съ намѣреніемъ убѣдить членовъ Сейма къ строгимъ мѣрамъ противъ Лютеровой ереси и отклонить ихъ отъ предложенія о всеобщемъ Соборѣ въ Германіи. Члены же, замѣчая, что для нунція выгоды Римскаго Двора дороже спокойствія Имперіи и чистоты Церкви, были неумолимы и готовили Папѣ списокъ злоупотребленій духовенства (2). Нунцій, опасаясь, чтобы ему не поручили представить жалобу, непріятную для его Двора, наскоро оставилъ Нюрнбергъ, не откланявшись Сейму (3).

Между тѣмъ свѣтскіе Князья, одни, безъ духовныхъ, которые не присоединились къ нимъ изъ приличія, написали грамоту, знаменитую въ лѣтописяхъ Германскихъ. Она исчисляла сто злоупотребленій Папской власти, и была почти одного свойства съ сочиненною при Максимиліанѣ.

---

(1) Fascic. Rer. expet. et fugiend. p. 346.

(2) Ibid. p. 349.

(3) Ibid. p. 376.

Князья жаловались на сборы за разрѣшеніе отъ клятвъ и обѣтовъ и за индульгенціи; на издержки, сопровождавшія переходъ дѣлъ въ Римъ по аппелляціямъ; на обязанность оставлять въ каждой области мѣста для духовныхъ особъ по назначенію Папскому; на права Первосвященниковъ избирать въ высшія церковныя должности и пользоваться отъ духовныхъ ежегодными доходами; на исключеніе духовенства изъ гражданскаго вѣдомства; на хитрости, которыми оно переводило всѣ свѣтскія дѣла въ свои судилища; на неприличную жизнь бо́льшей его части и на разные другіе безпорядки, упомянутые въ числѣ обстоятельствъ, которыя способствовали благосклонному принятію и быстрому распространенію Лютеровыхъ мнѣній. Въ концѣ грамоты Князья прибавили, что если Папа не посиѣшитъ избавить ихъ отъ исчисленныхъ злоупотребленій то они перестанутъ терпѣть ихъ, а прибѣгнутъ къ пособію силы и власти, дарованныхъ имъ отъ Бога (1).

Вмѣсто же строгостей противъ Лютера и его послѣдователей, которыя совѣтовалъ употребить нунцій, указъ Сейма (6 Март. 1523 г.) повелѣвалъ людямъ всякаго званія терпѣливо ожидать рѣшеній будущаго Собора и до того времени не разглашать новыхъ мнѣній, противныхъ принятому ученію Церкви, а всѣхъ проповѣдниковъ увѣщавалъ не говорить народу о спорныхъ предметахъ, но ограничиваться ясными и назидательными истинами Вѣры (2).

Реформаторы получили великую пользу отъ этого Сейма: онъ доставилъ имъ самое полное и

---

(1) Fascic. Rer. expet. et fugiend. 354.

(2) Ibid. p. 348.

достовѣрное доказательство, что грубые пороки владычествовали при Дворѣ Римскомъ и что духовенство обременяло Имперію тяжкими налогами. О первыхъ свидѣтельствовалъ самъ Папа; о послѣднихъ Имперскіе Чины говорили на Сеймѣ, какъ объ главномъ злѣ для Германіи. Съ этихъ поръ Люшеръ и ученики его часто ссылались въ спорныхъ своихъ сочиненіяхъ на письмо Адріана и на сто злоупотребленій, въ подтвержденіе всего, что ни писали о нравственности, властолюбіи и мздоимчивости Двора Папскаго.

Въ Римѣ поступокъ Адріана почитали доказательствомъ простоты самой дѣтской. Люди, воспитанные среди козней и пороковъ Двора Папскаго и привыкшіе судить о дѣлахъ по понятію не о справедливости, а о пользѣ, дивились, что Первосвященникъ, оставляя мудрыя правила своихъ предшественниковъ, самъ признавалъ безпорядки, которые былъ бы долженъ скрывать, и просилъ совѣта у тѣхъ, которымъ имѣлъ право приказывать. Они боялись, что это излишнее чистосердечіе не обуздаетъ враговъ Церкви, а сдѣлаетъ ихъ высокомѣрнѣе; не истребитъ ереси, а потрясетъ основанія власти Папской и уничтожитъ главные источники церковнаго богатства (1). Поэтому они искусно противились всѣмъ преобразовательнымъ мѣрамъ Адріана и вымышляли затрудненія, чтобы замедлить и даже совершенно остановить ихъ исполненіе. Адріанъ, приводимый въ смущеніе упорствомъ Люшеранъ, огорчаемый нравами Итальянцевъ и неуспѣхомъ своихъ усилій побѣдить еретиковъ и исправить духовенство, часто сокрушался о своемъ положеніи,

(1) F. Paul. Hist. of Counc. p. 28. Pallavic. Hist. 58.

и съ удовольствіемъ вспоминалъ то время жизни, когда онъ былъ простымъ Лувенскимъ деканомъ, когда занималъ эту незначительную, но счастливую должность, въ которой отъ него требовалось немногое и ничто не мѣшало добрымъ его предпріятіямъ (1).

Климентъ VII, преемникъ Адріана, столько же превосходилъ его въ способности правительствовать, сколько уступалъ ему въ непорочности жизни и правотѣ намѣреній. Онъ не только не желалъ Собора, подобно другимъ Папамъ, но даже боялся его, достигнувъ престола непозволительными средствами, и потому рѣшился употребить всѣ силы, чтобы избавиться отъ исполненія требованій, къ которымъ побудили Германцевъ опрометчивость и неспособность его предмѣстника. Съ этою цѣлію онъ избралъ своимъ нунціемъ на Имперскій Сеймъ, опять собравшійся въ Нюрнбергѣ, Кардинала Кампеджо, искуснаго человѣка, которому Папы часто поручали важные переговоры.

Кампеджо, ни слова не упомянувъ о томъ, что происходило на послѣднемъ собраніи, увѣщавалъ Сеймъ длинною рѣчью принять дѣятельныя мѣры къ исполненію Вормскаго указа, какъ единственнаго и дѣйствительнаго средства пресѣчь Лютерово ученіе. Сеймъ, съ своей стороны, желалъ знать мысли Папы о Соборѣ и о стѣ злоупотребленіяхъ. Въ отношеніи къ первому, нунцій отвѣчалъ общими, неопредѣленными увѣреніями, что Папа рѣшился принять мѣры, самыя полезныя для блага Церкви; касательно же злоупотребленій, онъ не сказалъ ничего положитель-

(1) Jovii. Vita Adr. p. 118.

наго отъ имени Климента, воспользовавшись предлогомъ, что грамота Сейма дошла въ Римъ уже по смерти Адріана, и слѣдовательно не могла еще надлежащимъ порядкомъ быть представлена новому Папѣ. Кампеджо замѣтилъ однако, что въ ней много неприличнаго и дерзкаго, что Сеймъ, обнародовавъ ее по собственной своей власти, оказалъ великое неуваженіе къ Римскому престолу, и, въ заключеніе, возобновилъ требованіе строго поступить съ Лютеромъ и его послѣдователями. Но хотя посланникъ Императора, который въ то время очень нуждался въ помощи Папы, сильно поддерживалъ нунція, объявляя о ревности своего Государя къ чести и достоинству Папскаго престола; однако же новый указъ Сейма вышелъ (Апр. 18) почти одного содержанія съ прежнимъ, безъ всякой новой строгости противъ Лютера и стороны его (1).

Передъ отъѣздомъ изъ Германіи, Кампеджо, желая доставить удовольствіе народу, издалъ нѣсколько постановленій въ отмѣну безпорядковъ между низшимъ духовенствомъ; но эта частная исправительная мѣра, совсѣмъ противная ожиданіямъ Лютеранъ и требованіямъ Сейма, никого не удовлетворила и не имѣла большаго вліянія. Нунцій осторожною рукою сломилъ нѣсколько вѣтвей; Германцы мѣтили сильный ударъ и хотѣли истребить зло, срубивъ его корень (2).

(1) Seckend. 286. Sleid. Hist. 66.

(2) Ibid. 292.

КНИГА IV.

Итальянцы полагали, что изгнаніемъ Французовъ изъ Миланскаго Герцожства и Генуэзской Республики окончилась война между Карломъ и Францискомъ, и, не видя въ Италіи ни одного Государства, способнаго противиться Императору, начали страшиться его и пламенно желали возстановленія мира. Доставивъ Сфорсѣ обратно его наслѣдіе, достигнувъ такимъ образомъ цѣли, служившей главною причиною союза ихъ съ Карломъ, они ясно обнаруживали свою неохоту увеличивать превосходство Императора предъ его соперникомъ, ставшее предметомъ ихъ опасеній. Особенно Климентъ, природная робость котораго усилилась подозрѣніями на счетъ замысловъ Императора, старался внушить ему умѣренность и расположеніе къ миру.

Но Карлъ, упоенный успѣхомъ и движимый собственнымъ честолюбіемъ и мстительностію Бурбона, презрѣлъ увѣщанія Папы и объявилъ, что велитъ своему войску перейти Альпы и ворваться въ Провансъ, гдѣ соперникъ его всего менѣе ожидалъ нападенія и всего менѣе приготовился къ оборонѣ. Самые опытные совѣтники отговаривали Императора рѣшиться на это предпріятіе съ слабыми силами и истощенною казною. Но онъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, много полагаясь на содѣйствіе Англійскаго Короля

и надежды Бурбона, который мечталъ, съ легковѣріемъ, свойственнымъ изгнаннику, что къ нему присоединится множество приверженцевъ, какъ скоро Имперское войско вступитъ во Францію. Генрихъ обѣщалъ прислать сто тысячъ дукатовъ на военныя издержки въ первый мѣсяцъ и предоставилъ себѣ на волю, или ежемѣсячно платить по такой же суммѣ, или до исхода Іюля вторгнуться въ Пикардію съ сильнымъ войскомъ. Карлъ обязался напасть въ то же время съ значительными силами на Гіенну и согласился съ Англійскимъ Королемъ, въ случаѣ успѣха всѣхъ этихъ предпріятій, отдать Бурбону не только отнятыя у него земли, но еще Провансъ съ титломъ Короля, если онъ за новыя свои владѣнія присягнетъ въ вѣрноподданствѣ Генриху, какъ законному Государю Франціи. Изъ всего этого обширнаго, но несбыточнаго замысла, исполнилось одно лишь нападеніе на Провансъ, потому что Бурбонъ показалъ совѣстливость, совершенно неожиданную, судя по дѣламъ его: онъ рѣшительно отрекся признать право Генриха на престолъ Французскій, и тѣмъ освободилъ Англійскаго Короля отъ всякой обязанности способствовать предпріятію Карла. Однако желаніе послѣдняго осуществить честолюбивыя свои затѣи нисколько не охладѣло. Онъ надѣялся исполнить ихъ съ осьмнадцатью тысячами войска, ввѣрилъ начальство надъ нимъ Маркизу Пескарѣ и приказалъ этому полководцу имѣть величайшее уваженіе къ совѣтамъ Бурбона. Пескара перешелъ Альпы безъ сопротивленія, вступилъ въ Провансъ (19 Авг.) и осадилъ Марсель. Бурбонъ предлагалъ лучше идти на Ліонъ, въ ту сторону, гдѣ, владѣя обширными землями, онъ имѣлъ самое большое вліяніе на Французовъ; но Императору такъ

хотѣлось завоевать приморскій городъ, который всегда давалъбы ему удобный входъ во Францію, что воля его восторжествовала надъ мнѣніемъ Бурбона, и покореніе Марсели стало главною цѣлію для Пескары (1).

Францискъ предвидѣлъ это предпріятіе, но не могъ отвратить его, и потому взялъ самыя благоразумныя мѣры, чтобы оно не увѣнчалось успѣхомъ. Онъ опустошилъ всю сторону, въ которой находилась Марсель, съ намѣреніемъ затруднить непріятеля въ продовольствіи, выжегъ предмѣстія города, усилилъ его укрѣпленія и посадилъ въ него многочисленный гарнизонъ подъ начальствомъ храбрыхъ и опытныхъ предводителей. Девять тысячь Марсельцевъ, которымъ страхъ ига Испанскаго внушилъ презрѣніе къ опасности, пристали къ защитникамъ своего города,—и весь геній Пескары, вся дѣятельность и мщеніе Бурбона, ничего не могли противъ единодушія и мужества осажденныхъ. Францискъ, между тѣмъ, собралъ сильную рать подъ стѣнами Авиньона, и только что двинулся къ Марсели, какъ Императорское войско, изнуренное трудами осады шестинедѣльной, убывшее отъ болѣзней и томимое голодомъ, стремительно отступило въ Италію (2).

Если бы въ продолженіе дѣлъ въ Провансѣ, Карлъ, или Генрихъ, напали на Францію, какъ они условились, то это Королевство подверглось бы крайней опасности. Но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Императоръ увидѣлъ, что онъ получалъ доходы, несоразмѣрные ни съ обширностію своей власти, ни съ видами своего

---

(1) Guic. l. XV, 273 etc. Mém. de Bellay, p. 80.
2) Ibid. l. XV, 277. Ulloa Vita dell. Carlos V, p. 93.

честолюбія, и, по недостатку денегъ, принужденъ былъ, хотя весьма неохотно, ограничить свои замыслы и часть ихъ оставить безъ исполненія. Генрихъ, недовольный Бурбономъ за то, что онъ не хотѣлъ признать права его на престолъ Французскій, встревоженный движеніями Шотландцевъ, убѣжденныхъ Франциском идти къ границамъ Англіи, и уже не подущаемый своимъ министромъ, который совершенно охладѣлъ къ пользамъ Императора, не принялъ никакихъ мѣръ для поддержанія своего предпріятія, хотя сначала оно восхищало его, подобно всѣмъ новымъ замысламъ (1).

Если бы Французскій Король удовольствовался тѣмъ, что онъ избавилъ народъ свой отъ грознаго нашествія и показалъ всей Европѣ, какъ легко ему съ внутреннею силою своего Государства противиться внѣшнимъ непріятелямъ, которыхъ даже подкрѣпляли способности мятежнаго подданнаго; то война, не взирая на потерю Миланскаго Герцожства, не окончилась бы безславно. Но Францискъ, пылавшій храбростію, приличною болѣе простому воину, нежели полководцу; движимый честолюбіемъ, болѣе отважнымъ, нежели благоразумнымъ, и очень склонный превозноситься въ счастіи, страстно любилъ всякое смѣлое и опасное предпріятіе. Точно такое представило ему тогдашнее положеніе дѣлъ. Онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ сильную, отлично снаряженную рать и не хотѣлъ распустить ее, ни на что не употребивши. Императорское войско, почти сгубленное службою и унывшее отъ неудачи, поспѣшно отступало (въ Сент. м.); Миланское Герцожство оставалось совершенно безъ защиты; можно было проникнуть въ эту область до прихода Пес-

(1) Fiddes's Life of Wolsey, Append. Nos. 70, 71, 72.

кары, а если бы страхъ и придалъ скорости изнуреннымъ полкамъ его, то все бы они не устояли противъ Французовъ, бодрыхъ силами и грозныхъ числомъ, — и Миланъ, какъ прежде бывало, покорился бы смѣлому завоевателю безъ сопротивленія. Эти соображенія, довольно благовидныя, показались пылкому Королю самыми вѣрными расчетами. Напрасно умнѣйшіе совѣтники и полководцы представляли ему, что позднее время года не благопріятствовало походу, особенно съ войскомъ, составленнымъ, большею частію, изъ Швейцарцевъ и Нѣмцевъ, отъ своенравія и вѣрности которыхъ онъ будетъ зависѣть во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и даже въ личной безопасности; напрасно Луиза Савойская спѣшила въ Провансъ, чтобы отговорить сына отъ опрометчиваго предпріятія: онъ презрѣлъ представленія подданныхъ, и, желая избавиться непріятнаго свиданія съ матерью, совѣты которой рѣшился отвергнуть, отправился въ походъ прежде, нежели она пріѣхала, назначивъ ее Правительницею Королевства на время своего отсутствія. Бонниве убѣжденіями своими немало способствовалъ упорству Франциска. Этотъ любимецъ, очень сходный съ своимъ Государемъ во всѣхъ нравственныхъ недостаткахъ, сильно поддерживалъ его намѣреніе и по прирорной пылкости духа и по нетерпѣнію увидѣться съ одной Миланской госпожею, въ которую смертельно влюбился во время своего послѣдняго похода; даже говорятъ, что Бонниве заманчивымъ описаніемъ прелестей и совершенствъ этой красавицы воспламенилъ Франциска такимъ же неодолимымъ желаніемъ увидѣть ее, какое и самъ чувствовалъ (1).

(1) Oeuvr. de Brant. tom. VI, 253.

Французы перешли Альпы по горѣ Ценису и спѣшили въ Миланское Герцожство, не теряя времени, потому что ихъ успѣхъ зависѣлъ отъ скорости. Пескара, принужденный избрать дорогу длиннѣе и затруднительнѣе, черезъ Монако и Финалъ, былъ увѣдомленъ объ ихъ намѣреніи, и, желая спасти Миланское Герцожство, пошелъ съ такою быстротою, что достигъ Альвы въ тотъ же день, въ который Французское войско прибыло къ Верчелли. Францискъ, наученный ошибкою Бонниве, двинулся прямо къ Милану, гдѣ приближеніе грознаго непріятеля произвело великое смятеніе и безпорядокъ. Пескара увидѣлъ изъ этого, что безнадежно защищать городъ, хотя вступилъ въ него съ частію лучшаго своего войска. Оставя гарнизонъ въ вышгородѣ, онъ удалился изъ Милана въ одни ворота, между тѣмъ какъ Французы были впущены въ другія (1).

Эти быстрыя дѣйствія Короля Французскаго разстроили всѣ оборонительныя мѣры Имперіалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не случалось полководцамъ противиться грозному нашествію при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Хотя владѣнія Карла были обширнѣе, нежели у другихъ Государей Европейскихъ, и хотя онъ въ это время имѣлъ войско въ одной Ломбардіи, и того не болѣе шестнадцати тысячь; однако права его въ различныхъ земляхъ, ему подвластныхъ, были такъ ограничены, и подданные, безъ согласія которыхъ онъ не могъ налагать податей, обнаруживали такую неохоту обременять себя новыми, чрезвычайными повинностями, что даже малое войско его терпѣло не-

(1) Mém. de Bellay, p. 1. Guic. l. XV, 278.

достатокъ въ жалованьѣ, въ военныхъ снарядахъ, въ продовольствіи и въ одеждѣ. Одна только мудрость Ланноя, предпріимчивость Пескары и и неумолимое мщеніе Бурбона, могли предохранить ихъ отъ отчаянія и внушить имъ необходимыя мѣры для своей безопасности. Усиліямъ ихъ генія, дѣятельности и усердія, а не собственному своему могуществу, обязанъ былъ Императоръ за сохраненіе Итальянскихъ земель своихъ. Ланной, заложивъ Неапольскіе доходы, промыслилъ нѣсколько денегъ, на которыя немедленно снабдилъ войско самымъ необходимымъ (1). Пескара, почти боготворимый Испанскими полками, увѣщавалъ ихъ прослужить Императору въ эту годину опасности, не приставая за жалованьемъ, и явить свѣту, что ихъ одушевляетъ честь, а не чувства, свойственныя наемнымъ воинамъ, — и храбрые вняли совѣту его съ безпримѣрнымъ великодушіемъ (2). Бурбонъ досталъ значительное количество денегъ подъ закладъ драгоцѣнныхъ вещей своихъ и отправился въ Германію, въ которой пользовался большимъ вліяніемъ, чтобы присутствіемъ своимъ ускорить въ ней наборъ войска для службы Императору (3).

Францискъ, по гибельной ошибкѣ, далъ время полководцамъ Карла собрать плоды всѣхъ этихъ дѣйствій. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать непріятеля, отступившаго къ городу Лоди на Аддѣ, который нельзя было удержать и который Пе-

(1) Guic. L. XV, 280.

(2) Jovii Vita Davali, l. XV, p. 386. Sandov. vol. I, 621. Ulloa Vita dell Carlos V, p. 94 etc. Vita dell Emperor Carlos V, per Vera y Zuniga, p. 36.

(3) Mém. de Bellay, p. 83.

скара хотѣлъ оставить при приближеніи Короля, онъ обступилъ Павію (28 Окт.), въ угодность мнѣнію Бонниве, противному совѣтамъ другихъ военачальниковъ. Этотъ городъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень важенъ. Взявъ его, Францискъ овладѣлъ бы всею плодоносною страною по берегамъ рѣки Тессино. Но Павія имѣла сильныя укрѣпленія; опасно и трудно было осаждать ее въ такую позднюю пору, и полководцы Императорскіе, знавшіе ей цѣну, помѣстили въ нее шесть тысячь ветерановъ подъ начальствомъ Антонія де Лейвы, воина знаменитаго, опытнаго, хладнокровнаго, но смѣлаго, одареннаго изобрѣтательнымъ умомъ, искавшаго случаевъ отличить себя и способнаго какъ по этимъ качествамъ, такъ и по долговременной привычкѣ къ повиновенію и начальству, все терпѣть и всѣмъ пользоваться для полученія успѣха.

Францискъ съ такимъ же упорствомъ продолжалъ осаду, съ какою опрометчивостію началъ ее. Цѣлые три мѣсяца инженеры его истощали все свое искусство, а войска всю свою храбрость, чтобы взять Павію, между тѣмъ какъ Ланной и Пескара, не имѣя возможности препятствовать непріятелю, принуждены были оставаться въ такомъ позорномъ бездѣйствіи, что въ Римѣ, въ насмѣшку имъ, издали объявленіе, обѣщавшее награду тому, кто найдетъ Императорское войско, которое, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, безъ вѣсти пропало въ горахъ между Франціею и Ломбардіею (1).

Лейва, хорошо зная трудныя обстоятельства своихъ соотечественниковъ, непозволявшія имъ выдти противъ могущественной рати, оса-

(1) Sandov. I, 608.

ждавшей Павію, полагался въ своемъ спасеніи только на свою бдительность и храбрость. Усилія той и другой были необычайны и соотвѣтственны важности мѣста, которое онъ защищалъ. Лейва прерывалъ приближныя работы (*апроши*) Французовъ, дѣлая частыя и отчаянныя вылазки; за проломами отъ ядеръ онъ воздвигалъ новыя стѣны, неуступавшія въ крѣпости прежнимъ; отражалъ осаждающихъ на всѣхъ приступахъ, и собственнымъ примѣромъ училъ не только гарнизонъ, но и жителей терпѣть самыя тяжкіе труды и встрѣчать величайшія опасности безъ ропота. Суровое время года помогало его стараніямъ замедлить успѣхи непріятеля. Францискъ хотѣлъ овладѣть городомъ, отведя Тессино, защищающій его съ одной стороны; но рѣка, внезапно разлившись, разрушила въ одинъ день многонедѣльную работу и снесла всѣ насыпи, сдѣланныя Французами съ неописаннымъ трудомъ и съ великими издержками (1).

Не взирая на медленные успѣхи осаждающихъ и на славу, которую стяжалъ Лейва геройскою обороною, никто не сомнѣвался, что городъ наконецъ принужденъ будетъ сдаться. Папа, уже почитавшій Французовъ побѣдителями въ Италіи, горѣлъ нетерпѣніемъ отстать отъ связей своихъ съ Императоромъ, предпріятій котораго онъ чрезвычайно опасался, и заключить дружественный союзъ съ Францискомъ. Неспособный, по робкому и осторожному нраву своему, слѣдовать смѣлому намѣренію Леона освободить Италію отъ ига обоихъ соперниковъ, онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ, болѣе вѣрной и удобоисполнимой: онъ рѣшился употребить могущество одно-

(1) Guic. l. XV, 280. Ulloa Vita dell Carlos V, p. 95.

го изъ нихъ къ ограниченію власти другаго. Отъ этого онъ не скрывалъ своего удовольствія, когда Французскій Король возвратилъ Миланъ: онъ надѣялся, что такой грозный сосѣдъ нѣсколько умѣритъ честолюбіе Карла, неимѣвшее себѣ никакой преграды въ Италіи, и усердно хлопоталъ о мирѣ, который утвердилъ бы за Францискомъ новыя его завоеванія. Императоръ, всегда упорный въ своихъ намѣреніямъ, съ презрѣніемъ отвергнулъ этотъ миръ, оскорбительно упрекая Папу, что самъ же онъ, бывъ еще Кардиналомъ Медичіемъ, убѣдилъ его напасть на Миланское Герцожство: и потому Климентъ немедленно заключилъ договоръ сторонности съ Королемъ Французскимъ, въ который включена была и Республика Флоренція (1).

Лишивъ такимъ образомъ Императора двухъ сильнѣйшихъ его союзниковъ, и въ тоже время выговоривъ свободный проходъ своимъ войскамъ черезъ ихъ земли, Францискъ рѣшился напасть на Неаполитанское Королевство, оставленное почти безъ защиты, надѣясь или овладѣть имъ, или, покрайней мѣрѣ, нечаяннымъ нашествіемъ принудить Вицекороля вызвать часть Императорскаго войска изъ Миланскаго Герцожства, и послалъ шеститысячный отрядъ подъ начальствомъ Іоанна Стюарта, Герцога Альбани, для исполненія своего намѣренія. Но Пескара, предвидя, что слѣдствія этого движенія будутъ совершенно зависѣть отъ дѣлъ въ Миланскомъ Герцожствѣ, убѣдилъ Ланноя не заниматься походомъ Альбани (2), и устремить всѣ силы противъ самаго Короля, который заслуживаетъ порицанія и за

(1) Guic. l. XV, 282.
(2) Guic. l. XV, 285.

безвременное ослабленіе своего войска и за страсть пускаться въ несбыточныя предпріятія.

1525 г. — Между тѣмъ осажденные доведены были до крайности: уже недоставало военныхъ снарядовъ и продовольствія; Нѣмцы, составлявшіе бо́льшую часть гарнизона, семь мѣсяцевъ не получая жалованья (1), грозили предать городъ въ руки непріятеля, и Лейва, со всѣмъ умомъ своимъ и властію, едва удерживалъ ихъ отъ бунта. Императорскіе полководцы, знавшіе, въ какомъ положеніи онъ находился, увидѣли, что необходимо спѣшить къ нему на помощь, не теряя времени. Теперь это уже было имъ возможно: двѣнадцать тысячь Нѣмцевъ, съ необычайною скоростію приведенныхъ Бурбономъ въ Ломбардію, почти сравняли Императорское войско съ Французскимъ, которое много уменьшилось отдѣленіемъ значительнаго отряда подъ предводительствомъ Альбани и потерями въ слѣдствіе изнурительной осады и суровой зимы. Но чѣмъ болѣе умножались силы полководцевъ Карла, тѣмъ сильнѣе чувствовали они опасность отъ недостатка денегъ. Имъ нечѣмъ было платить даже за провозъ огнестрѣльнаго снаряда и военныхъ припасовъ, не только что содержать на жалованьѣ рать многочисленную. Однако способности военачальниковъ восторжествовали надъ всѣми затрудненіями. Собственнымъ примѣромъ и пышными обѣщаніями отъ имени Императора они склонили разноплеменные полки свои служить безъ платы, обязались вести ихъ прямо на непріятеля и обольщали вѣрною побѣдою, которая вдругъ доставитъ имъ несмѣтную добычу и вполнѣ вознаградитъ

(1) Gold. Polit. Imperial. 873.

ихъ за всѣ труды. Солдаты, размысливъ, что, оставивъ войско, они лишатся большаго жалованья, котораго имъ не выдавали, и не получатъ обѣщанныхъ сокровищъ, требовали битвы со всѣмъ нетерпѣніемъ людей, сражающихся только для грабежа (1).

Императорскіе полководцы, не давая остыть жару своей рати, тотчасъ пошли къ Французскому стану (3 Февр.). При первой вѣсти объ ихъ приближеніи, Францискъ созвалъ военный совѣтъ. Всѣ самые опытные военачальники единодушно предложили отступить и уклониться отъ сраженія съ непріятелемъ, искавшимъ его съ отчаянія. Вожди Императорскіе, замѣтили они, или принуждены будутъ черезъ нѣсколько недѣль распустить войско, которое имъ нечѣмъ содержать и которое служитъ имъ, только надѣясь на добычу; или само оно, раздраженное пустыми обѣщаніями, подниметъ страшный бунтъ и заставитъ своихъ начальниковъ думать только о личной безопасности, между тѣмъ какъ Король, занявъ крѣпкое мѣсто и дожидаясь спокойно прихода свѣжихъ войскъ изъ Франціи и Швейцаріи, до исхода весны легко овладѣетъ всѣмъ Миланскимъ Герцогствомъ, даже безъ кровопролитія. Но въ противность имъ, Бонниве, которому суждено было во всю эту войну давать совѣты, гибельные для Франціи, представлялъ, какой позоръ постигнетъ ихъ Государя, если онъ оставитъ осаду, столько времени продолжаемую, или обратитъ тылъ непріятелю, котораго онъ сильнѣе, и настаивалъ, что лучше сразиться съ Имперцами, нежели бросить предпріятіе, заключавшее

---

(1) Eryci Peuteani Hist. Cisalpina, ap. Graevii Thes. Antiquit. Ital. III, p. 1170, 1179.

будущую славу Короля въ своемъ успѣхѣ. Къ несчастію, понятія Франциска о чести были утонченны до странности. Онъ говорилъ часто, что возметъ Павію, или погибнетъ, и, почитая себя обязаннымъ сдержать свое слово, хотѣлъ лучше пренебречь всѣ вѣрныя выгоды отступа и ждать непріятеля предъ стѣнами Павіи, нежели подвергнуться хотя малѣйшему нареканію (1).

Императорскіе полководцы, увидѣвъ крѣпость Французскаго стана, долго колебались подступить къ нему, не смотря на сильныя причины къ нападенію; наконецъ крайность осажденныхъ и ропотъ собственнаго ихъ войска принудили ихъ на все отважиться (24 Февр.). Никогда не встрѣчались двѣ рати съ бо́льшею яростію и съ такимъ высокимъ мнѣніемъ о важности боя, въ который имъ надлежало вступить; никогда воины не бывали сильнѣе одушевлены соревнованіемъ, народною непріязнію, взаимною злобою и всѣми страстями, происходящими отъ упорной храбрости. Съ одной стороны, смѣлый, юный Государь, начальствуя подданными, природная пылкость которыхъ увеличилась отъ гнѣва на встрѣченное сопротивленіе, сражался за побѣду и честь; съ другой стороны, войска, лучше обученныя и имѣвшія болѣе искусныхъ полководцевъ, дрались по необходимости, съ храбростію, возвышенною отчаяніемъ. Имперцы не могли устоять противъ перваго натиска Французовъ, и самые твердые ряды ихъ начали подвигаться назадъ. Но счастіе вдругъ перемѣнилось. Швейцарцы во Французской службѣ, забывъ свою вѣрность и воинскую славу, оставили свое мѣсто,

---

(1) Guic. l. XV, 291.

какъ трусы. Лейва съ гарнизономъ сдѣлалъ вылазку, и въ самомъ жару сраженія напалъ на арьергардъ Французовъ съ такою яростію, что совершенно разстроилъ его; а Пескара, съ Императорскими всадниками, между которыми весьма благоразумно помѣстилъ большое число Испанскихъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ пищалями, устремился на непріятельскую конницу и опрокинулъ это страшное войско необыкновеннымъ и нечаяннымъ своимъ нападеніемъ. Французы были совершенно разбиты, и сѣча вездѣ почти прекратилась, кромѣ того мѣста, гдѣ самъ Король сражался уже не за побѣду, но за свою безопасность. Хотя онъ получилъ нѣсколько ранъ, хотя подъ нимъ убили лошадь, однако онъ защищался стоя, съ геройскимъ мужествомъ. Многіе изъ храбрѣйшихъ дворянъ, окруживъ Короля и стараясь спасти его жизнь, жертвуя своею, пали у ногъ его. Между ими былъ Бонниве, виновникъ этого бѣдствія, который одинъ только умеръ, не заслуживъ сожалѣнія. Францискъ, изнуренный усталостію и уже неспособный болѣе сопротивляться, остался почти одинъ, подвергаясь бѣшенству Испанскихъ воиновъ, незнавшихъ его сана и раздраженныхъ его упорствомъ. Въ это время подоспѣлъ Помперанъ, дворянинъ Французскій, вмѣстѣ съ Бурбономъ вступившій въ службу къ Императору; ставъ подлѣ Государя, которому измѣнилъ, онъ помогалъ ему отражать свирѣпыхъ Испанцевъ, склоняя его между тѣмъ сдаться Бурбону, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи. Какъ ни велика была опасность, угрожавшая Франциску, но онъ ужаснулся одной мысли о поступкѣ, который доставилъ бы торжество вѣроломному его подданному, и, подозвавъ Ланноя, ѣхавшаго

случайнымъ образомъ близко, отдалъ ему свой мечь. Вицекороль Неаполитанскій принялъ его съ глубокимъ почтеніемъ, преклонивъ колѣно и поцѣловавъ руку Франциска, и тотчасъ же предложилъ ему свой собственный, говоря, что такой великій Монархъ не долженъ оставаться обезоруженнымъ передъ подданнымъ Императора (1).

Десять тысячь пало въ этотъ день, одинъ изъ самыхъ гибельныхъ для Франціи. Между ими находилось большое число знатнѣйшихъ дворянъ, которые предпочли смерть постыдному бѣгству Многіе попались въ плѣнъ; изъ числа ихъ, всѣхъ знаменитѣе былъ Генрихъ д'Альбертъ, несчастный Король Наварскій. Незначительная часть арьергарда спаслась подъ предводительствомъ Герцога Алансонскаго. Слабый гарнизонъ Миланскій, при первомъ слухѣ о пораженіи, ушелъ по другой дорогѣ, не будучи преслѣдуемъ, и черезъ двѣ недѣли послѣ битвы, ни одного Француза не осталось въ Италіи.

Хотя Ланной оказывалъ Франциску всѣ наружные знаки почтенія, должнаго сану Государя, однако же смотрѣлъ за нимъ неусыпно. Онъ старался не только лишить его всякой возможности къ побѣгу, но и не дать своему войску овладѣть имъ, какъ вѣрнѣйшею порукою въ уплатѣ жалованья. Желая отвратить обѣ эти опасности, онъ на другой же день послѣ сраженія перевезъ Франциска въ Пиццикитоне, крѣпкій замокъ близъ Кремоны, поручивъ надзоръ за нимъ Дону Фердинанду Аларкону, одному изъ предводителей Испанской пѣхоты, воину, отличному

---

(1) Guic. l. XV, 292. Oeuv. de Brant. VI, 355. Mém. de Bellay, p. 90. Sandov. Hist. I, 638 etc. P. Mart. Ep. 805, 810. Ruscelli Let. de Principi, II, p. 70. Ulloa Vita dell Carlos V, p. 98.

по своей храбрости и строгой чести, но въ тоже время извѣстному суровою и неусыпною бдительностію, которой требовала оказанная ему довѣренность.

Между тѣмъ Франциск, судившій объ Императорѣ по самому себѣ, чрезвычайно желалъ, чтобы онъ былъ скорѣе увѣдомленъ о случившемся, надѣясь, что Карлъ изъ великодушія, или изъ участія немедленно облегчитъ его участь. Императорскіе полководцы съ такимъ же нетерпѣніемъ спѣшили донести своему Государю объ одержанной ими рѣшительной побѣдѣ и получить отъ него повелѣнія, какъ дѣйствовать далѣе. Самый вѣрный и скорый способъ доставить въ то время года извѣстіе въ Испанію былъ по сухому пути, и Франциск далъ пропускной листъ для проѣзда черезъ Францію коммендадору Пенналозѣ, котораго Ланной послалъ съ своими донесеніями.

Карлъ получилъ увѣдомленіе (10 Март.) о славномъ и неожиданномъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ его оружіе, съ скромностію, которая принесла бы ему болѣе чести, нежели самая знаменитая побѣда, еслибъ была чистосердечна. Не сказавъ ничего, что выражало бы восхищеніе, или неумѣренную радость, онъ немедленно удалился въ свою домовую церковь и, проведя цѣлый часъ въ благодарственномъ молебствіи, возвратился въ пріемную, куда собрались, между тѣмъ, вельможи и иностранные посланники для поздравленія. Онъ принималъ привѣтствія ихъ спокойно, безъ тщеславія, сожалѣлъ о злополучіи плѣннаго Короля, какъ о разительномъ примѣрѣ превратности счастія, которой подвержены и самые могущественные Государи; запретилъ народныя торжества, сказавъ, что они не приличны въ войну между Христіанами, и что онъ отлагаетъ ихъ до того

времени, когда одержитъ надъ Невѣрными такую же блистательную побѣду, и, казалось, радовался своему успѣху по тому только, что онъ доставлялъ ему случай возстановить миръ въ Христіанствѣ (1).

Но въ умѣ своемъ Карлъ уже началъ составлять замыслы, совершенно несоотвѣтственные этому внѣшнему изъявленію чувствъ. Властолюбіе было господствующею его страстію, а побѣда при Павіи, возбудивъ въ немъ множество новыхъ и неограниченныхъ надеждъ удовлетворить ее, сообщила ей силу непреодолимую. Но такъ какъ не легко было совершить придуманныя исполинскія предпріятія, то Императоръ призналъ необходимымъ, до принятія мѣръ, нужныхъ для этого, показывать величайшую умѣренность, и подъ ея личиною скрыть настоящія свои намѣренія отъ прочихъ Государей Европы.

Между тѣмъ по Франціи распространилось смятеніе. Самъ Король черезъ Пенналозу сообщилъ матери своей раннюю вѣсть о пораженіи при Павіи, написавъ къ ней только пять словъ: „Государыня, все потеряно, кромѣ чести." Оставшіеся въ живыхъ, возвратясь изъ Италіи, разсказали такія печальныя подробности, которыя дали всему народу почувствовать, какъ велико было бѣдствіе, постигшее его. Франція безъ Государя, безъ денегъ въ казнѣ, безъ войска, безъ полководцевъ, и со всѣхъ сторонъ окруженная побѣдоноснымъ и дѣятельнымъ непріятелемъ, повидимому, колебалась на самомъ краю погибели; но въ этомъ случаѣ отличныя способности Правительницы Луизы спасли Королевство, которое

(1) Sandov. Hist. I, 641. Ulloa Vita dell Carlos V, p. 110.

пылкія страсти ея не разъ подвергали величайшей опасности. Не предаваясь сѣтованію, свойственному нѣжной матери, она обнаружила всю предусмотрительность и дѣятельность глубокаго политика. Созвавши дворянъ въ Ліонъ, она собственнымъ примѣромъ и словами одушевила ихъ такою ревностію къ защитѣ отечества, какой требовало тогдашнее его положеніе; собрала остатки рати, служившей въ Италіи; выкупила плѣнныхъ; заплатила воинамъ должное жалованье и привела ихъ въ состояніе снова идти на войну; сдѣлала новый наборъ; обезопасила границы и достала денегъ на всѣ эти чрезвычайныя издержки. Главная же забота ея состояла въ томъ, чтобы смягчить Англійскаго Короля и пріобрѣсти его дружбу, и въ самомъ дѣлѣ, изъ Британніи блеснулъ на Францію первый лучь утѣшенія.

Хотя Генрихъ, вступая въ союзы съ Карломъ и Францискомъ, рѣдко слѣдовалъ правильнымъ, обдуманнымъ мѣрамъ политики, но дѣйствовалъ болѣе по вліянію временныхъ страстей своихъ; однако случались обстоятельства, обращавшія его вниманіе на равновѣсіе въ могуществѣ, которое необходимо было поддерживать между двумя соперничествующими Государями и сохраненіемъ котораго онъ всегда хвалился, какъ особеннымъ своимъ долгомъ. Генрихъ надѣялся, что союзъ съ Императоромъ доставитъ ему случай возвратить часть земель, принадлежавшихъ предкамъ его во Франціи, и для успѣха въ этомъ дѣлѣ не совѣстился помогать Карлу взять верхъ надъ Францискомъ. Но ему никогда не представлялось и въ сновидѣніяхъ такого рѣшительнаго и пагубнаго событія, какъ побѣда при Павіи, которая, казалось, не только сокрушила, но даже уничтожила могущество одного изъ сопер-

никовъ, и Генрихъ, ожидая внезапнаго и совершеннаго переворота въ системѣ государственной, исполнился самыхъ безпокойныхъ опасеній. Онъ видѣлъ всю Европу въ опасности отъ гордыхъ замысловъ Государя, уже неимѣвшаго преградъ своему властолюбію, и хотя былъ въ правѣ, такъ какъ союзникъ, требовать себѣ доли изъ Державы Франциска, но, безъ всякой соразмѣрности уступая Императору въ могуществѣ, чувствовалъ свою зависимость отъ него въ отношеніи къ раздѣлу. Онъ зналъ, при томъ, что Карлъ, присоединивъ значительную часть земли плѣннаго Монарха къ своимъ владѣніямъ, сосѣдствомъ будетъ гораздо опаснѣе для Британніи, нежели Короли Французскіе, а могуществомъ совершенно нарушитъ равновѣсіе на твердой землѣ, отъ котораго Англія заимствовала свою безопасность и вліяніе. Сожалѣніе о судьбѣ злополучнаго Франциска прибавилось къ этимъ расчетамъ политическимъ; геройство его въ битвѣ при Павіи возбуждало высокое удивленіе, которое всегда увеличиваетъ участіе, и Генрихъ, отъ природы великодушный, горѣлъ желаніемъ явиться освободителемъ своего непріятеля изъ плѣна. Страсти Вольсея поддерживали расположеніе Англійскаго Короля. Вольсей, незабывшій, что Императоръ два раза сряду обманулъ его надежды, почиталъ настоящій случай самымъ удобнымъ къ отмщенію; и такъ какъ Луиза искала дружества Англіи съ лестною почтительностію, равно пріятною Королю и Кардиналу, то Генрихъ тайно увѣрилъ ее, что онъ не будетъ помогать угнетенію Франціи въ безпомощномъ ея состояніи, и обязалъ мать Франциска не соглашаться на раздробленіе Королевства, даже для свободы ея сына (1).

(1) Mém. de Bellay, 94. Guic. l. XVI. 318, Herbert.

Но связи съ Императоромъ принуждали Генриха къ внѣшнимъ приличіямъ. Онъ повелѣлъ быть въ своей землѣ народнымъ увеселеніямъ по случаю успѣха, увѣнчавшаго оружіе Карла, и какъ будто бы спѣша воспользоваться благопріятнымъ случаемъ къ разрушенію Французской Монархіи, отправилъ посланниковъ въ Мадритъ поздравить Императора съ побѣдою, напомнить ему свое право на участіе въ плодахъ ея и требовать, чтобы, по договору, Императоръ напалъ на Гіенну съ сильнымъ войскомъ и завоевалъ эту область для Англіи. Въ то же время Генрихъ предложилъ ему послать Принцессу Марію въ Испанію, или Нидерланды, гдѣ бы она воспитывалась подъ его руководствомъ до заключенія условленнаго брака; а, въ замѣну своей довѣренности, требовалъ себѣ выдачи Франциска, на основаніи той статьи Брюжскаго договора, которою они обязались выдавать другъ другу плѣнныхъ, смотря по тому, чьи права нарушали эти послѣдніе. Генрихъ не могъ надѣяться исполненія странныхъ своихъ требованій: оно было противно пользамъ Императора и не отъ него зависѣло. Но отказъ, предвидѣнный Королемъ Англійскимъ, доставлялъ ему желаемый благовидный предлогъ къ заключенію съ Франціею такихъ обязательствъ, какія нужны были по обстоятельствамъ того времени (1).

Всѣхъ болѣе безпокоила и ужасала побѣда при Павіи Италіянскія Государства. Равновѣсіе въ силахъ, на которомъ они основывали свою безопасность и поддержаніе котораго было постояннымъ предметомъ ихъ переговоровъ и утонченно-

---

(1) Herbert. p. 64.

стей, вдругъ уничтожилось. Они подвергались, по своему положенію, первымъ слѣдствіямъ грознаго могущества, пріобрѣтеннаго Карломъ. Они замѣтили уже многіе признаки неограниченнаго властолюбія въ этомъ юномъ Государѣ, и знали, что онъ, какъ Императоръ и Король Неаполитанскій, могъ не только устрашать ихъ опасными притязаніями, но даже завоевать съ большою легкостію: и потому они весьма заботливо разсуждали о средствахъ воздвигнуть силу, способную ему противиться (1). Но несогласныя совѣщанія ихъ ни къ чему не послужили. Климентъ, испуганный угрозами Ланноя, или обольщенный его обѣщаніями, вмѣсто того, чтобы слѣдовать мѣрамъ, которыя онъ условился принять для обезпеченія независимости Италіи, заключилъ отдѣльный договоръ съ Вицекоролемъ Неаполитанскимъ (1 Апр.), обязавшись выдать впередъ значительное количество денегъ за нѣкоторыя сулимыя выгоды. Деньги были тотчасъ же уплачены, а договора Карлъ не утвердилъ, и Папа подвергся вмѣстѣ безславію и посмѣянію: первому за то, что онъ отсталъ отъ общаго дѣла изъ частной своей пользы, второму же за то, что остался въ накладѣ отъ своего недостойнаго поступка (2).

Какъ ни безчестна была хитрость, посредствомъ которой выманили деньги у Папы, однакожъ онѣ весьма кстати пригодились Вицекоролю и помогли ему избавиться отъ великой опасности. Вскорѣ по разбитіи рати Французской,

(1) Guic, l. XVI, 300. Ruscelli Lettere de Princ. II, 74, 76 etc. Thuan. Hist. l. I, c. 11.

(2) Guic. l. XVI, 305. Mauroceni Histor. Venet. ap. Istorichi dell cose Venez. V. 121, 136.

Нѣмцы, защищавшіе Павію съ такимъ доблестнымъ мужествомъ и твердостію, возгордились своею славою, не хотѣли долѣе вѣрить безплоднымъ обѣщаніямъ, которыми такъ часто проводили ихъ, и, овладѣвъ городомъ, рѣшились удержать его въ залогъ уплаты жалованья; остальное же войско обнаруживало гораздо болѣе охоты помочь бунтовщикамъ, нежели наказать ихъ. Раздѣливъ между всѣми деньги, взятыя у Папы, Ланной усмирилъ мятежныхъ Нѣмцевъ. Но не имѣя надежды постоянно платить имъ въ будущее время, и непрестанно опасаясь, чтобы они не захватили въ свои руки плѣннаго Короля, онъ вскорѣ принужденъ былъ распустить всѣхъ Нѣмцевъ и Итальянцевъ, находившихся въ Императорской службѣ (1). Такимъ образомъ, по обстоятельству, которое теперь кажется весьма страннымъ, но въ шестнадцатомъ столѣтіи очень естественно происходило отъ устройства бóльшей части Государствъ Европейскихъ, именно: по ограниченности доходовъ, Императоръ, подозрѣваемый своими сосѣдями въ стремленіи къ всемірному владычеству и дѣйствительно затѣвавшій похожія на это обширныя предпріятія, не могъ содержать побѣдоноснаго своего войска, хотя оно не превышало двадцати-четырехъ тысячь человѣкъ.

Между тѣмъ, забывъ свою умѣренность и безкорыстіе, онъ весьма внимательно обдумывалъ, какъ ему извлечь сколько можно болѣе выгодъ изъ несчастія своего противника. Нѣкоторые совѣтники внушали ему быть великодушнымъ побѣдителемъ, не предлагать Франциску суровыхъ обязательствъ, но отпустить его на

---

(1) Guic. l. XVI, p. 302.

справедливыхъ условіяхъ, за которыя бы онъ навсегда привязался къ нему узами благодарности и пріязни, болѣе крѣпкими, нежели всѣ вынужденныя клятвы и невольныя обѣщанія. Но такое благородство едва ли можно имѣть въ дѣлахъ государственныхъ, а для Карла оно было слишкомъ утонченно. Большая часть совѣтниковъ подала мнѣніе не столько возвышенное, но болѣе существенное и согласное съ духомъ Императора: воспользоваться самымъ выгоднымъ образомъ бѣдствіемъ Франциска. Но хотя Карлъ рѣшился на эту мѣру, однако привелъ ее въ исполненіе, кажется, не такъ, какъ слѣдовало. Вмѣсто того, чтобы нагрянуть на Францію со всѣми силами Испаніи и Нидерландовъ; вмѣсто того, чтобы подавить Итальянскія Государства, пока они еще не опомнились отъ ужаса, наведеннаго побѣдоносным его оружіемъ, — онъ прибѣгнулъ къ проискамъ и переговорамъ. Это сдѣлалось частію по необходимости: состояніе казны не позволило Императору снарядить чрезвычайной вооруженной силы, — частію же по тому, что онъ самъ принялъ военачальство, которое до того времени поручалъ своимъ полководцамъ, и, болѣе довѣряя средствамъ, хорошо ему извѣстнымъ, не любилъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сверхъ того, Карлъ приписывалъ уже слишкомъ много вліянія побѣдѣ при Павіи, какъ будто бы она уничтожила могущество Франціи, истощила всѣ ея пособія и подвергла ее вмѣстѣ съ Королемъ полной его власти.

Въ этихъ мысляхъ, Императоръ рѣшился положить самую высокую цѣну за свободу Франциска, и послалъ къ нему отъ своего имени Графа де Рё требовать, чтобы онъ возвратилъ Бургундію, какъ наслѣдіе Австрійскаго Дома, уступилъ

Провансъ и Дофине Коннетаблю Бурбону въ независимое Королевство, вполнѣ удовлетворилъ Англійскаго Короля во всѣхъ его требованіяхъ, и наконецъ, отрекся отъ притязаній на Неаполь, Миланъ и всѣ другія Итальянскія земли. Францискъ, ожидавшій отъ Императора благородства, приличнаго въ обращеніи между великими Государями, услышавъ эти жестокія условія, до того увлекся негодованіемъ, что, выхвативъ кинжалъ свой, вскричалъ: „Лучше вотъ такъ умереть Королю." Испуганный Аларконъ удержалъ его за руку; но хотя Францискъ тотчасъ же нѣсколько успокоился, однако объявилъ самымъ торжественнымъ образомъ, что онъ лучше пробудетъ цѣлую жизнь плѣнникомъ, нежели искупитъ свободу свою позорными уступками (1).

Это роковое открытіе намѣреній Императора увеличило уныніе Франциска и довело бы его до отчаянія, еслибъ онъ не остановился на одной мысли, нѣсколько утѣшившей его. Онъ увѣрялъ себя, что условія, которыя предложилъ ему Ре, были назначены не самимъ Императоромъ, но суровою политикою Испанскихъ министровъ, и надѣялся въ одно личное свиданіе съ Карломъ сдѣлать болѣе для скорѣйшаго своего освобожденія, нежели въ продолжительные переговоры съ подчиненными лицами. Въ этихъ мысляхъ, происходившихъ слишкомъ отъ благопріятнаго мнѣнія о нравѣ Императора, Францискъ изъявилъ желаніе отправиться въ Испанію, на позорище надмѣнному ея народу. Ланной употреблялъ все свое искусство, чтобы утвердить Короля въ этомъ намѣреніи, и тайно согласился съ нимъ,

(1) Mém. de Bellay, 94. Ferreras Hist. IX, 43.

какъ его исполнить. Францискъ, спѣша воспользоваться случаемъ, который, казалось, сулилъ ему свободу, самъ доставилъ галеры для путешествія, потому что Карлъ не могъ въ то время снарядить никакой эскадры. Ланной, не сообщая своего умысла ни Бурбону, ни Пескарѣ, повезъ плѣнника въ Генуую, подъ предлогомъ, что переправитъ его моремъ въ Неаполь. Вскорѣ по отплытіи, онъ велѣлъ кормчимъ направить путь прямо въ Испанію; но вѣтеръ пригналъ ихъ близко къ берегамъ Французскимъ, и несчастный Монархъ, видя передъ собою свою землю, бросалъ на нее страстные и горестные взгляды. Однакожъ черезъ нѣсколько дней галеры пристали къ Барцелонѣ (24 Авг.), и вскорѣ потомъ Францискъ, по повелѣнію Императора, былъ перевезенъ въ Алькзаръ Мадритскій подъ надзоромъ бдительнаго Аларкона, который стерегъ его съ прежнею осторожностію (1).

Спустя нѣсколько дней по прибытіи Франциска въ столицу, когда онъ сталъ уже чувствовать, что безъ всякаго основанія полагался на великодушіе Императора, Генрихъ VIII заключилъ договоръ съ Правительницею Франціи, доставившій плѣннику новую надежду на свободу. Странныя требованія Генриха были приняты въ Мадритѣ съ такимъ небреженіемъ, какого они заслуживали, и какого онъ, вѣроятно, ожидалъ. Карлъ, упоенный счастіемъ, пересталъ оказывать Англійскому Королю почтеніе и услужливость, пріятныя его самолюбію. Вольсей, не уступавшій своему Государю въ надмѣнности, былъ чрезвычайно раздраженъ, что Императоръ уже не изъ-

(1) Mém. de Bellay, 95. P. Mart. Ep. ult. Guic. l. XIV, 323.

являлъ ему прежняго ласкательства и дружбы. Эти легкія неудовольствія, присоединясь къ важнымъ соображеніямъ, выше упомянутымъ, побудили Генриха заключить съ Луизою оборонительный договоръ, которымъ онъ, уладивъ свои дѣла съ Францискомъ, обязался употребить всѣ силы для освобожденія его изъ плѣна (1).

Между тѣмъ какъ разрывъ съ такимъ могущественнымъ Государемъ сильно безпокоилъ Карла, въ Италіи составлялся тайный заговоръ, слѣдствія котораго угрожали Императору еще бо́льшею опасностію. Виновникомъ его былъ неугомонный и пронырливый Моронѐ. Мщеніе Канцлера Миланскаго вполнѣ удовлетворилось изгнаніемъ Французовъ изъ Италіи, а тщеславіе — возвращеніемъ Миланскаго Герцожства Сфорсѣ, котораго онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ. Однако отлагательства и увертки Императорскаго Двора дать Сфорсѣ вводную грамоту на земли, снова имъ пріобрѣтенныя, давно тревожили Моронѐ, и повторялись такъ часто и съ такою явною умышленностію, что онъ подозрѣвалъ въ нихъ очевидное доказательство воли Императора отнять у Герцога богатую страну, для него завоеванную. Хотя Карлъ, желая успокоить Папу и Венеціянъ, которые опасались его намѣреній не менѣе самаго Моронѐ, далъ наконецъ Сфорсѣ вводную грамоту, но она была написана съ большими стѣсненіями и подвергала его многимъ оскорбительнымъ обязанностямъ. Герцогъ Миланскій выходилъ уже не вассалъ Имперіи, а слуга Императора, и, кромѣ доброй воли его, не имѣлъ почти никакого обезпеченія въ

(1) Herbert. Fiddes's Life of Wolsey, 337.

своемъ господствѣ. Моронè почиталъ присоединеніе Миланскаго Герцожства къ Неаполитанскому Королевству равно гибельнымъ и для независимости Италіи и для того вліянія, которымъ онъ пользовался. Исполненный этою мыслію, онъ началъ искать средствъ въ умѣ своемъ къ избавленію Италіи отъ ига чужеземцевъ, — предпріятіе дерзкое, какъ уже замѣтили тогда Итальянскіе политики, но его исполненіе составляло главную цѣль ихъ честолюбія. Моронè думалъ, что ничего не доставало бы для полной его славы, если бы онъ — главный виновникъ изгнанія Французовъ изъ Милана — освободилъ еще Неаполь отъ Испанскаго владычества. Изобрѣтательный геній скоро внушилъ ему средство, какъ успѣть въ этомъ подвигѣ, средство, конечно трудное и дерзкое, но тѣмъ болѣе пріятное смѣлому и предпріимчивому его духу.

Бурбонъ и Пескара пылали равнымъ гнѣвомъ на Ланноя за увозъ Французскаго Короля въ Испанію безъ ихъ вѣдома. Первый, боясь, чтобы оба Государя, въ его отсутствіе, не заключили мира, пожертвовавъ его выгодами, поспѣшилъ въ Мадритъ для предупрежденія этой опасности. Послѣдній, какъ главный предводитель войска, долженъ былъ остаться въ Италіи; но въ каждой бесѣдѣ онъ давалъ волю своему негодованію противъ Вице-Короля, всегда отзывался объ немъ съ злобною колкостію и презрѣніемъ, и писалъ къ Императору, что Ланной не только не способствовалъ побѣдѣ при Павіи ни храбростію, ни благоразуміемъ, но даже былъ малодушенъ во время опасности; этого мало: Пескара не удерживался отъ оскорбительныхъ жалобъ на самаго Императора и говорилъ съ дерзкимъ ропотомъ, что

Карлъ не довольно цѣнитъ его заслуги и не награждаетъ ихъ по достоинству. На этомъ-то неудовольствіи Маркиза Моронѐ основалъ весь свой замыслъ. Онъ зналъ неограниченное честолюбіе и великія дарованія Пескары, какъ полководца и мужа государственнаго, зналъ и отважный духъ его, способный на самыя отчаянныя предпріятія. Постой Испанскихъ войскъ на границѣ Миланскаго Герцожства давалъ случай къ частымъ свиданіямъ между Пескарою и Моронѐ, при которыхъ Канцлеръ Миланскій всегда старался обращать разговоръ на послѣдствія Павійской битвы, самый занимательный предметъ бесѣды для Маркиза, — и, замѣтивъ, что гнѣвъ его при всякомъ случаѣ бывалъ одинаково силенъ, искусно выставлялъ каждое обстоятельство, способное разжечь эту страсть. Онъ изображалъ рѣзкими чертами неразборчивость и неблагодарность Карла, который оказывалъ предпочтеніе Ланною и позволялъ этому кичливому Фламанцу располагать плѣннымъ Королемъ безъ совѣтовъ съ тѣмъ, чьи воинскія доблести и мудрость доставили Императору славу имѣть грознаго соперника въ своей власти. Разгорячивъ Пескару, Моронѐ началъ внушать ему, что настало время отмстить за эти оскорбленія и пріобрѣсть безсмертіе, освободивъ отечество отъ угнетенія чужеземцевъ; что Итальянскія Государства, гнушаясь позорнымъ и тяжкимъ владычествомъ варваровъ, готовы были соединенными силами возвратить свою независимость; что они взирали на него, какъ на единственнаго вождя, геній и счастіе котораго ручались имъ за успѣхъ этого благороднаго подвига; что исполненіе его было равно легко и славно; что стоило только размѣстить по деревнямъ Миланскаго Герцожства Испанскую

пѣхоту, составлявшую все Императорское войско въ Италіи, — и народъ, страдавшій отъ ея поборовъ и наглости, въ одну же ночь истребитъ ее; что Пескарѣ тогда можно будетъ безъ сопротивленія овладѣть Неаполитанскимъ престоломъ, какъ мужу, рожденному царствовать и достойному этой чести за освобожденіе Италіи; что Папа, отъ котораго зависѣло Королевство Неаполитанское, и предшественники котораго часто располагали имъ, охотно дастъ ему вводную грамоту; что Венеціяне, Флорентинцы и Герцогъ Миланскій, знающіе весь этотъ замыслъ, будутъ вмѣстѣ съ Французами защищать права Маркиза; что Неаполитанцы естественнымъ образомъ предпочтутъ правленіе своего соотечественника, снискавшаго любовь ихъ и удивленіе, ненавистному господству чужеземцевъ, долго ихъ угнетавшему, и что Императоръ, пораженный такимъ неожиданнымъ ударомъ, не будетъ имѣть ни войска, ни денегъ для сопротивленія могуществу союзниковъ (1).

Пескара, изумленный смѣлостію и обширностію замысла, внимательно слушалъ Мороне, но съ видомъ человѣка, погруженнаго въ глубокую и тяжкую думу. Съ одной стороны ужасало его безславіе измѣнить своему Государю, у котораго онъ былъ первымъ полководцемъ; съ другой, манила его надежда получить корону. Послѣ кратковременной нерѣшимости, превозмогли причины, наименѣе похвальныя, какъ обыкновенно случается въ такихъ размышленіяхъ, и честолюбіе вос-

(1) Guic. l. XVI, 325. Jovii Vita Davali, p. 417. Oeuv. de Brantome, IV, 171. Ruscelli Lett. de Princ. II, 91. Thuani Hist. lib. I. c. 11. P. Heuter. Rer. Austr. lib. IX, c. 3, p. 207.

торжествовало надъ честію. Однако, желая прикрыть свой поступокъ видомъ приличія, Пескара требовалъ отъ ученыхъ законовѣдцевъ мнѣнія: „въ правѣ ли подданный возстать противъ своего непосредственнаго Государя, повинуясь верховному владѣтелю, отъ котораго зависитъ самое Государство?" Духовные и свѣтскіе законоискусники, какъ Римскіе такъ и Миланскіе, скоро разрѣшили вопросъ его, какъ онъ желалъ; переговоры приходили къ концу, и, казалось, принимаемы были дѣятельныя мѣры къ скорому исполненію предпріятія.

Между тѣмъ Пескара, стыдясь ли измѣны, или отчаяваясь въ успѣхѣ, задумалъ отступить отъ своихъ обязательствъ. Къ этому же времени занемогъ Сфорса, и болѣзнь его, почитаемая смертельною, утвердила Маркиза въ принятомъ намѣреніи; онъ рѣшился донести объ заговорѣ, полагая, что благоразумнѣе надѣяться Миланскаго Герцожства отъ Императора въ награду за свое открытіе, нежели домогаться Королевства посредствомъ преступленій. Однако эта рѣшимость была источникомъ поступковъ, едва ли менѣе гнусныхъ. Императоръ, уже получившій полное увѣдомленіе о заговорѣ изъ другихъ рукъ, показалъ видъ, что весьма доволенъ вѣрностію Пескары и велѣлъ ему продолжать еще нѣсколько времени связи съ Папою и Сфорсою для лучшаго открытія ихъ намѣреній и для обличенія ихъ въ зломъ умыслѣ съ бо́льшею достовѣрностію. Пескара, сознавая вину свою и чувствуя, какъ подозрительно должно было показаться въ Мадритѣ долговременное его молчаніе, не смѣлъ уклониться отъ этой безчестной службы, и, къ вѣчному своему позору, принужденъ былъ играть самое подлое лице хитреца и предателя. Судя по

способностямъ людей, съ которыми ему надлежало имѣть дѣло, должность его была почти столько же трудна, сколько и унизительна; но онъ дѣйствовалъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ: онъ обманулъ даже проницательные глаза Моронѐ, и Канцлеръ Миланскій, полагаясь съ полною довѣренностію на чистосердечіе Маркиза, посѣтилъ его въ Новарѣ, для окончательныхъ распоряженій по заговору. Пескара принялъ его въ комнатѣ, въ которой за обоями поставилъ Антонія де Лейву, чтобы онъ, слыша разговоръ, былъ свидѣтелемъ. Когда Моронѐ хотѣлъ удалиться, то Лейва вдругъ вышелъ изъ-за обоевъ, и, къ величайшему его изумленію, взялъ его подъ стражу именемъ Императора. Онъ былъ отвезенъ въ Павійскій за̀мокъ; а Пескара, еще недавно соумышленникъ Канцлера, надѣялся допрашивать его въ качествѣ судьи. Императоръ не замедлилъ объявить, что Сфорса потерялъ всѣ права на Миланское Герцожство, вступивъ въ заговоръ противъ Государя, отъ котораго оно зависѣло, и велѣлъ Пескарѣ занять всѣ важныя мѣста въ этомъ владѣніи. Маркизъ поспѣшилъ исполнить его приказаніе, и не могъ взять только Кремонскаго и Миланскаго за̀мковъ, потому что злополучный Герцогъ рѣшился оборонять ихъ; однако они были осаждены Императорскими войсками (1).

Но хотя этотъ неудачный заговоръ, вмѣсто того, чтобы лишить Карла Италіянскихъ владѣній его, способствовалъ ихъ увеличенію; а Императоръ почиталъ необходимымъ заключить миръ съ Королемъ Французскимъ, не давая востать на себя всей Европѣ, которую

(1) Guic. l. XVI, 329. Jovii Hist. 319. Capella, lib. V, p. 200.

встревожилъ успѣхами своего оружія и явнымъ, неограниченнымъ властолюбіемъ. Францискъ все еще не видалъ отъ него ожидаемаго великодушія и даже приличнаго обращенія. Вмѣсто чувствъ, свойственныхъ великому Государю, Карлъ обнаруживалъ постыдную расчетливость, стараясь, кажется, своею жестокостію вынудить у плѣнника бо́льшую цѣну за выкупъ. Короля заключили въ старый за́мокъ, гдѣ суровость смотрителя увеличивала непріятность неусыпнаго надзора, и гдѣ позволяли ему лишь одно упражненіе — ѣздить на мулѣ, но и то подъ карауломъ конной стражи. Императоръ, какъ будто призываемый необходимостію присутствовать въ собраніи Чиновъ Государственныхъ, уѣхалъ жить въ Толедо, куда они были созваны, и нѣсколько недѣль не хотѣлъ посѣтить Франциска, не смотря на его неоднократныя, самыя убѣдительныя и покорныя просьбы о свиданіи. Такіе недостойные поступки произвели глубокое впечатлѣніе на гордаго Короля: онъ разлюбилъ обыкновенныя свои развлеченія; природная веселость нрава оставила его; онъ тосковалъ, томился и занемогъ опасною горячкою. Въ бреду, онъ непрестанно жаловался, что съ нимъ обращались жестоко, не по́-царски, противъ всѣхъ его ожиданій, и часто повторялъ, что Императоръ скоро будетъ имѣть удовольствіе узнать о смерти своего плѣнника, не удостоивъ ни разу взглянуть на него. Наконецъ врачи отчаялись въ его жизни и донесли Карлу о безнадежности спасти Французскаго Короля, если онъ не будетъ удовлетворенъ въ своемъ желаніи. Карлъ, дороживші жизнію, съ которою сопряжены были всѣ выгоды отъ побѣды при Павіи, немедленно собралъ своихъ министровъ и требовалъ у нихъ совѣта. Напрасно Канц-

леръ Гаттинара, умнѣйшій между ими, представлялъ ему неприличіе посѣтить Франциска, безъ намѣренія тотчасъ же дать ему свободу на справедливыхъ условіяхъ; напрасно говорилъ онъ и о безславіи, которому Императоръ подвергнетъ себя, если корыстные расчеты побудятъ его оказать плѣнному Государю то сострадание, о которомъ человѣколюбіе и великодушіе ходатайствовали такъ долго и безуспѣшно. Императоръ, не имѣя разборчивости своего министра, или меньше его заботясь о добромъ имени, отправился въ Мадритъ посѣтить плѣнника (28 Сент.). Свиданіе было кратковременно, потому что Францискъ, по слабости своей, не могъ вынести продолжительнаго разговора. Рѣчи Карла были исполнены дружескаго участія, почтенія и такихъ лестныхъ обѣщаній, которыя принесли бы ему великую честь, если бы проистекали изъ другаго источника. Францискъ слушалъ ихъ съ легковѣріемъ, естественнымъ въ его положеніи, и утѣшаемый свѣтомъ надежды, началъ съ этого времени оживать и скоро выздоровѣлъ (1).

Не долго спустя, онъ узналъ съ прискорбіемъ и досадою, что довѣренность его къ Императору не была основательнѣе, чѣмъ прежде. Карлъ тотчасъ же возвратился въ Толедо; всѣ переговоры пошли опять черезъ министровъ, и Франциска стали стеречь съ прежнею строгостію. Новое оскорбленіе, и самое чувствительное, присоединилось ко всѣмъ уже претерпѣннымъ: въ Испанію прибылъ Бурбонъ, и Карлъ, такъ долго не хотѣвшій посѣтить Франциска, принялъ измѣнника, его подданнаго, съ самымъ

---

(1) Guic. l. XVI, 339. Sandov. Hist. I, 665.

высокимъ почтенiемъ. Онъ встрѣтилъ его за Толедскими воротами, обнялъ, какъ друга, и, посадивъ съ собою по лѣвую сторону, повезъ во дворецъ. Эти почести были жестокими обидами злополучному Королю, и только благородныя чувства Испанцевъ доставляли ему нѣкоторую отраду. Гордый народъ гнушался Бурбономъ за его преступленiе и не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ связей, не смотря на отличныя его способности и важныя заслуги. Даже, когда Карлъ просилъ Маркиза де Виллену, чтобы онъ пустилъ Бурбона жить въ домъ свой, пока Дворъ пробудетъ въ Толедо, то Маркизъ учтиво отвѣтилъ: „я не могу отказать моему Государю въ этой просьбѣ; но — прибавилъ онъ съ Кастильскимъ величiемъ духа — тотчасъ же по выѣздѣ Коннетабля сожгу домъ мой до основанiя: оскверненный присутствiемъ измѣнника, онъ не годится въ жилище честному человѣку (1).“

Не смотря на это, Императоръ, казалось, очень хотѣлъ наградить службу Коннетабля блистательнымъ образомъ. Но такъ какъ Бурбонъ прежде всего требовалъ, чтобы онъ, по договору, выдалъ за него сестру свою, Элеонору, вдовствующую Королеву Португальскую, высокiй бракъ съ которою былъ одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ его возстать противъ законнаго своего Государя; такъ какъ Францискъ, желая отвратить этотъ опасный для себя союзъ, предложилъ Элеонорѣ свою руку, еще бывши въ Италiи, и сама Королева обнаружила склонность лучше вступить въ супружество съ могущественнымъ Государемъ, нежели съ изгнаннымъ подданнымъ:

---

(1) Guic. l. XVI, 335.

то всѣ эти обстоятельства приводили Императора въ великое замѣшательство и почти не давали ему надежды выдти изъ него съ честію. Но тутъ весьма кстати случилась смерть Пескары, который, скончавшись тридцати-шести лѣтъ, оставилъ по себѣ славу одного изъ величайшихъ полководцевъ и искуснѣйшихъ политиковъ своего вѣка. Мѣсто главноначальствующаго войскомъ въ Италіи стало свободно, и Карлъ убѣдилъ Бурбона, не смѣвшаго противиться волѣ его, занять эту должность, и пожаловалъ ему еще Миланское Герцожство, отнятое у Сфорсы, съ тѣмъ однако, чтобы онъ оставилъ всѣ надежды на бракъ съ Королевою Португальскою (1).

Главнымъ препятствіемъ къ свободѣ Франциска было несогласіе его предварительно отдать Бургундію, которую Императоръ настойчиво требовалъ. Францискъ часто говорилъ, что онъ никогда не раздробитъ своего Королевства, и что если даже, совершенно забывъ обязанности Монарха, онъ рѣшится на это, то воля его не будетъ исполнена, какъ противная кореннымъ государственнымъ законамъ. Онъ изъявлялъ готовность уступить Императору всѣ свои притязанія на Италію и Нидерланды; обѣщалъ отдать Бурбону всѣ земли, взятыя у него въ казну; возобновилъ предложеніе вступить въ бракъ съ сестрою Императора, вдовствующею Королевою Португальскою, и обязывался заплатить за себя знатный выкупъ. Но между обоими Государями не было никакого взаимнаго уваженія и довѣренности: съ одной стороны, алчное властолюбіе хотѣло извлечь пользу изъ каждаго

(1) Sandov. Hist. I, 676. Oeuvr. de Brant. IV, 249.

благопріятнаго обстоятельства; съ другой, подозрительность и гнѣвъ бодрствовали, какъ неусыпные стражи; отъ того и не видѣлось никакой надежды, чтобы переговоры скоро окончились. Герцогиня Алансонская, сестра Франциска, которой Императоръ позволилъ навѣстить ея брата въ заключеніи, употребляла всѣ старанія доставить ему свободу на условіяхъ, болѣе умѣренныхъ; Король Англійскій, Генрихъ, посредничествовалъ съ этою же цѣлію; но оба они имѣли такъ мало успѣха, что Францискъ, въ отчаяніи, вдругъ принялъ намѣреніе уступить престолъ свой Дофину, рѣшаясь лучше окончить дни свои въ темницѣ, нежели искупить свободу уступками, недостойными Короля. Онъ подписалъ въ Мадритѣ съ законными обрядами грамоту отреченія, уполномочилъ сестру свою отвезть её во Францію и сообщить всѣмъ Парламентамъ Королевства, и въ то же время, извѣстивъ Императора о своей волѣ, просилъ его, чтобы онъ назначилъ ему мѣсто заключенія и опредѣлилъ надлежащую прислугу на остальное время жизни (1).

Эта рѣшимость Французскаго Короля имѣла сильное вліяніе. Карлъ почувствовалъ, что излишнею суровостію онъ разстроитъ собственныя свои мѣры и, вмѣсто важныхъ выгодъ за выкупъ могущественнаго Короля, будетъ имѣть въ своихъ рукахъ Государя безъ владѣній и доходовъ. Въ это время одинъ изъ вѣрныхъ служителей Короля Наварскаго, посредствомъ необыкновенныхъ усилій мужества и хитрости, доставилъ своему Государю случай убѣжать изъ темницы,

---

(1) Mémoires Historiques etc. par. M. l'Abbé Raynal, Tom. II, p. 151.

въ которой онъ содержался съ самой битвы при Павіи. Это происшествіе расположило Императора смягчить свои требованія: онъ убѣдился въ ненадежности самаго бдительнаго надзора и зналъ, что одинъ злой часъ могъ лишить его всѣхъ выгодъ, объ которыхъ онъ долго и неусыпно заботился. Съ другой стороны, нетерпѣливость Франциска въ заключеніи ежедневно возрастала; обрадованный вѣрнымъ извѣстіемъ о могущественномъ союзѣ противъ своего соперника въ Италіи, онъ сталъ сговорчивѣе въ отношеніи къ уступкамъ, предполагая возвратить отданное, какъ только получитъ свободу.

1526 г. — Имѣя такіе виды и чувства, оба Государя, четырнадцатаго Января тысяча пять сотъ двадцать шестаго года, подписали въ Мадритѣ договоръ, доставившій свободу Франциску. Статья о Бургундіи, служившая до тѣхъ поръ камнемъ преткновенія для мира, была улажена. Король обязался возвратить это Герцожство со всѣми его принадлежностями въ полное владѣніе Императору, а Карлъ согласился ждать отдачи, пока Францискъ прибудетъ въ свое Государство; въ обезпеченіе же этого условія, послѣдній обѣщалъ въ то самое время, какъ получитъ свободу, выдать заложниками Императору старшаго своего сына, Дофина, и втораго, Герцога Орлеанскаго, или, вмѣсто его, двѣнадцать знатнѣйшихъ дворянъ по назначенію Карла. Прочія многочисленныя статьи, хотя не такъ важныя, отличались своею жестокостію. Постановлено было, чтобы Францискъ отрекся отъ всѣхъ притязаній на Италію и отъ господства надъ Фландріею и Артуа; чтобы онъ, въ шесть недѣль со дня освобожденія своего, отдалъ назадъ

Бурбону и приверженцамъ его все ихъ имущество, движимое и недвижимое, вполнѣ вознаградивъ ихъ за убытки отъ описи его въ казну; чтобы не только не помогалъ Генриху д'Альберту въ его покушеніяхъ возвратить Навару, но даже убѣдилъ его оставить на нее всѣ притязанія; чтобы между Императоромъ и Францискомъ существовалъ вѣчный дружественный союзъ, и они помогали другъ другу въ случаѣ необходимости; чтобы Францискъ, для укрѣпленія союза, вступилъ въ бракъ съ сестрою Императора, вдовствующею Королевою Португальскою; чтобы онъ велѣлъ Государственнымъ Чинамъ Франціи утвердить всѣ эти статьи, а Парламентамъ внести ихъ въ свои протоколы; чтобы Императоръ, получивъ утвержденіе Мадритскаго договора, отпустилъ заложниковъ; чтобы, вмѣсто ихъ, выданъ былъ ему Герцогъ Ангулемскій, третій сынъ Короля, для воспитанія при Дворѣ Императорскомъ, въ знакъ и въ упроченіе дружбы между обоими Государями; наконецъ, чтобы Францискъ обѣщалъ честію и клятвою возвратиться въ Испанію и опять отдаться плѣнникомъ Императору, если въ опредѣленное время не исполнитъ всѣхъ условій этого договора (1).

По мнѣнію Карла, лестному для его самолюбія, онъ не только дѣйствительно унизилъ своего соперника Мадритскимъ договоромъ, но даже навсегда лишилъ его возможности опять достигнуть опаснаго могущества. Мысли объ этомъ умнѣйшихъ политиковъ были совершенно другія: Францискъ, думали они, получивъ свободу, не исполнитъ условій, которыя онъ отвер-

---

(1) Recueil des Traités, T. II, 112, Ulloa p. 102 etc.

галъ такъ долго, и на которыя даже среди ужасовъ плѣна нехотя согласился; побуждаемый гордостію и мщеніемъ, онъ, вѣроятно, нарушитъ жестокія обязательства, исторгнутыя силою, и найдетъ благовидные предлоги, чтобы представить очевидно выгодное необходимымъ и справедливымъ. Еслибъ тогда былъ извѣстенъ одинъ поступокъ Франциска, то это предложеніе основывалось бы уже не на правдоподобіи, а на достовѣрности. За нѣсколько часовъ до подписанія договора, онъ собралъ всѣхъ своихъ Министровъ, находившихся тогда въ Мадритѣ, взялъ съ нихъ клятву въ скромности и, подробно описавъ имъ жестокость и безчестныя хитрости, которыми Императоръ старался устрашить и обмануть его, вручилъ нотаріямъ написанный законнымъ порядкомъ протестъ, что соглашается на договоръ противъ воли, и потому считаетъ его недѣйствительнымъ (1). Посредствомъ этой незамысловатой выдумки, которую не оправдываетъ даже и предосудительное обращеніе Императора, Францискъ хотѣлъ успокоить честь и совѣсть свою, подписывая договоръ, и заготовить въ тоже время предлогъ къ его нарушенію.

Между тѣмъ наружно оба Государя оказывали большую любовь и довѣренность другъ къ другу: они не рѣдко бывали вмѣстѣ передъ народомъ, много разъ долго совѣщались наединѣ, и дѣлили свои удовольствія. Но среди изъявленій мира и дружбы, Императоръ не переставалъ питать подозрѣній въ умѣ своемъ и откладывалъ бракъ между Францискомъ и Коро-

(1) Recueil des Trait. T. II, p. 107.

левою Португальскою до присылки утвержденія Мадритскаго договора изъ Франціи, хотя уже совершены были всѣ предварительные свадебные обряды. Даже и въ это время Франциску не давали полной свободы: его ласкали какъ зятя, но стерегли, какъ плѣнника, и внимательные наблюдатели видѣли ясно, что союзъ, при самомъ началѣ котораго показывались признаки опасеній и недовѣрчивости, не могъ быть искреннимъ и продолжительнымъ (1).

Около мѣсяца спустя по заключеніи договора, пришло изъ Франціи утвержденіе его, подписанное Правительницею; но эта мудрая Государыня, предпочитая общее благо своему семейственному, увѣдомляла сына, что, вмѣсто двѣнадцати дворянъ, назначенныхъ въ договорѣ, она послала на границу Герцога Орлеанскаго вмѣстѣ съ братомъ его, Дофиномъ. „Отсутствіе дитяти — говорила она — безвредно для Королевства, между тѣмъ какъ оно останется почти безъ защиты, если будетъ лишено умнѣйшихъ мужей государственныхъ и опытнѣйшихъ военачальниковъ, весьма тонко избранныхъ Карломъ." Наконецъ Францискъ простился съ своимъ побѣдителемъ, не мѣшкая давъ ему новыя обѣщанія исполнить договоръ, которыхъ Императоръ требовалъ, тѣмъ болѣе не довѣряя чистосердечію Короля, чѣмъ ближе подходило время узнать, притворно оно, или искренно. Францискъ выѣхалъ изъ ужаснаго для него Мадрита съ радостію, естественною при полученіи свободы изъ плѣна, и направилъ путь къ своему Государству. Его сопровождала конная стража подъ начальствомъ Аларкона, который тѣмъ

(1) Guic. l. XVI, 353.

бдительнѣе стерегъ Короля, чѣмъ ближе становилась Французская граница. Когда онъ прибылъ къ рѣкѣ Андеѣ, раздѣляющей оба Королевства, то Лотрекъ явился на другой сторонѣ съ коннымъ отрядомъ, равнымъ въ числѣ Аларконову. Пустая барка стояла на якорѣ по срединѣ рѣки; отряды выстроились на противуположныхъ берегахъ; въ одно и тоже время Ланной и съ нимъ восьмеро дворянъ отчалили въ ботѣ отъ Испанскаго берега, а Лотрекъ и съ нимъ такое же число благородныхъ людей — отъ Французскаго. Между первыми былъ Король, между послѣдними находились Дофинъ и Герцогъ Орлеанскій. Боты подъѣхали къ пустой баркѣ; размѣнъ совершился въ ней въ одну минуту. Францискъ, обнявъ дѣтей, прыгнулъ въ судно къ Лотреку и присталъ къ Французскому берегу. Тотчасъ же сѣлъ онъ на Турецкаго коня; потрясая рукою надъ головой своей, воскликнулъ нѣсколько разъ громкимъ, радостнымъ голосомъ: „я еще Король!" и пустился во весь опоръ къ С. Жанъ де Люзу, а оттуда въ Байонну. Это событіе, столько же нетерпѣливо ожидаемое Французами, сколько и Королемъ ихъ, случилось осьмнадцатаго Марта, спустя годъ и двадцать два дня отъ гибельной битвы при Павіи (1).

Императоръ, простясь съ Францискомъ и отпустивъ его, скоро отправился въ Севиллу торжествовать бракъ свой съ Изабеллою, дочерью Эмануила, послѣдняго Короля Португальскаго, и сестрою преемника его, Іоанна III. Изабелла была необыкновенной красоты и имѣла рѣдкія качества ума и сердца. Выборъ супруги, близкой родственницы Державныхъ Домовъ обоихъ Королевствъ, чрезвычайно нравился подданнымъ ихъ и

(1) Sandov. Hist. I, 735. Guic. l. XVI, 355.

Кортесамъ Кастильскому и Арагонскому, которые убѣдительно просили своего Государя жениться. Португальцы, восхищенные тѣмъ, что ихъ Принцесса выходила за мужъ за перваго Монарха въ Христіанствѣ, дали за Изабеллою огромное приданое: до девяти сотъ тысячь кронъ—количество денегъ, весьма немаловажное для Императора въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ. Бракъ былъ празднованъ (12 Марта) съ великолѣпіемъ и веселостію. Карлъ жилъ съ Изабеллою въ совершенномъ согласіи и всегда оказывалъ ей высокое уваженіе (1).

Въ продолженіе этихъ происшествій Императору почти некогда было заняться дѣлами Германіи, хотя въ ней происходили смуты, грозившія ужасными послѣдствіями. Феодальныя учрежденія существовали еще въ Имперіи почти въ полной силѣ. Земельная собственность принадлежала Князьямъ и вольнымъ баронамъ. Вассалы зависѣли отъ нихъ на самыхъ строгихъ условіяхъ и имѣли права самыя ограниченныя; народъ же находился почти въ рабскомъ состояніи. Будучи обременяемъ тяжкими налогами и подвергаясь многимъ притѣсненіямъ, онъ сталъ бунтовать въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія. Унятіе мятежей стоило большаго труда и кровопролитія (2).

Однако эти неудачи болѣе смутили поселянъ, нежели усмирили ихъ. Въ 1526 году они снова взялись за оружіе. Бунтъ начался близъ Ульма,

---

(1) Ulloa Vita dell Carlos V, p. 106. Belcarius Com. Rer. Gallic. p. 565. Spalatinus ap. Struv. Corp. Hist. Germ. II, 1081.

(2) Seckend. l. II, p. 2, 6.

въ Швабіи. Чернь изъ смежныхъ деревень стремилась подъ знамя мятежниковъ съ пылкостію необыкновенною, и зараза, проникая изъ области въ область, распространилась почти по всей Германіи. Поселяне вездѣ грабили монастыри, опустошали земли бароновъ, разрушали за́мки ихъ и убивали безъ милосердія всѣхъ дворянъ, которые, по несчастію, попадались къ нимъ въ руки (1). Насытясь злодѣйствами, стали они размышлять о будущей своей участи, сочинили грамоту, издали ее и объявили, что до тѣхъ поръ не положатъ оружія, пока не будутъ удовлетворены всѣ ихъ требованія, въ ней изложенныя (2).

Нѣкоторыя изъ требованій такого множества народа, вѣроятно, не остались бы неуважены. Но большія, нестройныя толпы черни, собравшіяся въ различныхъ мѣстахъ, дѣйствовали безъ всякаго единодушія, соображенія и постоянства. Ими начальствовали люди самаго низкаго званія, неимѣвшіе никакихъ понятій о военномъ искусствѣ, и потому всѣ дѣла ихъ отличались только звѣрскою лютостію. Швабскіе и Нижнерейнскіе Князья и дворяне собрали вассаловъ, которые остались имъ вѣрными, и, нападая на иныя мятежныя полчища открытою силою, а на другія врасплохъ, отчасти истребили ихъ, а отчасти разсѣяли. Поселяне, опустошивъ беззащитныя мѣста и потерявъ въ сраженіяхъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, принуждены были разойтись по

---

(1) Petr. Crinitus de Bello Rusticano, ap. Freher. Script. Rer. Germ. Argent. 1717, vol. III, p. 243.

(2) Sleid. Hist. p. 90.

домамъ, уже безъ всякой надежды облегчить свою участь (1).

Эти волненія возмущали сначала Германскія области, въ которыя Лютерово ученіе еще мало проникло, и не имѣли никакой связи съ спорными предметами Вѣры, потому что происходили отъ причинъ политическихъ. Но зараза, достигнувъ наконецъ до земель, гдѣ утвердилась Реформація, получила новую силу отъ особенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это важное событіе въ Исторіи рода человѣческаго, и стала еще гибельнѣе. Гдѣ ни принимали Реформацію, тамъ вездѣ окрилялся смѣлый духъ нововведенія, давшій ей начало. Люди, имѣвшіе мужество низпровергнуть систему, которую поддерживало все, что только можетъ внушать благоговѣніе, не способны были бояться никакой власти, какъ бы ни была она велика и достопочтенна. Привыкнувъ считать себя судьями самыхъ важныхъ догматовъ Вѣры, изслѣдовать ихъ, и отвергать безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, если они казались ошибочными, — эти люди очень естественнымъ образомъ обратили тотъ же смѣлый и испытующій взоръ на правленіе, и замыслили вывести всѣ несовершенства, какія въ немъ откроются; а перемѣны въ отношеніи къ Вѣрѣ, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ воли верховной власти, послужили примѣромъ, чтобы такимъ же образомъ поступить и съ политическими дѣлами.

И потому духъ мятежа принялъ новый, опаснѣйшій видъ при своемъ появленіи въ Тюрингіи,

---

(1) Seckend. L. II, p. 10. Petr. Gnodalius de Rusticanorum Tumultu in Germania, ap. Scard. Script. vol. II, p. 131 etc.

области, подчиненной Электору Саксонскому, жители которой всѣ почти были обращены въ Лютеранскую вѣру. Ѳома Мюнцеръ, одинъ изъ учениковъ Лютера, поселясь въ этой странѣ, пріобрѣлъ чудесную власть надъ умами народа. Онъ проповѣдывалъ ему самыя странныя, фанатическія мысли, которыя явно клонились къ его возмущенію. „Лютеръ," говорилъ Ѳома, „принесъ Вѣрѣ болѣе вреда, нежели пользы. Конечно, онъ свергнулъ съ нея иго Папское, но ученіемъ своимъ благопріятствуетъ, а жизнію подаетъ примѣръ сильнѣйшему разврату. Въ избѣжаніе пороковъ, мы должны непрестанно умерщвлять плоть свою, должны быть важны, говорить мало, одѣваться просто и наблюдать степенность во всемъ нашемъ поведеніи. Готовящіе сердца свои такимъ образомъ, могутъ надѣяться, что Высочайшее Существо будетъ направлять стопы ихъ, и видимо изъявлять имъ волю Свою; если же Всемогущій не сподобитъ насъ этого откровенія, то мы можемъ возсылать къ Нему жалобы на Его жестокость и напоминать Ему данныя Имъ обѣты. Эти жалобы и ропотъ будутъ благоугодны Богу и наконецъ побудятъ Его руководить насъ тою же незаблуждающею десницею, которая руководила древнихъ Патріарховъ. Но мы не должны оскорблять Его нашею кичливостію: пусть люди, всѣ равные предъ очами Его, возвратятся въ то состояніе равенства, какъ Онъ создалъ ихъ, и имѣя все общее, живутъ вмѣстѣ, подобно братьямъ, безъ всякихъ знаковъ подчиненности и превосходства (1)."

Какъ нелѣпо ни было это ученіе, но, лестное для страстей человѣческаго сердца, оно произвело

(1) Seckend. l. II, p. 13. Sleid. Hist. p. 83.

глубокое впечатлѣніе. Ограниченіе одной только власти дворянъ, стало уже почитаться преобразованіемъ пустымъ, частнымъ, нестоющимъ труда; предположено было искоренить всякое различіе между людьми и, уничтоживъ собственность, привести ихъ въ первобытное равенство, въ которомъ бы всѣ получали одно общее содержаніе. Мюнцеръ увѣрялъ народъ, что это предпріятіе одобряло самое Небо, и что Всемогущій предрекъ ему успѣхъ въ сновидѣніи. Поселяне вышли на подвигъ не только съ яростію, которая одушевляла чернь въ другихъ частяхъ Германіи, но съ изступленіемъ изувѣровъ. Они отмѣняли начальство и судей во всѣхъ покоряемыхъ городахъ, брали въ свое владѣніе дворянскія земли и принуждали дворянъ носить простонародную одежду, а вмѣсто почетныхъ титлъ — довольствоваться прозвищами, обыкновенными въ самомъ низкомъ званіи людей. Великое множество поселянъ участвовало въ этомъ сумазбродномъ предпріятіи; но Мюнцеръ, вождь и пророкъ ихъ, лишенъ былъ способностей воинскихъ. Его одушевляло все изступленіе изувѣровъ, но онъ не имѣлъ свойственной имъ смѣлости. Съ трудомъ даже уговорили его принять начальство; и хотя онъ скоро набралъ восемь тысячъ человѣкъ, но далъ окружить себя конницѣ подъ предводительствомъ Электора Саксонскаго, Ландгафа Гессенскаго и Герцога Брауншвейгскаго. Князья, не желая проливать крови обольщенныхъ своихъ подданныхъ, послали въ станъ къ мятежникамъ молодаго дворянина объявить имъ полное прощеніе, если они немедленно положатъ оружіе и выдадутъ начинщиковъ бунта. Устрашенный Мюнцеръ сталъ увѣщавать ихъ съ обыкновеннею своею силою не вѣрить коварнымъ обѣщаніямъ при-

тѣснителей и твердо стоять за Бога и свободу Христіанскую.

Но чувство опасности сильнѣе краснорѣчія его дѣйствовало на поселянъ: ихъ лица изображали смятеніе и ужасъ, какъ вдругъ радуга, символъ, избранный мятежниками для знаменъ своихъ, показалась на небѣ. Мюнцеръ, съ удивительнымъ присутствіемъ духа, воспользовался этою случайностію и, поднявъ глаза и руки къ небу, воскликнулъ торжественно: „Смотрите, Богъ даетъ вамъ знаменіе! Это залогъ вашего спасенія и предвѣстіе погибели злыхъ!“ Восторженная чернь огласила воздухъ радостными криками, какъ будто была увѣрена въ побѣдѣ, и, перейдя внезапно изъ одной крайности въ другую, умертвила несчастнаго дворянина, предлагавшаго ей прощеніе, и требовала, чтобы ее вели на непріятеля. Князья, раздраженные этимъ злодѣйскимъ нарушеніемъ законовъ войны, предупредили поселянъ (15 Мая); но буйная чернь сражалась не такъ, какъ надобно было ожидать отъ ея ожесточенія и увѣренности въ успѣхѣ: она не устояла противъ стройнаго войска; болѣе пяти тысячъ мятежниковъ было побито почти безъ сопротивленія, остальные пустились въ бѣгство, и въ самыхъ переднихъ находился вождь ихъ, Мюнцеръ. На другой день, его поймали и присудили къ достойной казни, обнаружившей низкій и робкій духъ его. Смерть Мюнцера положила конецъ бунтамъ, которые навели ужасъ на Германію (1); но изступленныя мысли, посѣянныя имъ, не исчезли, и не долго спустя, произвели слѣдствія, болѣе замѣчательныя.

---

(1) Sleid. Hist. p. 84. Seckend. l. II, p. 12. Gnodalius de Tumultu Rustican. 155.

Во время этихъ происшествій Лютеръ дѣйствовалъ съ примѣрнымъ благоразуміемъ и умѣренностію, отечески заботясь о благѣ обѣихъ сторонъ и не щадя заблужденій ни той, ни другой изъ нихъ: Бароновъ увѣщавалъ онъ обращаться съ подчиненными человѣколюбивѣе и снисходительнѣе; поселянъ же строго порицалъ за мятежный духъ, совѣтуя имъ не роптать на повинности, неразлучныя съ ихъ состояніемъ, и не искать себѣ пособія незаконными средствами (1).

Совсѣмъ не заслужилъ такого же одобренія бывшій въ этомъ году бракъ Лютера съ Катериною а Борія, монахинею благороднаго происхожденія, убѣжавшею изъ своей обители. Даже самые ревностные послѣдователи Лютера почитали это неприличнымъ во время бѣдствій, которымъ подвергалась Саксонія, отечество Реформатора; а враги называли бракъ его не иначе, какъ кровосмѣсительнымъ и нечестивымъ. Самъ Лютеръ чувствовалъ, сколько повредилъ ему этотъ поступокъ; но, внутренно довольный имъ, онъ переносилъ осужденія друзей и упреки противниковъ съ обыкновенною своею твердостію (2).

Въ этомъ же году Реформація лишилась перваго своего благодѣтеля, Фридриха, Электора Саксонскаго (5 Мая); но была утѣшена въ своемъ несчастіи тѣмъ, что умершему Князю наслѣдовалъ братъ его, Іоаннъ, явный и болѣе ревностный, хотя не столько мудрый покровитель Лютера и его ученія.

---

(1) Sleid. Hist. p. 87.
(2) Seckend. l. II, p. 15.

Около этого же времени случилось другое происшествіе, объ которомъ надобно разсказать съ самаго начала, потому что оно произвело значительную перемѣну въ состояніи Германіи. Когда въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ страсть къ Крестовымъ походамъ обуревала всю Европу, тогда основаны были нѣкоторые духовные рыцарскіе Ордены для защиты Вѣры Христіанской отъ Язычниковъ и Невѣрныхъ. Изъ этихъ Орденовъ самый знаменитый въ Германіи былъ Тевтоническій, и рыцари его славно отличались въ Палестинѣ. Изгнанные, наконецъ, изъ владѣній своихъ на Востокѣ, они возвратились въ отечество. Пылкая храбрость ихъ не могла долго оставаться въ бездѣйствіи. Они стали нападать подъ пустыми предлогами на область Пруссію, жители которой были еще идолопоклонники, и, совершенно завоевавъ её около половины тринадцатаго вѣка, владѣли ею нѣсколько лѣтъ, какъ леною, подчиненною Польшѣ. Потомъ начались жестокія войны между Великими Магистрами Ордена и Королями Польскими: первые сражались за независимость, а послѣдніе весьма мужественно поддерживали право своего господства. Альбрехтъ изъ Дома Бранденбуржскаго, избранный Великимъ Магистромъ въ тысяча пять сотъ одиннадцатомъ году, долго велъ войну съ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ; но, принявъ ученіе Лютера, охладѣлъ въ ревности къ выгодамъ своего братства, и, пользуясь смутами въ Имперіи и отсутствіемъ Императора, заключилъ договоръ съ Сигизмундомъ, весь почти въ свою личную пользу. По этому договору, часть Пруссіи, принадлежавшая Тевтоническому Ордену, была обращена въ свѣтское и наслѣдственное Герцожство; Альбрехтъ получилъ на него вводную

грамоту и, въ замѣну, обязался быть данникомъ Королей Польскихъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, онъ торжественно принялъ Реформатскую вѣру и женился на Датской Принцессѣ. Тевтоническіе рыцари такъ сильно вооружились противъ измѣны своего Великаго Магистра, что онъ былъ подвергнутъ Имперской опалѣ; однако, не смотря на это, онъ удержалъ присвоенную землю и передалъ ее своему потомству. Въ послѣдствіи времени, она досталась Курфирстамъ Бранденбуржскимъ, которые вышли изъ зависимости у Польши, и, принявъ титулъ Королей Прускихъ, не только сравнялись съ первыми Князьями въ Германіи, но даже заняли почетное мѣсто между могущественными Государями Европы (1).

По возвращеніи Французскаго Короля въ свое Государство, всѣ Дворы Европейскіе обратили на него взоры, чтобы изъ первыхъ его поступковъ вывести заключеніе о послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Не долго оставались они въ сомнѣніи. Франциискъ, пріѣхавъ въ Байонну, тотчасъ же написалъ письмо къ Англійскому Королю, благодаря его за усердное и дружеское посредничество, которое, говорилъ онъ, доставило ему свободу. На другой день Императорскіе посланники просили аудіенціи, и отъ имени своего Государя требовали, чтобы Францискъ далъ нужныя приказанія для немедленнаго и точнаго исполненія Мадритскаго договора. Король холодно отвѣтилъ: я съ своей стороны готовъ свято соблюсти все обѣщанное; но такъ какъ въ договорѣ есть много статей, которыя касаются не до меня одного, но и до блага Фран-

(1) Sleid. Hist. p. 98. Pfeffel Abrégé de l'Hist. de Droit Publ. p. 605 etc.

цузской Монархіи, то я не могу ничего сдѣлать безъ совѣта съ Чинами Государственными, и мнѣ нужно время, чтобы примирить ихъ съ суровыми условіями, на которыя я согласился (1). Отвѣтъ Короля былъ сочтенъ яснымъ доказательствомъ его намѣренія нарушить договоръ; а льстивое письмо къ Генриху казалось самою приличною мѣрою для полученія отъ него помощи въ войнѣ съ Императоромъ, которая непремѣнно должна была возгорѣться. Эти обстоятельства и вмѣстѣ съ ними откровенныя объявленія Франциска, слышанныя отъ него за тайну посланниками нѣкоторыхъ Итальянскихъ Дворовъ, совершенно увѣрили ихъ, что они справедливо заключали объ его намѣреніяхъ и что онъ воспользуется первымъ случаемъ отмстить за оскорбленія, заставившія его притворно утвердить договоръ Мадритскій. Даже мнительность и опасенія, которыя въ другихъ случаяхъ наводили на Климента какую-то нерѣшимость, были разсѣяны кажущеюся нетерпѣливостію Франциска разорвать всѣ обязательства съ Императоромъ. И самое положеніе Италіи, въ то время, не позволяло Папѣ долго колебаться. Имперіалисты все еще держали въ осадѣ зáмокъ Миланскій. Слабый Сфорса, лишенный совѣтовъ Моронѐ и не имѣвшій въ запасѣ всего нужнаго для обороны, нашелъ средство увѣдомить Климента и Венеціянъ, что онъ скоро сдастся, если они не поспѣшатъ къ нему на помощь. Императорскія войска, неполучавшія жалованья съ битвы при Павіи, жили по своей волѣ въ Миланскомъ Герцожствѣ и брали съ жителей, если вѣрить смѣтѣ Гвичардини, по пяти тысячъ

(1) Mém. de Bellay, p. 97.

дукатовъ каждый день (1). Нельзя было сомнѣваться, что тотчасъ, по взятіи замка, они оставятъ разоренную страну, которая едва доставляла имъ продовольствіе, и переселятся на постой въ плодоносныя и еще нетроганныя земли Папы и Венеціянъ. Помощь Французскаго Короля была единственнымъ средствомъ для спасенія Сфорсы и для защиты ихъ владѣній отъ грабительства Императорскихъ войскъ.

По этимъ причинамъ, Папа, Венеціяне и Герцогъ Миланскій съ равнымъ нетерпѣніемъ желали заключить союзъ съ Францискомъ; а онъ, съ своей стороны, былъ радъ ему, получая посредствомъ его болѣе могущества. Союзный договоръ былъ подписанъ въ Коньякѣ двадцать втораго Мая, и нѣсколько времени сохранялся въ тайнѣ. Главная цѣль его состояла въ томъ, чтобы принудить Императора возвратить свободу сыновьямъ Французскаго Короля за приличный выкупъ и отдать Сфорсѣ Миланское Герцожство; а если бы Карлъ не захотѣлъ сдѣлать ни того, ни другаго, то договорившіеся обязались выставить тридцати пяти тысячное войско, выгнать Испанцевъ изъ Миланскаго Герцожства и овладѣть Неаполитанскимъ Королевствомъ. Союзники объявили Генриха VIII покровителемъ своего союза, названнаго *Священнымъ*, потому что главою его былъ Папа, и, желая дѣйствительнѣе привлечь на свою сторону Генриха, обѣщали ему Княжество въ Неаполитанскомъ Королевствѣ съ тридцатью тысячами дукатовъ ежегоднаго дохода; любимцу же его, Вольсею — земли съ доходомъ десятитысячнымъ (2).

(1) Guic. l. XVII, 360.

(2) P. Heuter. Rer. Austr. l. IX, c. 3, p. 217. Recueil des Traités, II, 124.

Едва заключенъ былъ союзъ, какъ Климентъ, Папскою своею властію, разрѣшилъ Франциска отъ клятвы исполнить договоръ Мадритскій (1). Это право, вредное для нравовъ, уничтожавшее добросовѣстность, которая служитъ основаніемъ всѣхъ дѣлъ между людьми, было слѣдствіемъ власти, присвоенной Папами, въ качествѣ *безгрѣшныхъ* Намѣстниковъ Іисуса Христа на землѣ. Такъ какъ они часто разрѣшали отъ обязательствъ, священныхъ въ мнѣніи людей, то нѣкоторые—изъ личныхъ видовъ, а другіе—по легковѣрію, воображали, что Первосвященникъ имѣлъ право допускать и оправдывать дѣла, сами по себѣ преступныя и противныя закону Божію.

Между тѣмъ, намѣреніе Франциска нарушить договоръ Мадритскій исполнило Императора различныхъ безпокойныхъ мыслей. Онъ обращался съ злополучнымъ Монархомъ безъ всякаго благородства; онъ обнаружилъ во всѣхъ переговорахъ съ нимъ ненасытное честолюбіе; онъ зналъ, какія порицанія навлекъ на себя своею жестокостію, какія опасенія возбудилъ при каждомъ Дворѣ Европейскомъ своею страстію къ господству, — и не получилъ отъ мѣръ своихъ никакихъ выгодъ, которыя политики почитаютъ иногда извиненіемъ самыхъ черныхъ поступковъ и наградою за самыя горькія упреки! Францискъ находился внѣ власти его, и не похоже было, чтобы готовилось хотя одно изъ важныхъ послѣдствій Мадритскаго договора. Карлъ ясно увидѣлъ, какъ опрометчиво повѣрилъ онъ чистосердечію Французскаго Короля, наперекоръ мнѣніямъ умнѣйшихъ своихъ совѣтниковъ, и предугадывалъ, что

(2) Goldast. Polit. Imperial. p. 1002. Pallav. Hist p. 70.

возобновится тотъ самый союзъ, который побудилъ его освободить Франциска, и что этотъ храбрый и раздраженный Монархъ будетъ главою его непріятелей. Самоосужденіе и стыдъ за прошедшее съ мучительными опасеніями на счетъ будущаго, естественнымъ образомъ, родились послѣ этихъ мыслей Карла о своихъ поступкахъ и обстоятельствахъ. Но онъ получилъ отъ природы твердую, непоколебимую волю. Вдругъ отступиться отъ какой нибудь статьи Мадритскаго договора значило бы торжественно признать свое неблагоразуміе и обнаружить страхъ, и потому онъ рѣшился настаивать, не смотря на послѣдствія, чтобы Мадритскій договоръ былъ исполненъ во всей точности и, особенно, не брать ничего въ замѣнъ Бургундіи (1).

Принявъ это намѣреніе, онъ отправилъ Ланноя и Аларкона посланниками ко Двору Французскому и велѣлъ имъ торжественно требовать, чтобы Король или свято исполнилъ договоръ, или возвратился въ Мадритъ плѣнникомъ. Вмѣсто немедленнаго отвѣта, Францискъ, въ ихъ же присутствіи, допустилъ къ себѣ на аудіенцію депутатовъ отъ Чиновъ Бургундскихъ. Они всеподданнѣйше представили ему, что онъ превзошелъ права Короля Французскаго, согласившись отдѣлить отъ короны ту страну, которую обязался сохранять въ цѣлости коронаціонною клятвою. Францискъ, въ свою очередь, благодарилъ ихъ за приверженность къ престолу и убѣждалъ ихъ, хотя весьма слабо, не забывать обязанности его исполнить обѣщанное Императору. Тогда депутаты объявили съ гордостію, что они не будутъ повиноваться повелѣніямъ

(1) Guc. l. XVII, 366.

незаконнымъ, и что если Король предастъ ихъ врагамъ Франціи, то они сами станутъ защищаться всѣми силами съ твердою рѣшимостію лучше погибнуть, нежели покориться чуждому владычеству. Послѣ этого Францискъ, обратясь къ Императорскимъ посланникамъ, представилъ имъ невозможность сдержать свое слово и предложилъ, вмѣсто Бургундіи, заплатить Императору два милліона кронъ. Вицекороль и Аларконъ, легко понявъ, что видѣнное ими было сдѣлано для ихъ обмана, по предварительному согласію Короля съ подданными, объявили рѣшительную волю своего Госураря ни въ одномъ словѣ не отступать отъ договорныхъ статей, и удалились (1). Передъ отъѣздомъ изъ Франціи они съ досадою услышали торжественное обнародованіе Священнаго Союза противъ Императора (11 Іюня).

Карлъ, получивъ извѣстіе объ этомъ союзѣ, говорилъ о Францискѣ передъ всѣмъ Дворомъ своимъ въ самыхъ колкихъ выраженіяхъ, называлъ его Государемъ безъ совѣсти и чести. Не менѣе жаловался онъ и на Климента, тщетно убѣждавъ его оставить новыхъ союзниковъ; онъ винилъ Папу въ неблагодарности, упрекалъ въ честолюбіи, не приличномъ его сану, и грозилъ ему не только всѣмъ мщеніемъ Императорскаго могущества, но даже общимъ Соборомъ, власть котораго ужасала Первосвященниковъ. Однако надобно было противупоставить сильному союзу не одни упреки и угрозы, и Карлъ, движимый страстями, съ необыкновенвою дѣятельностію собралъ нужныя ему въ Италіи пособія людьми и особенно деньгами.

---

(1) Belcar. Comment. de Reb. Gal. 573, Mém. de Bellay, p. 97.

Союзники, съ своей стороны, дѣйствовали совсѣмъ не такъ, какъ обѣщала ихъ непріязнь къ Императору, съ которою они, повидимому, вступили въ Священный Союзъ. Всѣ ожидали большихъ усилій отъ Франциска. Ему надобно было возвратить потерянную честь, отмстить за многія оскорбленія и снова получить то мѣсто между Европейскими Государями, съ котораго онъ низпалъ. Судя по этимъ могущественнымъ побужденіямъ и природной пылкости Короля Французскаго, всѣ полагали, что онъ начнетъ съ своимъ соперникомъ войну, болѣе свирѣпую и кровопролитную, нежели прежде. Но поприще бѣдствій, имъ пройденное, произвело на него сильное впечатлѣніе и было еще свѣже въ его памяти; онъ сталъ не довѣрять самому себѣ, не надѣялся на счастіе и желалъ спокойствія. Освободить сыновей и избѣжать отдачи Бургундскаго Герцожства уплатою денегъ — было главною его цѣлію, для достиженія которой онъ охотно пожертвовалъ бы Императору и Сфорсою и свободою Италіи. Онъ воображалъ однимъ только грознымъ союзомъ своимъ расположить Карла къ справедливости и не хотѣлъ послать значительной силы на помощь въ Миланское Герцожство: наученный опытомъ, онъ опасался, что союзники станутъ болѣе заботиться о своихъ выгодахъ, нежели о точномъ исполненіи обязательствъ, что они оставятъ его, какъ скоро Имперіалисты будутъ вытѣснены изъ Ломбардіи, и такимъ образомъ отнимутъ у переговоровъ его съ Императоромъ тотъ вѣсъ, который они имѣли. Между тѣмъ осаждающіе довели Сфорсу до послѣдней крайности. Папа и Венеціяне, полагаясь на содѣйствіе Французовъ, отправили на помощь къ Герцогу даже болѣе войска, нежели сколько требовала

обстоятельства. Миланцы, любя злополучнаго своего Государя и ненавидя Имперіалистовъ за ихъ жестокости, готовы были подкрѣплять союзниковъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Но полководецъ послѣднихъ, Герцогъ Урбинскій, нерѣшительный отъ природы и удерживаемый старинною враждою съ Домомъ Медичіевъ отъ всякаго дѣйствія къ пользѣ и славѣ Климента (1), частію безъ умысла, частію же нарочно упустилъ много случаевъ, чтобы напасть на Имперіалистовъ и принудить ихъ къ снятію осады. Эта медленность дала Бурбону время подкрѣпить ихъ свѣжими силами и деньгами. Онъ самъ принялъ начальство и такъ дѣятельно повелъ осаду, что Сфорса очень скоро сдалъ замокъ (24 Іюля), и, удалясь въ Лоди, захваченный союзниками, оставилъ въ полной власти Бурбона все Герцожство, на которое Императоръ обѣщалъ пожаловать Коннетаблю вводную грамоту (2).

Тутъ только Итальянцы поняли Франциска и почувствовали, что *загорный* Государь перехитрилъ ихъ, не взирая на все ихъ искусство въ переговорахъ, которымъ они хвалились, какъ исключительною своею способностію. Онъ слагалъ на нихъ все бремя войны и пользовался ихъ усиліями, желая придать вѣсъ предложеніямъ своимъ Мадритскому Двору объ освобожденіи Дофина и Герцога Орлеанскаго. Папа и Венеціяне старались требованіями и жалобами вывести Франциска изъ бездѣйствія, но тщетно (3); тогда собственная ревность и дѣятельность ихъ стали уменьшаться, и Климентъ, никогда не выходившій

---

(1) Guic. l. XVII, 382.
(2) Ibid. p. 376 etc.
(3) Ruscelli Lett. de Principi, II, 157—166.

такъ далеко изъ границъ своей робости, началъ обвинять себя въ легкомысліи и погружаться въ обыкновенную свою нерѣшительность.

Всѣ мѣры Императора, зависѣвшія отъ него самого, были живѣе и обдуманнѣе. Правда, что скудность доходовъ не позволяла ему нанести внезапнаго и сильнаго удара оружіемъ, но за то онъ съ избыткомъ вознаградилъ этотъ недостатокъ происками и переговорами. Колонны, самые могущественные изъ Бароновъ Римскихъ, постоянно держали сторону Гибелиновъ въ тѣ жестокія войны между Папами и Императорами, отъ которыхъ нѣсколько вѣковъ не было покоя и кровь лилась рѣкою въ Италіи и Германіи. Хотя причины, первоначально давшія поводъ къ этой гибельной враждѣ, уже не существовали, хотя ненависть, одушевлявшая обѣ противныя стороны, почти угасла; однако же Колонны остались приверженцами Императоровъ и подъ ихъ покровительствомъ спокойно владѣли своими землями и наслаждались своими преимуществами. Кардиналъ Помпей Колонна, пылкій и честолюбивый, въ то время глава своего Дома, былъ долгое время соперникомъ Климента и приписывалъ его вліянію въ послѣднемъ Конклавѣ уничтоженіе всѣхъ надеждъ своихъ достигнуть Папскаго достоинства, которыя онъ почиталъ вѣрными, по связямъ своимъ съ Императоромъ. Такой обиды честолюбіе никогда не прощаетъ, и хотя Помпей, скрывъ злобу свою, даже подалъ голосъ въ пользу Климента и принялъ важныя должности при Дворѣ его; однако съ великимъ нетерпѣніемъ ждалъ случая отмстить. Какъ въ это время всѣ Папскія войска были заняты въ Ломбардіи, то Донъ Гуго де Монкада, Императорскій по-

сланникъ въ Римѣ, зная чувства Кардинала, внушилъ ему, что для него настала самая лучшая пора насытить свое мщеніе и оказать существенную услугу Императору. Однакожъ Первосвященникъ, прозорливый отъ робости, внимательно наблюдая за ними, еще во время сталъ ихъ опасаться и могъ бы собрать довольно войска для уничтоженія всѣхъ замысловъ Колонны. Но Монкада, искусно занявъ Климента переговорами, обѣщаніями и ложнымъ доброжелательствомъ, усыпилъ всѣ его подозрѣнія и отвлекъ его отъ намѣренія взять необходимыя предосторожности. Что же случилось? Тогда, какъ Папа, грозный могуществомъ и знаменитый государственною мудростію, почиталъ себя въ совершенной безопасности, Колонна, къ стыду его, овладѣлъ одними изъ воротъ столицы, предводительствуя только тремя тысячами человѣкъ. Жители Рима впустили это войско безъ всякаго сопротивленія, потому что не ожидали отъ него никакихъ насилій (29 Сент.). Папская стража тотчасъ разсѣялась, и самъ Климентъ, приведенный въ ужасъ опасностію, пристыженный своимъ легковѣріемъ и почти всѣми оставленный, убѣжалъ въ замокъ Св. Ангела, который былъ немедленно осажденъ. Бунтовщики, разбойнически ограбивъ дворецъ Ватиканскій, храмъ Св. Петра и домы Папскихъ Министровъ и слугъ, болѣе ничего не тронули въ городѣ. Климентъ, лишенный всего необходимаго для продовольствія и защиты, скоро принужденъ былъ предложить сдачу замка, и Монкада со всѣмъ высокомѣріемъ побѣдителя предписалъ ему условія, которыхъ онъ не смѣлъ отвергнуть. Главное состояло въ томъ, чтобы Климентъ не только совершенно простилъ Колоннъ, но даже удостоилъ ихъ своей милости и

немедленно отозвалъ всѣ войска свои отъ союзниковъ въ Ломбардіи (1).

Колонны, имѣвшіе единственною цѣлію низверженіе Климента и возведеніе Помпея, главы своего, на престолъ Св. Петра, весьма обидѣлись договоромъ, который предавалъ ихъ во власть Первосвященника, справедливо на нихъ разгнѣваннаго. Но Монкада, внимательный только къ выгодамъ своего Государя, мало смотрѣлъ на ихъ негодованіе и жалобы, и счастливою мѣрою своею совершенно ослабилъ союзниковъ.

Между тѣмъ какъ войско союзниковъ значительно уменьшилось, Имперіалисты получили два сильныя подкрѣпленія: одно, изъ шести тысячь Испанцевъ, прибыло подъ начальствомъ Ланноя и Аларкона; другое, изъ четырнадцати тысячь человѣкъ, за плату по одной только кронѣ каждому, набралъ въ Имперіи Георгъ Фронспергъ, дворянинъ Германскій, который, служа въ Италіи съ отличною славою, пріобрѣлъ такое вліяніе и любовь народную, что соотечественники его, всегда готовые пускаться въ военныя предпріятія, въ это время, съ особенною охотою, толпами стекались подъ его знамя, будучи рады случаю избавиться отъ притѣсненій въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ, съ своей стороны, послалъ въ Италію двѣ тысячи конницы изъ Австрійскихъ владѣній. Но хотя войско набиралось, а содержать его Императору было нечѣмъ. Обыкновенные доходы всѣ вышли; обширнаго кредита, при младенческомъ состояніи торговли, Государи не имѣли; Чины Кастильскіе рѣшительно

(1) Jovii Vita Pomp. Colonn. Guic. l. XVII, 407. Ruscelli Lettere de Principi, I, p. 104.

отказали Карлу въ чрезвычайномъ пособіи, не смотря на всѣ средства задобрить ихъ и на нѣкоторыя перемѣны въ коренномъ уставѣ Королевства для принужденія ихъ къ содѣйствію деньгами (1). Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе возрастало число войска, тѣмъ болѣе увеличивалось замѣшательство и опасность полководцевъ. Бурбонъ, особенно, находился въ величайшемъ затрудненіи, и имѣлъ нужду во всей своей оборотливости и мужествѣ, чтобъ выдти изъ него. Онъ уже много задолжалъ Испанскимъ полкамъ въ Миланскомъ Герцожствѣ, когда Фронспергъ привелъ шестнадцать тысячь голодныхъ и полунагихъ Нѣмцевъ. И тѣ и другіе ожесточились: первые требовали жалованья, послѣдніе — обѣщанной имъ платы, какъ скоро они придутъ въ Ломбардію. Бурбонъ не могъ удовлетворить ни стараго, ни новаго войска. Эта крайность принудила его къ насилію, которое было совершенно противно его благородству и человѣколюбію. Онъ захватилъ главныхъ Миланскихъ гражданъ, вынудилъ у нихъ большое количество денегъ угрозами и даже пытками, похитилъ изъ церквей всю утварь и украшенія, и полученную этими средствами добычу раздѣлилъ между солдатами, выражая имъ такъ льстиво свое участіе и заботливость, что унялъ на время ропотъ ихъ, хотя еще много не доплатилъ жалованья (2).

Между прочими мѣрами къ снисканію денегъ, Бурбонъ далъ жизнь и свободу Моронѣ, который содержался въ темницѣ съ тѣхъ поръ, какъ Аларконъ отвезъ его подъ стражу изъ дома Пескары

---

(1) Sandov. I, 814.

(2) Ripamond. Hist. Mediol. l. IX, p. 717.

и былъ приговоренъ Испанскими судьями къ смерти. Полученная милость стоила ему двадцать тысячъ дукатовъ. Черезъ нѣсколько дней, изъ плѣнника онъ сталъ первымъ повѣреннымъ Бурбона и совѣтникомъ его во всѣхъ важныхъ дѣлахъ: таковы были удивительныя его способности и чудесное влiянiе на умы людей! Вѣроятно, Моронѐ заставилъ Бурбона подозрѣвать, что Императоръ никогда не намѣревался пожаловать ему вводной грамоты на Миланское Герцожство, и назначилъ Лейву и другихъ полководцевъ Испанскихъ не столько для усерднаго содѣйствiя ему, сколько для надзора за его поступками. Должно быть, Моронѐ же, осмидесяти-лѣтнiй возрастомъ, но юноша предпрiимчивостью, внушилъ Бурбону ту смѣлую и неожиданную мѣру, которую онъ принялъ спустя короткое время (1).

Состоянiе Императорскихъ войскъ въ Миланскомъ Герцожствѣ требовало немедленной помощи. Долгъ солдатамъ возрасталъ ежедневно, денегъ Императоръ не присылалъ, и вся жестокость военнаго насилiя ничего уже не могла вынудить отъ страны обобранпой и разоренной. Въ этомъ положенiи оставалось или распустить войско, или идти кормиться въ непрiятельскiя земли. Владѣнiя Венецiянъ лежали ближе; но республиканцы съ обыкновенною своею предусмотрительностiю и благоразумiемъ взяли всѣ мѣры, которыя обезпечивали ихъ отъ нападенiя. Болѣе было нечего дѣлать, какъ вторгнуться въ Церковную Область, или въ земли Флорентинцевъ; а Климентъ и дѣйствительно заслуживалъ полнаго мщенiя Императора за дѣла свои. Какъ толь-

---

(1) Guic. l. XVII. 419.

ко войска его возвратились въ Римъ изъ Ломбардіи, то онъ, не смотря на договоръ съ Монкадою, лишилъ Кардинальскаго достоинства Помпея Колонну, отлучилъ отъ Церкви всѣхъ членовъ его Дома, захватилъ крѣпкія мѣста въ ихъ владѣніяхъ и опустошилъ ихъ земли со всею жестокостію, которую естественнымъ образомъ возбуждаетъ чувство свѣжей обиды. Потомъ онъ обратилъ свое оружіе противъ Королевства Неаполитанскаго, и завоевалъ часть его, съ помощію Французскаго флота; потому что Ланной, подобно прочимъ Императорскимъ полководцамъ, терпѣлъ крайность въ деньгахъ, нужныхъ для успѣшной защиты (1).

1527 г. — Эти дѣйствія Папы оправдывали, съ перваго взгляда, то, что Бурбонъ предпринялъ по необходимости; а неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, всего лучше доказываютъ и отчаянное его положеніе и великія его способности, умѣвшія преодолѣвать всѣ препятствія. Поручивъ управленіе Миланомъ Лейвѣ и не безъ удовольствія разлучась съ этимъ полководцемъ, Бурбонъ выступилъ въ походъ, въ глубокую зиму (30 Янв.), съ двадцатипятитысячнымъ войскомъ, составленнымъ изъ народовъ, различныхъ по языку и по нравамъ, безъ денегъ, безъ огнестрѣльнаго снаряда, безъ обоза, однимъ словомъ — безъ всего, что необходимо какъ для самаго небольшаго отряда, такъ и для продовольствія и движеній рати многочисленной. Путь лежалъ черезъ страну, пересѣкаемую рѣками и горами, по дорогамъ, почти непроходимымъ, въ виду неусыпнаго и сильнѣй-

(1) Jovii Vita Pomp. Colon. Guic. l. XVIII, 424.

шаго непріятеля, который готовъ былъ воспользоваться каждою выгодою. Но Императорскія войска, выведенныя изъ терпѣнія бѣдственнымъ своимъ положеніемъ и манимыя надеждою несмѣтной добычи, не смотрѣли на недостатокъ всего нужнаго къ походу, и слѣдовали за Бурбономъ съ великою радостію. Прежде всего онъ хотѣлъ овладѣть Пьаченцою и удовлетворить солдатъ, отдавъ имъ на разграбленіе этотъ городъ; но бдительность союзныхъ полководцевъ уничтожила его намѣреніе; не болѣе успѣлъ онъ, подступивъ и къ Болоньѣ, заранѣе снабженной достаточною силою для защиты отъ непріятеля, неимѣвшаго ни огнестрѣльнаго снаряда, ни военныхъ припасовъ, Однако, не смотря на эти двѣ неудачи, Бурбонъ долженъ былъ идти далѣе. Но онъ шелъ уже два мѣсяца; войско его извѣдало всѣ бѣдствія, которымъ люди, лишенные необходимыхъ потребностей, могутъ подвергнуться въ землѣ непріятельской отъ суровой зимы и продолжительнаго похода; блистательныя обѣщанія, обольстившія ихъ, оказались пустыми; лучшаго впереди они ничего не видѣли; терпѣніе ихъ, испытанное какъ нельзя болѣе, наконецъ истощилось, и они взбунтовались. Нѣкоторые офицеры, хотѣвшіе вдругъ усмирить ихъ, пали жертвами ихъ бѣшенства; самъ Бурбонъ, не смѣя показаться имъ въ первые порывы слѣпаго ихъ отчаянія, принужденъ былъ скрыться (1). Но буря постепенно утихла, и онъ, умѣя чудеснымъ образомъ управлять умами солдатъ, возобновилъ свои обѣщанія войску съ бо́льшею убѣдительностію, нежели прежде, и увѣрилъ его,

(1) Guic. l. XVIII, 434. Jovii Vita Colon. 163.

что они скоро сбудутся. Между тѣмъ, стараясь примирить полки свои съ жестокою ихъ участью, онъ самъ раздѣлялъ ее: онъ жилъ не лучше простыхъ солдатъ; ходилъ подлѣ нихъ пѣшкомъ, пѣлъ вмѣстѣ съ ними военныя пѣсни, въ которыхъ они прославляли его доблести и острили надъ его бѣдностію; и позволялъ имъ на пути, въ предвкушеніе обѣщаннаго, грабить деревни, какъ они хотѣли. Ободренные такимъ лестнымъ обращеніемъ и свободою, они совершенно забыли нужды свои и жалобы, и слѣдовали за Бурбономъ съ прежнею слѣпою довѣренностію (1).

Между тѣмъ онъ тщательно скрывалъ свои намѣренія. Римъ и Флоренція, не зная, надъ кѣмъ разразится гроза, находились въ самомъ мучительномъ сомнѣніи. Климентъ, равно дорожившій безопасностію ихъ обоихъ, сильнѣе обыкновеннаго колебался нерѣшимостію, и тогда, какъ близкая опасность требовала мѣръ скорыхъ и сильныхъ, онъ терялъ время въ безплодныхъ совѣщаніяхъ, и, болѣе способный усматривать, нежели отвращать затрудненія, каждый день принималъ новыя намѣренія, недоумѣвая, на чемъ остановиться: то рѣшался онъ тѣснѣе соединиться съ союзниками и бодро вести войну, то желалъ прекратить всѣ неудовольствія, примирясь съ Ланноемъ, который, зная страсть его къ переговорамъ, докучалъ ему своими предложеніями. Наконецъ робость превозмогла, и послѣдняя мѣра была предпочтена первой. По главнымъ статьямъ договора, заключеннаго съ Вице-Королемъ, между Папскими и Императорскими войсками утверждалось осьмимѣсячное перемиріе; Климентъ обязывался

(1) Oeuvr. de Brant. vol. IV, p. 246 etc.

выдать шестьдесятъ тысячъ кронъ на удовлетвореніе Императорской рати, простить Колоннъ и возвратить имъ всѣ ихъ прежнія достоинства и владѣнія; а Ланной долженъ былъ пріѣхать въ Римъ и отклонить Бурбона отъ приближенія къ этой столицѣ и къ Флоренціи (1). Климентъ такъ твердо полагался на этотъ нечаянный договоръ, который лишилъ его всякой надежды на помощь союзниковъ, не доставивъ вѣрной безопасности, что, подобно человѣку, вдругъ избавленному отъ всѣхъ затрудненій, онъ былъ совершенно доволенъ, и, въ полной безпечности, распустилъ все войско, кромѣ своихъ тѣлохранителей. Эта странная довѣренность Климента, во всѣхъ другихъ случаяхъ боязливаго и подозрительнаго до крайности, показалась непостижимою Гвичардини. Бывши тогда Папскимъ Генералъ-Коммисаромъ и Резидентомъ въ союзномъ войскѣ, онъ имѣлъ, при большихъ своихъ дарованіяхъ, прекрасный случай замѣтить мечтательность всѣхъ надеждъ Климента, и приписываетъ поступокъ его судьбѣ, которой не могутъ избѣжать обреченные на погибель (2).

Вицекороль хотѣлъ, повидимому, свято исполнить договоръ, и, отдѣливъ Климента отъ союзниковъ, обратить оружіе Бурбона противъ Венеціянъ, которые дѣйствовали тогда сильнѣе всѣхъ прочихъ непріятелей Императора. Съ этою цѣлію Ланной послалъ гонца къ Бурбону извѣстить его о заключеніи перемирія съ Папою, отъ имени общаго ихъ Государя. Бурбонъ имѣлъ другіе замыслы и, слѣдуя имъ, зашелъ такъ далеко,

(1) Guic. l. XVII, 436.
(2) Guic. l. XVIII, 446.

что ему нельзя было и думать о попятномъ пути. Онъ не могъ велѣть войску идти назадъ, не подвергнувъ себя опасности; онъ не зависѣлъ отъ Ланноя въ начальствѣ; страстно хотѣлъ уязвить человѣка, котораго ненавидѣлъ по многимъ причинамъ, и потому, не обращая никакого вниманія на присланное увѣдомленіе, продолжалъ разорять Церковныя земли и приближаться къ Флоренціи. Тогда весь страхъ, всѣ мучительныя опасенія возвратились къ Клименту съ новою силою; онъ прибѣгнулъ къ Ланною, умолялъ и заклиналъ его остановить Бурбона. Ланной отправился въ станъ Коннетабля, но не осмѣлился доѣхать: тамъ солдаты, провѣдавъ о перемиріи, пришли въ бѣшенство и съ угрозами требовали исполненія данныхъ имъ обѣщаній; самъ вождь едва обуздывалъ свое войско. Всѣ въ Римѣ увидѣли, что не возможно было отвратить грозы и что осталось только готовиться къ ея встрѣчѣ. Одинъ лишь Климентъ предался прежней своей безпечности, повѣривъ двусмысленнымъ выраженіямъ Бурбона, въ которыхъ онъ изъявилъ свое согласіе на миръ. (1).

Бурбонъ, съ своей стороны, былъ въ большомъ безпокойствѣ. Всѣ покушенія его противъ важныхъ мѣстъ до сихъ поръ не удавались, и Флоренція, къ которой онъ приближался, уже смѣло ждала его, потому что Герцогъ Урбинскій обезопасилъ её своимъ войскомъ. Надобно было перемѣнить дорогу и принять новое намѣреніе. Бурбонъ, не колеблясь, избралъ столько же дерзкое само по себѣ, сколько и нечестивое по понятіямъ того вѣка. Онъ рѣшился взять приступомъ Римъ и разграбить его. Многія при-

---

(1) Guic. l. XVIII, 437 etc. Mém. de Bellay, p. 100.

чины побуждали Коннетабля къ этому предпріятію. Онъ хотѣлъ посрамить Ланноя, который обѣщалъ безопасность Папской столицѣ; онъ воображалъ, что Императору будетъ весьма пріятно уничиженіе Климента, главнаго виновника Коньякскаго договора; онъ надѣялся навсегда привязать къ себѣ солдатъ, удовлетворивъ хищность ихъ несмѣтною добычею, или, всего вѣроятнѣе, онъ полагалъ, завоевавъ первый городъ въ мірѣ Христіанскомъ, пріобрѣсти такое могущество и славу, которыя дадутъ ему возможность положить основаніе своей независимости, прервать всѣ связи съ Императоромъ и покорить Неаполитанское Королевство или одно изъ Италійскихъ владѣній (1).

Какія бы не имѣлъ онъ побудительныя причины, но совершилъ свое необыкновенно смѣлое предпріятіе съ удивительною быстротою. Войско его, увидѣвъ свою добычу въ полномъ блескѣ, не жаловалось ни на усталасть, ни на голодъ, ни на службу безъ платы. Едва двинулось оно отъ Тускани къ Риму, какъ Папа, чувствуя наконецъ обманчивость надеждъ своихъ, бросилъ свою безпечность. Но даже смѣлый и рѣшительный Первосвященникъ не успѣлъ бы тогда принять надлежащихъ мѣръ для успѣшной обороны; при слабомъ же Климентѣ все было смятеніе, безпорядокъ и робость. Однако онъ собралъ тѣхъ изъ распущенныхъ солдатъ, которые находились еще въ городѣ, вооружилъ ремесленниковъ, Кардинальскихъ служителей и шлейфоносцевъ; задѣлалъ проломы въ стѣнахъ, началъ новыя укрѣпленія и отлучилъ Бурбона и войско его отъ

---

(1) Brant. IV, 271; VI, 189. Belcarii Comment. 594.

Церкви, понося Нѣмцевъ именемъ Лютеранъ, а Испанцевъ именемъ Мавровъ (1). Полагаясь на эти военныя приготовленія и на духовное свое оружіе, онъ оставилъ природную робость, и, не слушая представленій своихъ совѣтниковъ, рѣшился ждать непріятеля, отъ котораго легко бы могъ спастись заблаговременнымъ удаленіемъ.

Бурбонъ, чувствуя необходимость поспѣшности, когда открылись его намѣренія, шелъ съ такою скоростію, что перегналъ нѣсколькими днями Герцога Урбинскаго, и вечеромъ пятаго Мая сталъ станомъ на поляхъ Римскихъ. Отсюда указалъ онъ солдатамъ на церкви и дворцы города, въ который, какъ въ столицу міра Христіанскаго, многія столѣтія стекалось богатство всей Европы и еще ни разу не было тронуто рукою непріятельской; велѣлъ войску отдохнуть въ продолженіе ночи и обѣщалъ ему на другой день приступъ и сокровища Рима, въ награду за труды и мужество.

Рано утромъ, рѣшась ознаменовать этотъ день или своею смертію, или успѣхомъ своего предпріятія, Бурбонъ находился уже впереди войска, въ полномъ вооруженіи, сверхъ котораго носилъ бѣлый плащъ, чтобъ быть замѣтнѣе для друзей и непріятелей, и немедленно повелъ полки свои на приступъ, потому что все зависѣло отъ смѣлости. Три отряда изъ трехъ различныхъ народовъ, составлявшихъ всю рать: одинъ изъ Нѣмцевъ, другой изъ Испанцевъ, а послѣдній изъ воиновъ Италіи, пошли къ стѣнамъ съ трехъ различныхъ сторонъ; главная же сила слѣдовала за ними для подкрѣпленія. Густой туманъ скры-

(1) Seckend. I. II, 68.

валъ ихъ, пока они достигли до рва, окружавшаго предмѣстія; тотчасъ приставивъ лестницы, каждый отрядъ бросился на приступъ съ пылкостію, усиленною народнымъ соревнованіемъ. Сначала осаждающіе были приняты мужественно; Швейцарцы въ Папской службѣ и собранные старые воины дрались съ храбростію, приличною людямъ, которымъ ввѣрили защиту знаменитѣйшаго города въ свѣтѣ. Войска Бурбона, не взирая на всѣ свои усилія, не могли взять укрѣпленій и даже начали отступать; тогда вождь ихъ, видя, что отъ этого рѣшительнаго мгновенія зависѣла судьба приступа, соскочилъ съ коня, устремился впередъ, выхватилъ у одного солдата лестницу, приставилъ ее къ стѣнѣ и началъ всходить, ободряя воиновъ голосомъ и рукою за собою слѣдовать. Но въ это самое время пуля жестоко поразила его въ пахъ; Бурбонъ чувствовалъ опасность раны, и однако сохранилъ такое присутствіе духа, что велѣлъ близъ стоявшимъ закрыть себя плащемъ, желая утаить смерть свою отъ войска, и вскорѣ потомъ кончилъ жизнь съ твердостію, которая была бы достойна высочайшей хвалы, еслибъ онъ палъ защищая свое отечество, а не предводительствуя врагами его (1).

Это несчастіе не скрылось отъ войска. Не видя вождя своего среди опасностей, оно скоро догадалось, что его уже нѣтъ; но не оробѣло, а одушевилось новою храбростью; имя Бурбона раздавалось по рядамъ съ воплями: *кровь и мщеніе*. Старые воины, защищавшіе стѣны, были пере-

(1) Mém. de Bellay, 101. Guic. l. XVIII, p. 445 etc. Oeuvr. de Brant. IV, 257 etc.

силены множествомъ; новобранцы пустились въ бѣгство при видѣ опасности, и непріятель ворвался въ городъ.

Между тѣмъ Климентъ въ главномъ алтарѣ храма Св. Петра возсылалъ къ небу молитвы о побѣдѣ. Но едва онъ узналъ, что войско его отступало, какъ пустился бѣжать изъ церкви; и, по непонятной судьбѣ, которая удивительнѣе всѣхъ странныхъ происшествій, упомянутыхъ въ нашемъ повѣствованіи, вмѣсто того, чтобы уйти въ противоположныя городскія ворота, гдѣ еще не было непріятеля, онъ заперся въ замкѣ Св. Ангела съ тринадцатью Кардиналами, съ иностранными посланниками и многими изъ знатныхъ особъ столицы, хотя недавно, во время бунта Колоннъ, уже испыталъ ненадежность избраннаго убѣжища. На пути изъ Ватикана въ крѣпость онъ видѣлъ бѣгство воиновъ своихъ передъ непріятелемъ, разившимъ ихъ безъ пощады; слышалъ вопли и стенанія гражданъ Римскихъ; былъ свидѣтелемъ начала тѣхъ бѣдствій, которыя самъ же навлекъ на подданныхъ своимъ легковѣріемъ и неблагоразуміемъ (1).

Нельзя описать и даже вообразить ужасовъ, послѣ того бывшихъ. Несчастные жители испытали все, чего городъ, взятый приступомъ, можетъ страшиться отъ необузданной ярости побѣдителей; они извѣдали всѣ неистовства, на которыя способны были Нѣмцы, Испанцы и воины Италіи: одни по свирѣпости своей, другіе по жадности, послѣдніе по разврату. Храмы, дворцы и простые домы подвергались грабежу безъ всякаго различія: ни возрастъ, ни санъ, ни полъ, не

(1) Jov. Vit. Colon. 165.

избавляли отъ жестокости непріятелей. Кардиналы, дворяне, священники, женщины, дѣвицы, всѣ были добычею солдатъ; всѣ достались на произволъ людей, чуждыхъ человѣколюбія. Насилія не прекратились и по прошествіи первыхъ порывовъ бѣшенства, какъ случается обыкновенно въ городахъ, взятыхъ приступомъ: Имперіалисты нѣсколько мѣсяцевъ владѣли Римомъ, и во все это время наглость и звѣрство ихъ не уменьшались. Добыча ихъ однѣми чистыми деньгами простиралась до милліона дукатовъ; а сокровища, награбленныя и полученныя за выкупы, стоили гораздо болѣе. Хотя сѣверные народы, нападавшіе на Имперію въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ, нѣсколько разъ брали Римъ, но никогда варвары и язычники Гуны, Вандалы и Готы не поступали съ нимъ такъ немилосердо, какъ въ это время православные подданные Государя Христіанскаго (1).

По смерти Бурбона начальство надъ Императорскою ратью принялъ Филибертъ де Шалонъ, Принцъ Оранскій. Съ трудомъ склонилъ онъ отстать отъ грабежа столько солдатъ, сколько было необходимо для осады замка Св. Ангела. Климентъ тотчасъ же почувствовалъ, что сдѣлалъ очень неблагоразумно, удалившись въ эту крѣпость, неприготовленную къ защитѣ; однако не отчаявался продержаться въ ней до прибытія на помощь Герцога Урбинскаго, потому что Имперіалисты вяло вели осаду, презирая военный порядокъ и думая только о грабительствѣ. Герцогъ шелъ съ войскомъ, составленнымъ изъ

(1) Jov. Vit. Colon. 166. Guic. l. XVIII, 440 etc. Comment. de Capta Urbe Romae, ap. Scardium, II, 230. Ulloa Vita del Carlo V, p. 110 etc. Giannone Hist. of. Naples. B. XXXI. c. 3, p. 507.

Венеціянъ, Флорентинцевъ и Швейцарцевъ, и могъ освободить Климента отъ опасности; но, предпочитая удовлетвореніе ненависти своей къ Дому Медичіевъ избавленію столицы Христіанства и главы Церкви, онъ объявилъ это предпріятіе отчаяннымъ, и, по высокой утонченности въ мщеніи, подвинувшись впередъ такъ далеко, чтобы войско его было видно со стѣнъ Св. Ангела и польстило Папу надеждою на помощь, вдругъ отступилъ (1). Климентъ, лишенный всякаго пособія и отъ голода принужденный питаться ослинымъ мясомъ (2), сдался на произволъ побѣдителей. Онъ согласился заплатить четыреста тысячъ дукатовъ войску; уступить Императору всѣ крѣпкія мѣста, принадлежавшія Церквѣ; дать заложниковъ, и, сверхъ того, остаться плѣнникомъ до выполненія главныхъ условій. Его поручили Аларкону, который строгою бдительностію, когда стерегъ Франциска, вполнѣ доказалъ свою способность къ ввѣренной ему должности. Такимъ образомъ, по странному случаю, одинъ и тотъ же человѣкъ имѣлъ подъ своимъ присмотромъ двухъ самыхъ знаменитыхъ изъ всѣхъ плѣнниковъ, которые бывали въ Европѣ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Вѣсть объ этомъ необыкновенномъ и неожиданномъ происшествіи равно изумила и обрадовала Императора. Но, желая скрыть удовольствіе свое отъ подданныхъ, которыхъ ужасало преступленіе ихъ соотечественниковъ, и уменьшить негодованіе прочей Европы, онъ объявилъ, что Римъ былъ взятъ безъ его воли; писалъ ко

---

(1) Guic. l. XVIII, 450.
(2) Jov. Vit. Colon. 167.

всѣмъ союзнымъ Государямъ, что ничего не зналъ о намѣреніи Бурбона (1); назначилъ при Дворѣ своемъ трауръ; запретилъ торжествовать рожденіе сына своего Филиппа, и (хитрость лицемѣрная и грубая!) велѣлъ во всей Испаніи служить молебны объ избавленіи Папы, котораго тотчасъ же могъ бы освободить однимъ словомъ (2).

Не менѣе счастливилось Австрійскому Дому и въ другомъ краю Европы. Когда Солиманъ вторгнулся въ Венгрію съ трехсотысячною ратью, то Венгро-Богемскій Король, Людовикъ II, слабый и неопытный, пошелъ на встрѣчу къ нему съ войскомъ только изъ тридцати тысячь человѣкъ. По неблагоразумію, еще болѣе непростительному, онъ поручилъ начальство Павлу Томорри, Францисканскому монаху, Архіепископу Глацкому. Этотъ плохой полководецъ, въ одеждѣ своего ордена, подпоясанный веревкою, повелъ войско впередъ и, побуждаемый собственнымъ высокомѣріемъ и пылкостію дворянства, которое презирало опасность и не любило продолжительной службы, далъ гибельное сраженіе при Могачѣ (29 Авг. 1526 г.), гдѣ самъ Король, цвѣтъ дворянства Венгерскаго, и болѣе двадцати тысячь человѣкъ пали жертвами его глупости. Солиманъ, послѣ этой побѣды, овладѣлъ нѣкоторыми изъ самыхъ крѣпкихъ городовъ въ южной Венгріи и, пройдя остальную часть ея, увелъ въ плѣнъ около двухъ сотъ тысячь жителей. Такъ какъ Людовикъ былъ послѣднею мужескою отраслію Дома Ягеллоновъ, то Эрцгерцогъ Фердинандъ требовалъ обѣихъ коронъ его, основываясь

---

(1) Ruscelli Lett. de Prin. II, 234.

(2) Sleid. 109. Sandov. I, 822. Mauroc. Hist. Veneta, l. III, 220.

на древнихъ притязаніяхъ Австрійскаго Дома и на правахъ жены своей, единственной сестры убитаго Короля. Однако феодальныя учрежденія сохраняли еще въ Венгріи и Богеміи такую силу и дворянство этихъ Королевствъ имѣло еще такую обширную власть, что правленіе было въ нихъ избирательное, и домогательство Фердинанда, безъ сильныхъ поддержекъ, не заслужило бы особеннаго вниманія. Но личныя его достоинства; почтеніе къ брату его, первѣйшему Монарху въ Христіанствѣ; необходимость избрать Государя, который доставилъ бы своимъ подданнымъ новую защиту отъ грознаго оружія Турковъ, и происки вдовствующей супруги послѣдняго Короля побѣдили предубѣжденіе Венгровъ къ Эрцгерцогу, какъ чужеземцу, и способствовали возшествію Фердинанда на престолъ Венгерскій, хотя многіе подали голосъ въ пользу Воеводы Трансильванскаго. Богемскіе Чины послѣдовали примѣру своихъ сосѣдовъ; но, въ обезпеченіе собственныхъ преимуществъ, принудили Фердинанда передъ коронованіемъ подписать грамоту, въ которой сказано было, что онъ получилъ корону безъ всякихъ правъ на нее, а по добровольному ихъ избранію. Этимъ великимъ прибавленіемъ земель, въ послѣдствіи времени обращенныхъ въ наслѣдственныя, Государи Австрійскаго Дома пріобрѣли могущество, опасное для прочей Германіи (1).

Раздоры между Папою и Императоромъ очень благопріятствовали Лютеранизму. Карлъ, раздра-

---

(1) Steph. Broderick Procancelarii Hungar. Clades in Campo Mohacz, ap Scardium, II, 218. P. Barre Hist. d'Allemagne, t. VIII, part. I, p. 198.

женный поступками Климента и совершенно занятый противоборствомъ союзу, который Папа составилъ противъ него, не имѣлъ ни охоты, ни времени къ принятію мѣръ для пресѣченія новомыслія въ Германіи. На Сеймѣ Имперскомъ въ Шпейерѣ (25 Іюня 1526 г.), онъ только убѣждалъ Князей, чтобы они, не поощряя нововведеній, терпѣливо ожидали общаго Собора, котораго онъ требовалъ отъ Климента. Князья, съ своей стороны, признавъ это средство надлежащимъ и законнымъ къ исправленію злоупотребленій въ Церквѣ, утверждали, что свой Соборъ въ Германіи былъ бы дѣйствительнѣе для этой цѣли; на совѣтъ же Императора не поощрять нововведеній не обратили никакого вниманія: даже въ продолженіе Сейма, богословы, сопровождавшіе въ Шпейеръ Электора Саксонскаго и Ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, проповѣдывали всенародно и отправляли божественную службу по обрядамъ Преобразованной Церкви (1). Собственный примѣръ Императора ободрялъ Нѣмцевъ не очень уважать Папскую власть. Въ жару гнѣва, онъ обнародовалъ длинную грамоту съ возраженіями на колкое письмо, присланное Климентомъ въ свое оправданіе. Изобразивъ самыми яркими красками неблагодарность, коварство и честолюбіе Первосвященника, Императоръ изъявилъ желаніе предоставить дѣла Вѣры на разсмотрѣніе общаго Собора, и тогда же особеннымъ письмомъ, отправленнымъ въ Кардинальскую Коллегію, не только жаловался ей на пристрастіе и несправедливость Папы, но даже просилъ её, чтобы, изъ ревности ко благу Церкви Христіанской, объ

(1) Sleid. 103.

которомъ постыдно нерадѣлъ главный пастырь ея, она созвала Соборъ отъ своего имени, если Климентъ не согласится на это духовное совѣщаніе, или будетъ его откладывать (1). Грамота Императора, почти не уступавшая въ язвительности сочиненіямъ Лютера, была весьма искусно распущена по Германіи и уничтожила дѣйствіе всѣхъ объявленій Карла противъ новыхъ мнѣній, потому что люди всякаго званія читали ее съ жадностію.

Конецъ втораго тома.

(1) Goldast. Polit. Imperial p. 984.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
2	29	супругою	съ супругою
19	7	Альбертскаго	д'Альберта
25	29	долго удерживались	ихъ долго удерживали
27	24	по своимъ правиламъ Вѣры	правилами своего Ордена
28	26	по его возрасту	въ его возрастѣ
36	35	безпокоемый	безпокоимый
37	27	собирали	собирались
48	15	а	и
51	14	признали	признавали
60	9	предвидимыя	предводимыя
65	11	Пфалц-	Пфальц-
—	25	невѣрные	Невѣрные
68	3	трудно въ настоящемъ	трудно было въ тогдашнемъ
75	11	царствованія (1513) замѣчательнымъ	царствованія замѣчательнымъ
75	12	представился	представился (въ 1513):
86	15	Виттембергѣ	Виттенбергѣ
101	20	Виттембергскаго	Виттенбержскаго
105	25	его	ея
108	22	къ	въ
163	30	Ронквиллу	Ронкильо
164	26	Медино дель Кампо	Медина дель Кампо
170	7	ее бы отвратилъ	отвратилъ бы ее
173	32	назначивъ	назначили
175	23	Чины Юнты	Члены Юнты
208	10	блапріятнымъ	благопріятнымъ
225	25	почишавшій	почитавшій

Напечатано:			*Должно читать:*
Стран.	Строк.		
226	12	Медичіемъ	Медичи
240	28	слишкомъ отъ	отъ слишкомъ
277	31	Аларконъ отвезъ его	былъ отвезенъ Аларкономъ
278	1	и былъ приговоренъ	и приговоренъ
284	11	дадутъ	дали бы
287	30	свой	своей.

